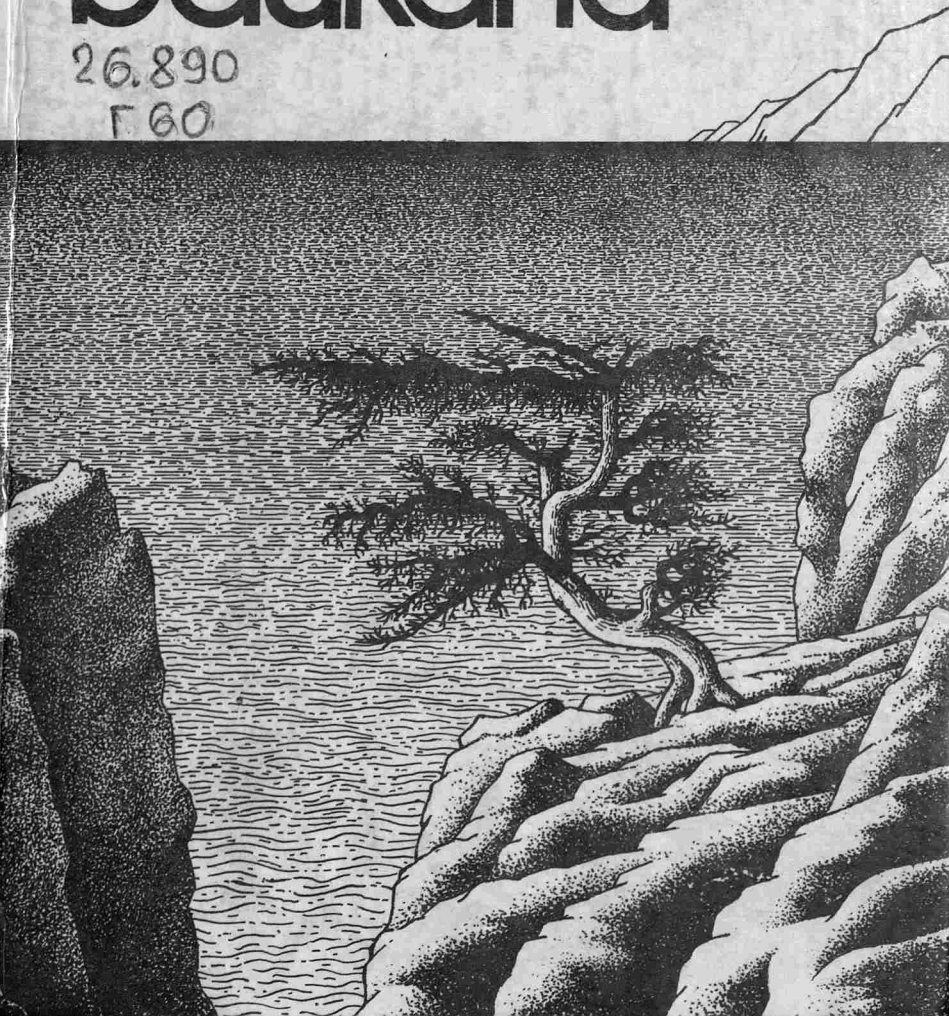

А.И. Голенкова

Снедонымы Баїкана

26.890

Г 60

1.398804

08

201

K

26.890

Г 60

А.И. Голенкова

Следопыты Байкала

108868:1

+

Иркутская областная
Библиотека
им. И. И. Молчанова
Иркутск 1986
Восточно-Сибирское книжное издательство

К/10
117

91 (С18)
Г60

Рецензент доктор географических наук
К. К. Вотинцев

Голенкова А. И.

Г60 Следопыты Байкала. Очерки.— 2-е дополн. изд.—
Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство,
1986 — 224 с., ил.
45 к.

Очерки об истории изучения Байкала в судьбах его исследователей — Б. Дыбовского, В. Дорогостайского, Б. Сварчевского, Г. Верещагина, М. Кожова, Д. Талиева и А. Базикаловой, К. Мишарина.

Написанная на основе оригинальных материалов, архивных документов, личных встреч и впечатлений, книга будет интересна массовому читателю.

Г $\frac{1905040000-27}{M141(03)-86}$ 56—86

© Восточно-Сибирское
книжное издательство, 1986

БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ

Русоволосый, голубоглазый подросток-крепыш с необычайно живым, внимательным взглядом Бенедикт Дыбовский спешил в гимназию. Он боялся опоздать на урок географии и пропустить хотя бы несколько фраз любимейшего своего учителя Шабловского.

Когда слушал его, то как бы видел удивительные растения далеких стран, диких животных, туземцев. Но особенно зачаровывали рассказы учителя о бесстрашных путешественниках, изучавших неведомые земли. Сколько раз Бенедикт воображал себя странствующим по сказочным тропикам. Слушать Шабловского было истинным наслаждением.

Только рассказам своей бабушки Франциски внимал так же, когда был маленьким. Она брала его за руку, и отправлялись они гулять. Чаще ходили по саду, а весной и летом по полям, по лесу. В необъятном для него мире бабушка открывала ему одну тайну за другой. Она показывала и называла разных птиц, насекомых, зверюшек, благоухающие цветы и травы. Когда подрос, стала рассказывать о повадках животных, их совсем особой жизни. Больше всего пленяли его порхающие, поющие птицы. Стал узнавать их по голосам, по полету. Чудесное было время — незабвенное! Теперь на уроках географии переживал нечто подобное.

В этот раз Шабловский превзошел самого себя. Он рассказывал о Северной Азии, о самоотверженных ученых, совершивших беспримерные героические путешествия. То бы-

ли Миддендорф и Литке. Учитель повествовал о них вдохновенно. А сколько восхищения и почтения слышалось в его звучном, выразительном голосе. Бенедикт слушал, замирая.

Урок пролетел для него мигом. После него он несмело подошел к Шабловскому и голосом, слегка дрожавшим от волнения, совсем тихо спросил:

— Пан учитель! А что можно бы почитать об этих великих людях?

— Хорошо, хорошо, — обрадовался тот, — Я дам почитать о них все, что у меня есть. Принесу завтра же.

На следующий день Бенедикт Дыбовский возвращался из гимназии счастливейшим из сверстников: получил от Шабловского обещанное накануне. Несколько вечеров сряду он с упоением перечитывал статьи о бесстрашных первооткрывателях в Северной Азии. Несказанно поразило его, что в этой далекой холодной стране исследования только начаты. Она почти вся еще сплошная загадка!.. Сколько открытий ждет в ней будущих путешественников! Ждет...

Чем бы он ни занимался после того, а воображение нередко внезапно вырывало его из повседневной жизни и уносило в таинственную Азию. Судьба его была решена: он станет исследователем необъятной Сибири!..

Натура деятельная, энергичная, Бенедикт не мог предаваться одним мечтам. Спустя некоторое время начал готовить себя к будущим путешествиям. В Сибири много высоких, крутых гор, скал и утесов. На них, конечно, придется взбираться. Надо заранее научиться тому. Он нашел длинный шест, вбил в его конец толстый гвоздь. Примерился и, всадив гвоздь в щель в стене дома, начал карабкаться по шесту. Сначала не удавалось: то и дело скользил вниз. Но со временем так наловчился, что стал свободно взбираться по любой отвесной стенке. «Могу!» — радовался он.

Но это было всего лишь начало. В Сибири сильные хо-

лода. Путешествующему по ней надо быть очень закаленным. Придется же в морозы ночевать и под открытым небом. А потому... он стал зимой спать в нетопленном помещении или во дворе. Со временем, ликуя в душе, опять говорил себе: «Могу!»

Когда наступала весна, а за нею лето, он отправлялся в далекие экскурсии. Неумоимо ходил, плавал на лодке, ездил верхом, изучая растения и животных. Это ведь тоже необходимо будущему натуралисту, путешествующему в неизвестных краях.

Так мечтая о грядущих своих странствиях, готовясь к ним, Бенедикт отлично закончил гимназию и поступил в Тартуский университет. Ему удивительно везло на людей, способных увлечь, притом беззаветно. В университете близко познакомился с академиком Карлом Бэрм. Тот само-забвенно изучал рыб Каспийского и Балтийского морей, Чудского озера. Своими рассказами о них он разжег в Дыбовском страсть к исследованию рыб. В летние каникулы Бенедикт принялся изучать их в Лифляндии. Со временем написал о них свою первую научную работу. За нее Тартуский университет присудил ему золотую медаль. То-то было радости!.. Награда еще больше воодушевила его.

Годы спустя он изучал фауны рыб (ихтиофауну) Адриатического моря, водоемов Германии. Потом всесторонне исследовал карповых Прибалтики. За научную работу о них был удостоен звания доктора наук. Он стал адъюнкт-профессором Варшавского университета. Читал лекции студентам. Они слушали его, как сам он когда-то Шабловского. Молодой профессор был почти счастлив. Почти... его юношеская мечта об исследовании таинственной Азии оставалась неосуществленной.

...С детства Бенедикт слышал от родителей о народном польском восстании 1930 года. Память героев этого восстания свято чтит в их семье. Когда он стал подростком, то подружился со своим родственником Адамом Сикорским. Тот давал ему читать книги из своей богатой библио-

теки, иногда и запрещенные. Особенно сильное впечатление произвели на Бенедикта произведения Герцена, Белинского. Революционеры, беззаветно боровшиеся за счастье всего народа, казались ему еще более отважными, чем бесстрашные ученые-путешественники. В ту пору, когда вернулся из-за границы снова в Дерптский университет, он вошел в тайное революционное общество и вскоре стал активнейшим членом его.

Подошли шестидесятые годы прошлого столетия. Бенедикт Дыбовский стал комиссаром подпольного комитета, готовящего народное восстание в Литве и Белоруссии. Руководил им вместе с другом Зыгмунтом Сераковским. Настал 1863 год. По всей Польше, подобно огненному смерчу, пронеслось революционное восстание. Оно было подавлено.

Дыбовский вместе со своими соратниками очутился в Варшавской цитадели, страшной пытками и зверствами. Ему грозила неминуемая казнь. Из окон особой залы, где изощренно избивали заключенных, виднелась на откосе виселица. На ней — трупы. Пол той залы был засыпан толстым слоем опилок, впитывающих кровь истязуемых. Почти после каждого допроса избитый, истерзанный Дыбовский ждал, что его тоже повесят.

Вдруг объявили: смертная казнь ему заменена двенадцатью годами каторги по ходатайству его бывших профессоров Э. А. Грубе, К. Б. Рейхерта и некоторых русских ученых. Еле верилось услышанному: уже свыкся с мыслью, что будет казнен.

Вскоре начался нескончаемый путь в Сибирь — многие тысячи верст. Везли без передышки от этапа к этапу на длинных дрогах, открытых сзади. На всех этапах — тьма клопов. Из-за этих кровососов спать было почти невозможно. Измученных ими за ночь бывших повстанцев с наступлением утра везли дальше по тряской дороге, иногда вскачь. Казалось, не будет конца этому. Немало людей в партии болело. Бенедикт Иванович старался облегчить их

страдания и давал лекарства из своей аптечки. Ее предусмотрительно взял перед отправкой. В свое время он учился и врачеванию на естественно-медицинском факультете.

Наконец-то он очутился в Сибири, о которой столько лет мечтал. Природа в ней хороша, живописна, особенно после Красноярска. Не только пейзажи, но животный и растительный мир занимали его, а прежде всего птицы. Здесь иногда встречал незнакомых — таких не видывал в Европе. Наблюдать их удавалось только урывками: на паромных переправах, когда обоз задерживался, на случайных остановках в пути или во время тихой езды. Завидев птицу на дереве или в полете, жадно разглядывал ее и очень жалел, когда она скрывалась из виду. Если бы он был свободен!..

Иногда на этапах пытался отлучиться ненадолго, чтобы понаблюдать природу наедине. Но всякий раз слышал сердитый окрик конвойного: «Эй, ты! Куда?» И все-таки не жалел, что путешествует по Сибири хотя и подневольный под неустанным надзором. Даже при таком мимолетном знакомстве со здешней природой она чуть приоткрывала перед ним свои тайны. Какие же открытия сулила при основательном ее изучении?.. Как в ранней юности, порой принимался мечтать: придет время, отбудет каторгу и всего себя отдаст исследованиям необъятной Сибири!..

Особо запомнился ему последний этап перед Иркутском на станции Тельменская. Прибыли на него поздней осенью 1864 года. Здесь от старых каторжан услышал рассказы о Байкале, об Ангаре. Так захотелось взглянуть на эту реку, она была совсем рядом.

Начал упрашивать начальника конвоя, чтобы отпустил на Ангару ненадолго. Тот разрешил, но в сопровождении солдата. Не шелохнувшись, стоял Бенедикт Иванович подле уреза воды на кромке льда. Река неслась стремглав, закручивая вспененные валы воронками. Такой буйной красавицы он не встречал нигде.

Вернувшись на этап, записал в дневнике: «Байкал в устах рассказчиков — это не озеро, а море. К тому же море священное и грозное. Заинтересовавшись рассказом, я вышел на берег Ангары, которая показалась мне таинственной рекой, в этот тихий и морозный вечер она была окутана облаком тумана, носившегося над ее поверхностью. Какое-то невысказанное чувство глубокой заинтересованности почувствовал я к этой реке, особенно к озеру, его морская святость располагала мое воображение к мечтам, направленным исследовать тайны реки и озера».

Но эти мечты были отравлены рассказом соседа по нарам о том, что в Иркутской тюрьме прибывших этапников обыскивают и забирают у них вещи. Такого не было на всем пути от Варшавы. Он продолжал записывать: «Завтра будем в столице Восточной Сибири... Если отнимут бумагу, книги, деньги? Эти мысли не давали мне уснуть». Не давало ему забыться и то, что начальник Иркутской тюрьмы Нишадовский — подлец и грубиян первой руки, как рассказывали о нем. Поневоле вспоминались Зданович с Тухолкой, зверски издевавшиеся в Варшавской цитадели над заключенными.

В Иркутск они прибыли назавтра. Долго шла переправа через Ангару по деревянному понтонному мосту. Бенедикт Иванович не спешил и двигался в очереди в числе последних. Неторопливо шагал по кромке льда вдоль берега. Нетерпеливо заглядывал в воду, только колыхавшуюся у берега от слабых волн. Дно виднелось, как в аквариуме. На камнях будто шевелились водоросли. Неожиданно среди них заметил светлые небольшие раковины моллюсков. Первые увиденные им обитатели таинственной реки! Мигом забыл обо всем. Как достать их?..

Побродив по берегу, нашел старое брошенное удилище, расщепил перочинным ножом его толстый конец. С немалым усилием начал захватывать раковины, как щипцами. Вот они у него на ладони. Совершенно незнакомые — ангарские! Радостно взволнованный неожиданной

находкой, проехал на одной из последних подвод почти весь город до тюрьмы. Наступил вечер.

В тюремном дворе их выстроили рядами, сделали перекличку и при тусклом свете фонарей начали обыскивать. Бенедикт Иванович был вне себя от негодования. Сбывались худшие его опасения. И лишился бы всех вещей, если бы не выручил старый знакомый Вышинский, сидевший в этой тюрьме. Он появился рядом внезапно, спросил:

— Где вещи?

Ухватил один узел, второй передал товарищу и скрылся в главном корпусе. Производящие обыск ничего не заметили: они были окружены толпой прибывших этапников и старых заключенных. Вскоре Вышинский появился снова и тихо сказал:

— Так мы поступаем всегда, встречая вновь прибывших.

Бенедикт Иванович горячо поблагодарил, передал ему деньги, оставил только аптечку: надо же было что-то предъявить начальству.

После осмотра пошел за Вышинским в главный корпус, обрадованный, что так благополучно обошлось. Во тьме поднялись по крутой скользкой лестнице. Вошли в большую камеру. В ней почти мрак: несколько сальных свечей еле копят. Стены влажны, с них течет. С потолка капает, как во время дождя. На полу невообразимая грязь, видны небольшие лужицы.

Бенедикт Иванович постоял, сокрушенно оглядывая камеру, в которой предстояло коротать время до будущей весны. Много позже написал в дневнике: «Столь отвратительного окружения трудно было себе представить. Пребывание здесь для нас было убийственным... наши места на нарах были против входной двери, и здесь же перед нами находилось место, предназначенное для парашютистов... Я принес из коридора несколько обломков кирпичей, чтобы поместить на них свои вещи под нарами, на мокрые нары

бросил дорожный войлок, под голову свернул шубу и расположился ко сну, измученный продолжающимся весь день путешествием. Голову и всего себя прикрыл ковриком, купленным в Тюмени, защищаясь таким образом от дождя с потолка, я старался уйти мыслями от омерзительных минут настоящего, но не мог уснуть...

Со следующего утра потянулись невообразимо нудные дни. Заняться чем-либо было невозможно: мешал тот же говор, шум, шлепанье ног по мокрому полу. Свет едва проникал сквозь небольшие зарешеченные окошечки под самым потолком. Бенедикт Иванович, совершенно не выносивший безделья, вынужден был предаваться ему. Он просто не знал, куда девать себя, как скоротать день и вечер.

Однажды Вышинский сказал ему: в Иркутске есть Сибирский отдел Географического общества, а в нем работает его знакомый Ричард Маак секретарем. «Не тот ли, с которым я учился в университете?» — обрадованно подумал Бенедикт Иванович. С помощью Вышинского начал переписку с ним. Так и оказалось: Ричард — его товарищ студенческих лет.

И вот настал день встречи с ним. Бенедикт Иванович вышел из тюрьмы в сопровождении конвойного. С наслаждением полной грудью вобрал целительный, морозный воздух и направился вдоль улицы, все убыстряя шаги. В здании отдела Географического общества спросил у служителя, как пройти к Мааку. Едва дослушав ответ, стремительно пустился по лестнице на второй этаж. Передохнул в коридоре и распахнул дверь в кабинет товарища. Тот поднялся из-за стола и пошел навстречу.

Они обнялись. Разговорились. Гость начал нетерпеливо допытываться, какие исследования ведутся в Сибири? Кем и что открыто? Маак охотно отвечал, поглаживая холеной рукой с дорогим перстнем свои роскошные бакенбарды.

Потом рассказал о себе: у него давно уже семья —

красивая жена и сын-подросток, очень знающий. И сам достиг приличного положения в обществе. В его голосе слышались нотки самодовольства. Не понравились они Бенедикту Ивановичу: не таким бы хотелось видеть прежнего товарища. Но встрече с ним был все-таки рад. Наблюдая за ним, Маак дивился: все такой же, как в студенчестве — подвижен, подобран и способен с былой юношеской страстью увлекаться любимой своей зоологией. Только глаза уже не те. Затаилось в них пережитое, да и внутренне переменялся: стал точно сжатая пружина.

Бенедикт Иванович уходил от него, нагруженный новейшими трудами исследователей Сибири и даже несколькими рукописями. Был очень взволнован тем. По дороге в тюрьму он купил несколько пачек стеариновых свечей. Вернувшись в камеру, тотчас зажег одну, прикрепил к нарам и, усевшись на них, стал нетерпеливо просматривать принесенное сокровище. С того вечера началась для него иная жизнь, тоже нелегкая, но увлекательная.

Много позже вспоминал: «Получив научные работы в Сибирском отделе РГО, начал я изучать их. Трудная была это работа. Шум, плохое питание и освещение, движение в переполненной камере мешало чтению, но нужно было привыкать... Пришел я к убеждению, что петербургские натуралисты, изучавшие животный мир Восточной Сибири, ошибаются, считая, что птицы Восточной Сибири идентичны с птицами Западной Сибири. Я поставил перед собой задачу доказать ошибочность этой точки зрения».

Пока мысль его сосредотачивалась на птицах. А, несомненно, догадывался, что подобную несхожесть животных разных мест встретит и в других группах сибирской фауны. Но «доказать», пока сидел в Иркутской тюрьме и затем отбывал каторгу, было даже не в его силах.

Много ли нашлось бы ученых, которые, как он, отправлялись на двенадцать лет в каторжные заводы, могли сказать товарищам такие же слова: «Когда бы ни была объявлена амнистия, возвращусь на родину только тогда,

когда выполню поставленную задачу». Не забывал о ней и на каторге, строя баржи в деревне Сиваково. Работать приходилось от темна до темна, а жить в помещении, не менее грязном и душном, чем Иркутская тюрьма. К тому же питание было прескверным.

Вместе с ним строили баржи товарищи его: Виктор Годлевский, художник Станислав Вронский, геолог — кандидат наук Александр Чекановский, Владислав Ксенжопольский и Михаил Янковский. Чекановский часто и тяжело болел. Бенедикт Иванович заботливо ухаживал за ним, лечил и тем поддерживал.

Иногда их отправляли на заготовку дров. Очутившись на природе, Бенедикт Иванович жадно присматривался к своеобразию здешнего животного мира, особенно птиц. Пытался ловить их силками, а рыб в Ингоде самодельными крючками. Товарищи старались помочь ему, освобождая от валки и распиловки деревьев.

Даже эти кратковременные наблюдения были так увлекательны и открывали немало нового, порой неожиданного. Он в страстном нетерпении не однажды думал: «Когда же придет свобода!» Лишь теперь стал вполне представлять ужасающие долгие двенадцать лет подневольной жизни, которые предстояло ему отбывать здесь.

А время шло. Как-то совсем неожиданно начальство объявило: по всемилостивейшему манифесту срок каторжных работ сокращен им наполовину. Никакими словами не передать ликования Бенедикта Ивановича и товарищей его. Потом некоторое время спустя еще новость: срок работ сокращен на четверть.

Позже произошло вот что: читинский чиновник Шишилов заинтересовался исследованиями Дыбовского местной природы и помог ему с Годлевским выхлопотать перевод в Забайкалье, на минеральные воды в Дарасун.

Поселившись в нем, они срубили избу, сложили в ней печь, оборудовали необходимым и зажили Робинзонами от

науки. Здесь они располагали временем, которым могли распоряжаться по своему желанию. Начали отлавливать рыб, но еще более увлеченно — птиц. Чучела и шкурки птиц отсылали в Варшавский университет заведующему зоологическим кабинетом Владиславу Тачановскому для научной обработки. Он отвечал восторженными письмами, сердечно благодарил. Иногда присылал немного денег из тех, что пожертвовали ему братья графы Браницкие на нужды кабинета.

Всякий раз, получив письмо от него, Бенедикт Иванович радовался от души. Он был дружен с Тачановским с тех лет, когда работал с ним в университете, и преклонялся перед ним. Тот был замечательным знатоком птиц, любил их больше всего на свете. Своей страстью к изучению пернатых невольно заражал молодых натуралистов, его поклонников. Бенедикт Дыбовский оказался тоже в их числе и навсегда. Тачановский взрастил целую плеяду молодых одержимых исследователей. Был среди них и М. И. Пржевальский, которого он подготовил к его первому путешествию по Уссурийскому краю.

Много лет спустя Бенедикт Иванович с большой душевной теплотой написал о нем свои воспоминания. В них признался: «Ему я обязан всем». После каждой посылки чучел и шкурок птиц, отправленной Тачановскому, Бенедикт Иванович нетерпеливо ждал результата их исследования. Проходило какое-то время. Наконец почтмейстер вручал письмо. Оно радовало и волновало. Как во всех предыдущих, в нем тоже сообщались доказательства того, что мир пернатых Восточной Сибири богат неизвестными видами и непохож на западно-сибирский, а тем более на европейский. Бенедикт Иванович торжествовал: не ошибся он, когда лишь угадывал это, путешествуя несколько лет назад по Сибири под конвоем.

Не меньше увлекло его исследование и рыб Забайкалья, совсем неизученных. Но для их полной научной обработки не было под руками необходимой литературы,

справочников. А, судя по всему, фауна их здесь была своеобразной.

Когда неумный ученый отбыл положенный срок работ, а впереди оставалась многолетняя ссылка, он подал докладную самому генерал-губернатору Восточной Сибири. Писал ее нервно дрожащим почерком. Нелегко давалась она.

В этой докладной он указывал: путешественниками по Амуру, на поездки которых правительством затрачены огромные средства, изучались все классы животного и растительного царства. Только фауна рыб осталась нетронутой. «Я в последние два года успел заняться рыбами Забайкальского края... Положение мне не позволяло исследование довести до того, чтобы уже теперь приготовить подробные окончательные описания... Честь имею просить ваше высокопревосходительство разрешить мне и Годлевскому выбрать место жительства Благовещенск, как центр Амура, дабы можно было заняться исследованием рыб амурских...»

Получив эту докладную, генерал-губернатор наложил на нее резолюцию: «Пусть обратит свою деятельность на озеро Байкал. Перевести его в Иркутскую губернию, а труды передать в Сиб. отд. Геогр. об.» Как удивительно складывалась судьба: он должен исследовать «Святое море» по повелению самого генерал-губернатора!..

На Байкал Бенедикт Иванович прибыл осенью в штормовую погоду. Он был потрясен его грозным величием. В Посольском его вместе с товарищами погрузили на огромный пароход «Байкал». Тот остановился вдали от берега, и до него пришлось добираться на баркасах. Их швыряло на бушующих темных валах. Всю ночь даже этот гигантский пароход сотрясало от шторма, пока он шел до Лиственничной.

Все облегченно вздохнули, когда очутились на берегу в этой деревне. Заспешили на этап, чтобы отогреться, попить чаю. После него Бенедикт Иванович вышел на бе-

рег и долго всматривался в даль на востоке. Там под самым небом, уже очистившимся от облаков, вырисовывались белоснежные живописные вершины Хамар-Дабана. Потом отправился по деревне разыскивать купца Шишилова. К нему советовал обратиться за помощью его родственник, тот Шишилов, который помог им с Годлевским выхлопотать перевод из Сиваково в Дарасун.

Здесь купец оказался человеком степенным, тоже благожелательным. Прежде угостил. Потом принялся обстоятельно советовать, где лучше поселиться на Байкале, чтобы вести изучение его. Он назвал несколько подходящих для квартиры домов в разных деревнях, но особенно рекомендовал пустующий просторный в Култуке инженерера Пермикина.

Бенедикт Иванович сердечно поблагодарил и с легким сердцем вернулся на этап. Назавтра он был уже в Иркутске. Вместе с товарищами его поместили в той самой ненавистной им тюрьме, в которой коротали зиму перед отправкой на каторгу. Он со дня на день ждал распоряжения о поселении его с Виктором Годлевским в Култуке. Неожиданно был поражен известием: его решено отправить в деревню Еловку — вдали от Байкала, а товарища — в другое место. Не мешкая, оправился он к знакомым влиятельным лицам города. Упрашивал, чтобы помогли выхлопотать разрешение остаться в Иркутске до тех пор, пока не добьется позволения поселиться на Байкале. Те охотно помогли.

Но долго ему не удавалось добиться позволения поселиться в Култуке. Он уже договорился через доктора Лаговского с Пермикиным, который отдавал в аренду свой большой дом с пристройками, с огородом и участком луга всего за пятнадцать рублей в год. «Таких жилищных условий, — писал Бенедикт Иванович годы спустя, — пожалуй, нельзя было бы найти во всей Восточной Сибири. Они были для нас неожиданны и до такой степени выгодны, что бороться за них я решил до победы,

1398801

которая благодаря начальнику Павлищеву и была осуществлена. Он взял нас под свою ответственность... Моя радость по поводу победы была огромна, и я хотел хотя бы часть ее вселить в душу, до сего времени пассивную, товарища моего Годлевского. Я видел его готовность остаться в городе, у него здесь было много друзей... Я должен был употребить все возможные средства, чтобы вдохновить его надеждой больших научных достижений. Помогло мне письмо Тачановского... Письмо это наэлектризовало Годлевского, и я полностью завоевал его для нашей дальнейшей работы».

Но до того сколько было томительных ожиданий и сомнений. На какие средства существовать в Култуке?.. Этим невеселым раздумьем Бенедикт Иванович поделился с доктором Лаговским. Тот посоветовал: взять у его знакомых купцов ссуду, открыть лавочку. Подыскать для работы в ней да и ведения всего хозяйства молодого, энергичного помощника. Сказано — сделано. Бенедикт Иванович уговорил поехать с ним в Култук Владислава Ксенжопольского. А повеления начальства о поселении их на Байкале все не было.

Чем бы ни занимался теперь Бенедикт Иванович, он с затаенной тревогой ждал решения начальства как приговора. Оно или воскресит, или разом убьет всякую надежду заняться исследованиями на Байкале. Изредка встречал Павлищева, обещавшего помочь, и с безмерным волнением ждал, что он скажет? Тот старался утешить, говорил, что хлопочет о их поселении в Култуке, но о результатах его стараний ничего не было известно. Это повергало порой в уныние.

Решили подать прошение генерал-губернатору, чтобы местом ссылки назначили им Култук. Ответа не могли дожждаться. А в это время исполняющий должность гражданского губернатора Николай Дриц вел канительную переписку с главным управлением Восточной Сибири. Он запрашивал: «Предварительно каких-либо распоряжений

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова
Сибирского

к удовлетворению ходатайства просителей я имею честь покорнейше просить I-е отделение... уведомить меня, действительно ли на просьбу Дыбовского, Годлевского и Ксенжопольского последовала означенная резолюция. О поселении их в Култук.

Прошло несколько дней. Дриц снова начал строить в то же отделение. «Вследствие ходатайства политссыльного Бенедикта Дыбовского...» Перо его летело по бумаге, размашисто выводя только первые буквы в словах, а дальше прочеркивая лишь замысловатую зигзагообразную линию. Получив ответ, ретивый губернатор не удовлетворился им и седьмого ноября отослал запрос самому генерал-губернатору.

Кончалась уже первая половина ноября. Наконец-то председательствующий в губернском совете генерал-лейтенант Шелашников написал Дрицу отношение: «...имею честь уведомить ваше превосходительство, что к увольнению политического ссыльного Бенедикта Дыбовского в Култукское селение Иркутского округа для занятий ученым исследованием озера Байкала, препятствий не встречается, о чем предоставляю Вам, милостивый государь, сделать зависящее распоряжение... и за поведением его со стороны местного начальства имелось бы должное наблюдение».

Когда Бенедикту Ивановичу объявили, что может с Годлевским и Ксенжопольским выехать в Култук, он, окрыленный большими надеждами, пошел в Сибирский отдел Географического общества. Встретился там с Ричардом Мааком и попросил хотя бы небольшую денежную субсидию для начала исследований. Позже не без горечи вспоминал об этой встрече: «Когда я ему представил наши проекты в свете моих мечтаний, я заметил удивительное равнодушие, сказал бы даже некоторую неприязнь с его стороны. Он начал мне рассказывать о разочаровании Радде, а ведь ему мы должны верить. Не помогло и мое решительное утверждение, что фауна

низших животных в Байкале должна быть обильна, поскольку там богата фауна рыб. Он упорно оставался при своем мнении, что я буду разочарован в своих ожиданиях, как это было с Радде. Что же касается денежного пособия, то в настоящее время Географическое общество вовсе не имеет средств, так как весь денежный запас... а именно 1300 руб. серебром, предназначается геологической экспедиции Чекановского».

От Маака отправился Бенедикт Иванович к доктору Лаговскому. Тот выручил — дал денег взаймы. Перед отъездом Дыбовский навестил товарищей, бывших каторжан, в их числе и Александра Чекановского. Он приютился в семье чиновника Жилейщикова, жена которого заботилась о нем, как о родном. Выглядел теперь здоровым. Был весел и энергичен. Не успели закончить разговор о предстоящей экспедиции на крайний север Азии, как к дому Жилейщикова подкатил на паре собственных рысаков полковник Усольцев — заместитель председателя Сибирского отдела Географического общества. Бенедикт Иванович рассказал ему о своих намерениях изучать фауну Байкала и попросил открытый лист, предписывающий волостным чинам оказывать посильную поддержку в исследовании «Святого моря». Усольцев ответил согласием, хотя недоуменно пожал плечами. Он усомнился в успехе, потому что ровно месяц назад из Култука вернулся молодой натуралист Пуцилло со своим помощником. Они были посланы специально для изучения низших животных озера. Пуцилло вконец разочарован бедностью их.

Не успел Бенедикт Иванович и слова молвить в ответ, как в разговор вступил Александр Чекановский. Он горячо, убежденно доказывал, что нет никаких оснований не доверять результатам, полученным при изучении озера академиком Радде. Он пробыл на Байкале почти год, проплыл по нему на лодке вдоль берегов. Опубликовал подробный отчет. Исследования Пуцилло вполне под-

тверждают вывод Радде. Их результат не может подвергаться никаким сомнениям! На это Бенедикт Иванович отвечал, что, вероятно, они применяли несовершенные способы лова. Не могут же байкальские рыбы жить за счет воды, ила. Они должны иметь пищу, и к тому же обильную. Чекановский продолжал спорить. Не отвечая ему, Бенедикт Иванович многозначительно сказал:

— Увидим.

Вскоре попрощался и вышел, горестно сознавая, что и в отделе Географического общества ему не на кого опереться в задуманном деле. Через день, закупив все необходимое на первый случай, он с Годлевским и Ксенжопольским двинулся из Иркутска в Култук. В то время это была маленькая деревушка, всего тридцать два двора. Пристроилась она на самом берегу Байкала, а позади нее горы, тайга. Жители ее рыбачили, охотились, добывали кедровые орехи, а на «солнопешных» склонах сеяли яровую рожь-ярицу.

Санний путь еще не установился. Пришлось ехать на длинных дрогах по тряской, замерзшей дороге больше шагом. Сразу за городом пошли горы, леса. Забыв о недавних мытарствах и огорчениях, Бенедикт Иванович не мог насыщаться бодрящим, ядреным воздухом и насмотреться на здешнюю природу.

Чем дальше подвигались, тем выше поднимались горы. Они были покрыты первобытно мощной тайгой. Весь день ехали по дороге, пролежавшей в межгорных впадинах. Настал вечер. Взошла полная луна. Дорога вильнула в сторону и очутилась над обрывом. С него начинался спуск с головокружительной крутизны. Ямщик остановил лошадь, слез молча с дрог и пошел вперед осматривать путь.

Бенедикт Иванович с восторгом рассматривал панораму, разом представшую перед глазами. Неподалеку, справа, подпирали небо темные силуэты гор. Впереди, далеко внизу, посеребренные луной, таинственно мерца-

ли воды Байкала. Они уходили далеко к горизонту, исчезая там в белесой мгле. Слева их огибал гигантской полудугой гористый берег. Здесь был огромный залив Байкала. Подле него виднелись совсем маленькие домики Култука.

Начали спуск. Точно очнувшись от дивного сновидения, Бенедикт Иванович тоже ухватился за одну из палок, вставленных в колеса. Все вместе принялись тормозить повозку, чтобы не слетела вниз. Спуск закончили благополучно. Ямщик снял шапку, истово перекрестился и хрипло сказал:

— Слава те, господи!..

В деревне возвышались два больших дома. Один из них оказался пермикинским, второй был полковника Шатца, строителя здешних мостов. В будущем жилище приехавших встретил Николай, тоже поляк, — бывший сторож пермикинской фабрики, — на которой прежде обрабатывался лазуревый камень и оставшийся жить в доме после ее закрытия. В Сибири он был давно, забыл даже свою фамилию и прозывался Колодеем — по своему колесному ремеслу.

Перед приездом земляков Николай Колодей истопил печи в доме, набил матрацы свежим сеном, почистил мебель, оставленную хозяином. Завидев подъезжавших соотечественников, он распахнул добротные ворота, запиравшиеся на два железных засова. Поздоровавшись с ним, Бенедикт Иванович удивился: все окна в доме были плотно закрыты ставнями с болтами.

— Здесь часто бывает воровство, что от него так предохраняются?

— Да, — невесело ответил Николай, — через Култук проходит тракт. По нему идут сбежавшие с каторги. Шатаются по домам. Их боятся и отдают все, что они попросят. Из-за этих бродяг в город поехать одному нельзя — убьют. Неделю назад удушили своего. Бросили в море.

Бенедикт Иванович никак не предполагал, что на этом лоне природы очутится прямо-таки в разбойничьем гнезде. Но дом ему понравился с первого взгляда. Начали осматривать его, как только занесли вещи. Он был из двух половин, разделенных сенями. В первой — четыре комнаты, две небольшие, каждая с двумя окнами. Со временем в одной из них Бенедикт Иванович устроил свой кабинет и спальню, в смежной поселился Виктор Годлевский, третья — узкая, длинная — служила коридором, а в четвертой устроили столовую. Вторая половина дома — пристройка — была оборудована как крестьянская изба. В ней обосновался Ксенжопольский, рассчитывая открыть тут лавку. Вскоре же раздобыли ссуду для этого у иркутских купцов через доктора Лаговского. В избе поместился и Николай, тоже в отдельной комнате.

Наскоро разложили багаж и принялись за чаепитие. Пришел здешний почтмейстер Золотницкий. Пригласили его к столу. Разговорились. В тот же вечер Бенедикт Иванович получил представление о месте своей будущей многолетней ссылки. В деревне есть церковь, два трактира, начальная школа. Преподают в ней малограмотный дьячок и все жалуется на скуку. А некоторое время спустя Бенедикт Иванович и сам убедился: «...батюшка просит перевода, и я ему не удивляюсь, здесь страшная скука и может довести до сумасшествия». Но в первый вечер в Култуке все было внове, и он с любопытством слушал Золотницкого, особенно его предложение объехать все почтовые станции по Кругобайкальской дороге.

— Когда это будет возможно? — нетерпеливо спрашивал он.

— Да вот как Байкал замерзнет, — отвечал тот.

Назавтра начал знакомиться с местными жителями, что были по соседству. Среди них оказались интересные и нужные ему люди: Григорий Гаврилов, он жил рядом, знаток бурятского и монгольского языков. Это он был

проводником у Радде и вел его к Мунку-Сардык и к озеру Косоголу. Охотник Семен тоже много интересного рассказал о природе здешних мест. Поначалу завел знакомство с ними, а постепенно и со всеми жителями деревни, узнал их обычаи. При входе в крестьянскую избу надо было прежде обратить лицо в передний угол к иконам, перекреститься и поклониться низко, а потом уже здороваться с хозяевами.

Не сразу освоился с этим обычаем Бенедикт Иванович. И к ветрам здешним тоже привык не вдруг. Они нередко срывали трубы с крыш, даже рамы из окон и начисто подметали улицу. Вечерами пьяные дико горланили, проходя мимо дома, и нагоняли тоску. А днем беглые каторжники осаждали дом, попрошайничая.

Но самым скверным было то, что не представлялось возможным заняться исследованиями, как на востоке. Там все помыслы были захвачены ими. А здесь целый день свободен, но заняться нечем и не знаешь, куда девать себя? Худшей пытки не придумаешь!

Однажды, это случилось как в сказке, жизнь его здесь круто и навсегда изменилась. Как-то ясным морозным утром он выглянул в окно и увидел непривычное: озеро не волновалось больше. Оно блестело, как стекло в оправе из лесистых гор с белоснежными вершинами. Кликнул Годлевского и вместе с ним бросился вон из дома — на лед. Всюду, насколько охватывал глаз, Байкал был как бы накрыт хрустальной плитой. С невольной опаской ступили на нее, боясь провалиться. У берега лед был толщиной сантиметров до десяти. Сквозь него виднелось все дно. Чем дальше отходили от берега, тем чаще казалось, что нет под ногами даже этого тонкого льда, а они каким-то чудом передвигаются прямо по воде. Байкал был похож теперь на исполинский аквариум. В нем проносились рыбы, то стайками, то по одной. Какие-то существа шевелились на дне его. Чтобы лучше разглядеть их, принесли из дома темное покрывало, на-

кинули его на головы и припали лицами ко льду. Удивительная картина прояснилась перед глазами. Около дна во множестве копошились бокоплавы.

Прелюбопытные эти рачки. Ног у них много. Казалось, отчего бы им не бегать? А на худой конец, шагать бы! Так нет! Они всю жизнь плавают на боку. Передвигается рачок презабавно. Прежде чем сдвинуться с места, он вдруг скорчится вдвое, будто схватили его нестерпимые кишечные колики, потом с силой выпрямится и... заработает всеми ножками враз, как веслами. Потом опять согнется. Так и плавает всю жизнь «лежа на боку» над самым дном или скользит по нему.

Судя по их виду, по тому, как они передвигались, это были, несомненно, бокоплавы, но какого огромного роста в сравнении с речными! Как хотелось достать их и рассмотреть вблизи. Но это было абсолютно невозможно и еще больше распаляло жгучее любопытство не только к ним, но и ко всем обитателям дна. Среди них явно различались раковины моллюсков, разных по величине и форме. На камнях шевелились, кажется, плоские черви. Какие-то загадочные существа двигались там и тут. Богатый и разнообразный мир беспозвоночных животных предстал перед глазами. Какие это были минуты!.. Они запали в памяти на всю жизнь и вдохновили на годы безудержного, самозабвенного труда!

С каждым днем все больше одолевало желание поскорее выловить тех, кого увидели сквозь «хрустальную плиту» льда, и рассмотреть их, изучить, узнать, кем же населен Байкал?.. Выход был единственный: долбить проруби, опускать в них какие-то ловушки с приманками. Тут Годлевский неожиданно показал свое прирожденное дарование изобретателя. Одних ловушек изготовил десятка полтора. Лучшими из них оказались металлические цилиндры, у которых вместо дна натягивалась марля, и жесткие конусы ивовых прутьев — одни были с горлышком, другие без него. На дно они ложились боком.

Приспособили для ловли животных и просто лоскуты толстого холщового полотна, круглые или квадратные. К ним посередине пришивали кольцо из толстой проволоки. От него лучами к краям лоскута отходили металлические прутья. Они падали вокруг него, когда он расстилался по дну. Но кроме этих применяли и много других — иного устройства. Приманку складывали внутри их в пришитые кармашки. Чего только не перепробовали для этих приманок! Кажется, все съестное из царства растительного и животного. Наилучшими оказались жженые кости с запахом гнили, растертые семена конопли, солод, замешанный с глиной, гнилая кора деревьев, поджаренная рыба. Для моллюсков — известь с протертым конопляным семенем, скатанная в крупные шарики. Но пока все это отобрали, сколько было забраковано! А времени потрачено на то?..

Для добычи животных в прибрежьях изобрели прибор, похожий на ножницы, трехметровой длины с пальцевидными концами. Ими захватывали, как щипцами, камни, обломки скал, куски дерева, приподнимали немного и опускали в мешок, натянутый на обруч. Его вытягивали наверх со всем водным «населением» в нем, которое ничуть не повреждалось. Этот прибор оказал им неоценимые услуги. Как вспоминал Бенедикт Иванович, на вытянутом куске дерева или извлеченном камне можно было собрать сотни, даже тысячи существ байкальской фауны или ангарской.

Но чем измерять глубины? Как-то пришла им счастливая мысль приспособить для этого дела простые русские весы-безмен. Исследователи взвешивали на нем бечеву — сто метров ее в воде весили ровно фунт да оловянный лот, привязанный, как груз, — десять фунтов. Опускали бечеву на тысячу метров, безмен показывал двадцать фунтов. А когда лот достигал дна, то десять фунтов. Просто и удобно. Измерять же было возможно с точностью до метра. Немного позже случайно раздо-

были старые французские весы времен Наполеона, отремонтировали и заменили ими безмен. Чего не придумаешь, когда оказываешься на положении Робинзона от науки!.. Для измерения глубин, особенно для ловушек, требовалась уйма бечевы. Но ее невозможно было приобрести даже в Иркутске. Пришлось тоже изготавливать самим. «Так была создана фабрика толстого шпагата и тонкой веревки. В первый год мы израсходовали 100 000 метров шпагата, 2000 м тонкой веревки...» — вспоминал годы спустя Бенедикт Иванович.

Вить веревки — дело нехитрое и посильное, только утомительное. Но долбить проруби — каторжная работа. А нанять никого не удавалось. Здешние жители «заламывали» такие цены, что поневоле приходилось отказываться от их услуг и самим браться за проруби. Тут выручал Виктор Годлевский с его необыкновенной физической силой. Днями он мог долбить с увлечением ради тех волнующих минут, когда через день-два из этих прорубей вытягивали ловушки и в страстном нетерпении выбирали из них добычу. Какова же она в этот раз? Есть ли новые, еще неизвестные животные?

Чаще всего попадали бокоплавы (гаммариды) и в таком изобилии, что поражали своей многочисленностью, но еще больше многообразием форм и необыкновенной величиной. Встречались среди них настоящие гиганты. Все совершенно незнакомы — представители новых видов и разновидностей, типично байкальские, эндемичные, не встречающиеся больше нигде на земле. Многие добывались со значительных глубин. Не потому ли проглядели их первые исследователи, тот же Густав Радде, что видели озеро с поверхности, объезжая его на лодке?..

Речные бокоплавы внешне непримечательные и роста совсем небольшого, а цвета тусклого, чаще темно-зеленоватого. Байкальские в сравнении с ними зачастую выглядели просто богатырями, десяти и более сантиметров длины. Усики у глубоководных раза в два, в три длин-

нее их тела — сантиметров до двадцати. Они заменяют им ослепшие, но еще не утраченные глаза.

Небольшое тельце речных бокоплавов одето тонкой нежной кожей. У байкальских оно покрыто жесткой хитиновой броней, как у жуков, да, кроме того, пропитано известью. Эта броня нередко несет угрожающе выставленные шипы, зубцы и валики, особенно вдоль спины. Не рачок, а прямо-таки пугало какое-то. Зато окрашены они бесподобно: на одних наряд зеленый, на других ярко-красный, встречаются розовые, белые, фиолетовые, нередко еще и расписанные темными штрихами. Но изумительная расцветка бокоплавов постепенно исчезала, когда их консервировали. Сохранить бы ее каким-нибудь способом и показать ученому миру этих бокоплавов во всей их красе! Но такого средства найти долго не удавалось, да часто было и не до него.

Много позже Бенедикт Иванович нашел-таки его. Если бокоплавов заморить в растворе стрихнина, а потом поместить в густой сахарный сироп с квасцами, то они продолжительное время сохраняют свою окраску.

Удивляли они его своей прожорливостью. Вскоре взял их себе в помощники. Сколько у него бывало прежде хлопот при изготовлении скелетов птичек и мелких млекопитающих. Совсем непросто очистить их от остатков мышц и сухожилий. Обнаружив особое пристрастие бокоплавов к мясу, даже протухшему, он однажды опустил в воду неподалеку от берега на шпагате скелет птички. Оставил его на ночь. На завтра поутру вынул его и поразился: тот был обглодан так, что самый искусный препаратор не смог бы приготовить скелета лучше. С того раза и стал «препоручать» очистку скелетов бокоплавам. Когда годы спустя он показал эти скелеты ученым, те лишь головами качали от удивления.

Бокоплавы в изобилии вылавливались постоянно. Но и другие беспозвоночные животные, а прежде моллюс-

ки, поражали обилием местных — эндемичных форм. Поначалу все эндемики показались древними животными. Потому Бенедикт Иванович однажды изумленно сказал о Байкале — это же настоящий зоопалентологический музей!..

Но вот он вплотную принялся изучать бокоплавов, просиживая дни напролет. Адская это была работа. У каждого рачка тщательно измерял длину ног, усиков, тела, головы, ширину ее, проводил еще целый ряд измерений более мелких частей тела. Подсчитывал количество члеников в конечностях и усиках. А рачков были многие сотни. Тут перед ним началось открываться совершенно неожиданное: поразительная изменчивость этих рачков, не только отдельных частей их тела, но организмов в целом. Двух гаммарусов одного вида нередко можно было принять за представителей двух разных родов! Эта изменчивость говорила ему об удивительном — о рождении новых форм на «глазах человека». Со временем удалось ему открыть сто с лишним новых видов байкальских бокоплавов. Написал о них капитальный научный труд «Гаммариды озера Байкал». Эти рачки впервые открыли ему глаза на то, что Байкал не только зоопалентологический музей, в котором сохранились древние обитатели, но и лаборатория! В ней поныне идет рождение новых форм, тоже эндемичных.

Сделав такое открытие, он со всем пылом своей страстной натуры искал новые доказательства ему. Теперь уже в других группах беспозвоночных животных. И находил — в избытке!

Но обрабатывать добытый материал мог теперь лишь вечерами, писать научные труды тоже. А днями с товарищем пропадал на озере, торопясь выудить из него как можно больше. Он уже пришел к выводу: лучшая пора для исследования Байкала — это зима. Со льда удобнее всего через проруби добывать с любых глубин обитателей их. Правда, часто донимали беспощадные ветры, так

и в Култуке от них не легче. К ним уже привыкли, к морозам тоже.

Соорудили себе легкие, небольшие сани с двумя ляжками. Впрягались в последние и уходили на «море» на целый день. Иногда и ночевали там, если не успевали до потемок вернуться в село. Пробраться в темноте между торосами и щелями было слишком опасно. Нередко и сильно обмораживались. А не было такого случая, чтобы не закончили тех работ, которые намечали себе на каждый день. Уже в первую зиму одних прорубей пробили в метровом слое льда двести. Сколько спустили в них и вытянули ловушек — того не счесть. За все это время ни одного из култучан не могли нанять себе в помощники. Каждый из них испытывал панический страх перед грозным морем. Да односельчане обычно им тоже пророчили всякие несчастья.

Работы с каждым днем прибавлялось, а денег не было. Попытался Бенедикт Иванович опять обратиться в Сибирский отдел Географического общества за помощью. Но там, еще не совсем веря в успех начатого им дела, да и не имея больших средств, дали всего семьдесят рублей для приобретения посуды. А ведь он намеревался сам обработать те материалы, которые раздобудет на Байкале. Собирался, кроме изучения животного мира, исследовать и рельеф дна, измерить глубины, температуру воды и даже изучить глубоководных обитателей. А в науке в то время господствовал взгляд: океанские глубины абсолютно безжизненны; байкальские — тоже, они такие же неизмеримые. Потому дерзкие мечты и планы Дыбовского кое-кому в отделе Географического общества казались вовсе несбыточными.

Получив мизерное пособие, он с товарищем своим Годлевским снова мог рассчитывать лишь на собственные силы, сметку, изобретательность и выносливость. Все трудности, неудачи мигом забывались в те часы, когда Байкал дарил им новые находки, когда делались открытия.

Не одно «Святое море» манило их своими тайнами, но и вся природа окрест его, такая же девственная, как в Дарасуне. Особенно привлекали их здешние птицы, но ружей не было. Бенедикт Иванович 16 февраля 1869 года подал прошение в Главное управление Восточной Сибири на имя Шелашникова. Тот в своем отношении гражданскому губернатору написал: «Сделать по сему предмету надлежащее распоряжение с тем, чтобы за Дыбовским и Годлевским установить со стороны местного начальства строгий надзор и наблюдение». Так под полицейским надзором, теперь уже строгим, они, получив по ружью, начали изучение наземной фауны. Коллекции добытых птиц и млекопитающих отсылали в Сибирский отдел Географического общества.

Минул почти год, как они поселились в Култуке. Находкам их не было конца. Исследователей то и дело лихорадило от обуреваемого желания разгадать как можно больше неизвестного в «Святом море». В конце осени оно раскрыло перед ними одну из самых волнующих тайн: подарило искателям двенадцать живых рыбок голомянок, да притом еще и самок. До того никто и нигде не ловил их живыми. Всегда находили только мертвых, выброшенных во время шторма на берег. Рыбаки рассказывали, что если голомянка очутится на солнцепеке, от нее останется только скелет да пятно жира — вся растопится. А в ученых кругах сложилось мнение, что рыбка эта живет в самых больших пучинах озера в пещерах и подземных ходах.

Бенедикт Иванович был первым из ученых, увидевшим ее живой. Он тотчас начал вскрывать голомянок и в первой же нашел не икру, а личинок. Рыба была живородящая!.. Она просто удивительна! И нигде больше на земле не встречается. Совсем невелика — свободно уместается на ладони. Правда, есть экземпляры сантиметр до двадцати в длину. Рыбка без единой чешуи, просвечивает насквозь, будто она из матового стекла, а

по телу ее словно перламутровые блики, отливающие цветами радуги. Единственная пара совершенно прозрачных больших плавников, точно крылья, прикрывают тело до половины. Глаза у нее с ярко-оранжевым ободком. Среди рыб, встреченных здесь до этого, она просто эфемерное создание. Но когда она раскрывает свой зубастый рот, тот становится раза в полтора шире ее тела. Значит, хищница. За кем же она охотится? Почему встретилась в проруби? Почему осенью, как утверждают рыбаки, приваливает к берегу? Может быть, рожать детенышей? Он достал дневник и записал: «Голомянка — гордость Байкала и моя». Потом принялся за отчет в Сибирский отдел Географического общества. Составлял списки найденных здесь птиц, млекопитающих, сопровождая описаниями.

Машинально нажимая пером, он увлеченно писал: «Самые тщательные и постоянные занятия наши были направлены на орнитологические исследования фауны Култука. Посещая ежедневно долины рек Култушной, Похабихи и Слюдянки, мы дошли до результатов точных и настолько интересных, что бросают совершенно новый свет на всю орнитологическую фауну этой местности, а вероятно, и на всю фауну юго-восточной части Иркутской губернии. Не входя в подробности, которые помещены ниже, обращаем здесь внимание на тот важный результат, что страна около южной оконечности Байкала лежит на пределе соприкосновения двух разных фаун, именно одной — характеризующей юго-западную Сибирь, и другой, составляющей особенность юго-востока Сибири».

Сличение списков птиц, найденных академиком Радде в Даурии, с теми, что были недавно составлены с Годлевским, позволило ему сделать важный вывод. Нет, совсем неверен взгляд ученых, будто прибайкальская фауна значительно беднее даурской. «С точки зрения орнитологической географии, Култукская занимает среднее место

между фауной Западной и Восточной Сибири, ибо в ней находится общих с Дарасуновскою фауной 184 вида, а с Западно-Сибирской 157 видов, исключительно азиатских видов в ней... 74, а 158 она имеет общих с Европою».

Отчет он закончил через несколько дней. Сделал в нем приписку: «Наконец по редкости факта считаю уместным сведение, что на днях у берегов Байкала в с. Култук пойманы были живые экземпляры голомянки... — этого таинственного обитателя прозрачных вод Байкала». Был уже поздний вечер, когда он уложил переписанные набело листы отчета в папку. Потом вышел на берег отдохнуть и подышать упругим, сжатым ветром воздухом, который так славно освежал всегда.

Мечты и думы его снова были о «Святом море», которое волновалось у самых его ног, отороченное ледовой кромкой, и расплеснулось до самого горизонта. Что оно еще скрывает в своих пучинах? Недавно удалось вместе с илом добыть мельчайших обитателей дна — различных низших рачков. Эти находки обрадовали не меньше, чем первые открытия в мире беспозвоночных животных. После того как обнаружил изобилие последних, невольно задал себе вопрос: чем же питаются миллиарды их? Пищей им должны служить микроскопические существа толщи вод и донного ила. И вот первые доказательства тому. Но впереди ее тьма поисков, изнуряющей работы. Нет пока и нужного снаряда для добычи обитателей ила и микроскопических существ, парящих в воде, — планктона. Надо что-то придумать... В голове его внезапно мелькнула мысль: а не приспособить ли для добычи простейших глубоководер?.. Он уже собрался пойти к Годлевскому, чтобы поделиться этим соображением, но, едва сделал несколько шагов, — с улицы донеслись пьяные крики, потом песня, более похожая на дикие завывания. Эти вопли как-то особо неприятно и больно резали ему слух. Они глушили в нем то, что переполняло перед тем

на берегу. Так нестерпимо захотелось каким-нибудь чудом перенестись в общество близких ему людей, причастных к науке.

Он вдруг почувствовал себя здесь страшно одиноким, заброшенным на край света. Неожиданно перед глазами, как наяву, появился Варшавский университет, студенты, профессора и самый дорогой человек Владислав Тачановский. Вот с кем бы сейчас поделился своими думами и мечтами!.. Вернувшись в дом, Бенедикт Иванович тотчас улегся в постель, но долго не мог уснуть. Воспоминания о прошлом все больше захватывали его.

Когда в Иркутске правитель дел Сибирского отдела Географического общества Усольцев получил отчет Дыбовского, то невольно порадовался ему. Он уже забыл, как немногим более года назад с недоумением пожимал плечами, слушая «бесплодные мечтания» ссыльного профессора. Теперь, составляя отчет отдела за 1869 год, он писал об исследованиях Дыбовского и Годлевского: «Мы видим громадное приращение 149 видов для Байкала и 117 для Иркутской губернии... из приложенных списков ясно видно, что фауна может соперничать с фауною любой местности средней и даже южной Европы... Но не одна численность составляет интересную сторону этих исследований. Мы в первый раз встречаем у нас такие виды, о присутствии которых никто не думал до сих пор»,— (о неизвестных видах птиц.— Г. А.)

Но особенно порадовался Усольцев тому, чего достиг Дыбовский в изучении байкальских рыб. Он с удовольствием отметил в своем отчете, что «ихтиологические исследования в том объеме и по тому методу, как они производятся г. Дыбовским, являются в Сибири еще в первый раз... Причины, почему столь важная отрасль науки осталась нетронутой, надо искать, вероятно, в том, что доньше ни один специалист-ихтиолог сам лично не посетил Сибири». Как же было не радоваться ему! Сибирь наконец-то получила крупнейшего специалиста по

рыбам, открывшего уже в первом году пребывания на Байкале только у Култука восемнадцать видов, притом шесть новых. А кроме, установившего много видов в роде бычков (широколобок).

Но открытиям Дыбовского с Годлевским в мире низших животных Усольцев был просто поражен. Они обнаружили не только обилие видов, но также удивительное богатство представителей в них. Только у бокоплавов нашли шестьдесят да у моллюсков около тридцати видов и разновидностей, хотя ловили не глубже ста метров и только в окрестностях Култука. Они убеждены, что дно Байкала тоже кишит такой жизнью, которую вряд ли можно встретить и в южных морях. Дыбовский с Годлевским установили, что современное многообразие видов животных в Байкале ведет свое начало от совсем немногих древних корней. У бокоплавов всего три и немногим больше у моллюсков. А ведь это прямое доказательство верности теории Дарвина о происхождении видов!..

Усольцев глубоко задумался. Нет, такого ученого, как Дыбовский, он еще не встречал на своем веку. Он преклонялся перед его выдающимся умом и совершенно невероятной, просто нечеловеческой работоспособностью. Кроме того, что Дыбовский описал в отчете, он собрал в минувшем году еще обширные коллекции млекопитающих и растений, одних насекомых и пауков восемнадцать тысяч!.. Установил также, что и водные пучины Байкала не пустыни: в них мириады микроскопических существ.

После опубликования отчета Усольцева ученый мир впервые узнал, как богат Байкал разнообразными беспозвоночными животными, а его окрестности неизвестными доселе видами птиц.

Несколько месяцев спустя появилось в печати сообщение Дыбовского о голомянке. «Рыба эта живет на значительной глубине Байкала, поныне еще не измеренной (самая значительная глубина, которой я достиг в прошедшем году, равна 250 сажням...). Живя на зна-

чительной глубине, голомянка пребывает не в пещерах или подземных ходах, но подобно видам широколобок свободно движется на дне озера... возмужалости она достигает после нескольких годов жизни... Оплодотворенные самки направляются затем к поверхности воды, чтобы у берегов родить детенышей, это происходит в октябре и ноябре... Какая судьба детенышей, об этом в настоящее время не могу ничего сообщить и оставляю это для будущих исследователей, которым, может быть, посчастливится проникнуть в таинственную глубь прозрачных вод Байкала далее, чем я успел».

Окрыленный первыми успехами, Бенедикт Иванович продолжал исследования с тем азартом, который знаком заядлым охотникам, угодившим в нетронутую тайгу. Его властно влекли глубины «Святого моря». Они беспрестанно дарили эндемиков, зачастую гигантского роста и не только среди бокоплавов. С увлечением изучал он и моллюсков, червей и других животных.

Среди эндемичных обитателей Байкала самыми загадочными оказались губки сидячие кишечнополостные, одни из древнейших обитателей земли. По виду они больше походили на растения — разветвленные кустики с шершавыми жесткими веточками высотой до семидесяти сантиметров. Нередко они встречались сплошными зарослями. Но попадали и другие — похожие на жесткие корочки, наросты. Все они были тоже эндемики. Годы спустя стало известно: время-то оказалось почти не властно над ними. Такие же обитали в Байкале десятки миллионов лет назад, еще в третичном периоде.

...Илы Байкала. Кем заселены они? И как достать их? Чем? Давно это не давало покоя Бенедикту Ивановичу. Однажды он поделился с Годлевским мыслью о том, а не приспособить ли для добычи илов глубоководный прибор? Изобретательный товарищ вскоре же придумал к этому прибору особую коробку. Она безотказно захватывала илы на любой глубине. Те кишки микроскопи-

ческими существами. Изучая их, Бенедикт Иванович часами просиживал в своем кабинете.

Как-то он просматривал под лупой очередные пробы ила и среди бесчисленных микроскопических рачков заметил каких-то личинок. Начал пристально разглядывать их и удивился: то были личинки губок!.. Но такими размножаются только морские, а пресноводные — почками. Он встал и долго взволнованно ходил. Похоже, «Святое море» начало раскрывать перед ним главную тайну — происхождение своего загадочного животного мира. Он раздумывал о ней и прежде, после того как уловил явное сходство древних — родоначальных форм бокоплавов и моллюсков с морскими. И вот опять — у губок... тоже родство с морскими. С этого дня чем бы ни занимался, а мысль, что древнейшие предки нынешних байкальских эндемичных животных были морскими, не выходила из головы.

Как-то выловили в прибрежье во множестве крошечного червя, сидящего в трубочке. Головной конец его украшал венчик из тоненьких жабр. Он был из многощетинковых червей — полихет. Как очутился в Байкале? Его ближайšie сородичи живут в морях и солоноватых водоемах. Снова тайна!..

Весной следующего года в дальней проруби Култукского залива попали им выюны. Так их называли местные жители. Даже после первого знакомства с ними как будто не оставалось сомнений — это личинки полихет. К несчастью, не в чем было их законсервировать и позже изучить основательно. Такими размножаются морские полихеты. Но каким путем могли проникнуть они в Байкал? А также предки губок, бокоплавов и моллюсков? — пока... глубочайшая тайна!..

Продолжая свои научные поиски, Бенедикт Иванович сделал еще одно поразительное открытие. В самом Байкале живут коренные эндемичные животные, а в прибрежьях его, особенно в устьях рек и мелководных за-

ливах,— типичные сибирские, пришельцы из соседних водоемов. Живут они бок о бок и не смешиваются. Отчего? Опять загадка!.. Раздумывая о ней, он всякий раз возвращался к мысли: только ли морскими были предки современной байкальской фауны?.. Со временем пришел к выводу: нет. У губок они определено и морские, и пресноводные— одни из современных губок размножаются подвижными личинками и, другие—почками, как все пресноводные. А судя по тому, что в прибрежьях Байкала водятся такие организмы, которые в открытых водах его не встречаются, но широко распространены по соседству с ним, их предки тоже не морские.

Постепенно он приходил к убеждению: на протяжении тысячелетий Байкал принимал пришельцев из других водоемов, в том числе и моря, и понемногу «перерабатывал» их. В результате рождались новые виды, разновидности.

В те годы была признана теория Гумбольдта и Пешеля. Эти ученые считали: в далеком прошлом Байкал был глубоким заливом Ледовитого океана. В те времена в него и переселились морские животные. Поначалу она казалась убедительной Бенедикту Ивановичу. Но когда взялись исследовать Сибирь геологи И. Ф. Шмидт, А. Л. Чекановский, то установили, что южнее 67,5 градуса северной широты на сибирских просторах не бывало моря позже древнейшего силурийского периода. Это сотни миллионов лет назад. Тут уж само собой разумелось, что Байкал не мог быть заливом Ледовитого океана.

Теперь чутье ученого подсказывало Бенедикту Ивановичу, что животных, родственных переселенцам моря в Байкал, надо искать на востоке. Они могли проникнуть из дальневосточных морей по системе рек и озер, а по Амуру— вероятнее всего. Он— древнейшая река, связанная с морем. Из него животные могли по притокам проникнуть в озеро Косогол, затем по Селенге в Байкал. Поэтому и родственников байкальских древних эндеми-

ков надо искать в озере Косогол, в бассейне Амура и в дальневосточных морях. Эта идея заполонила его целиком.

Как-то пошел он к своему сподвижнику Виктору Годлевскому поделиться думами о ней. Застал его в длинной проходной комнате. Обычно Виктор и минуты не бывал в покое: вечно занят чем-нибудь. А тут сидел перед столом неподвижно, обхватив большими руками колени. Весь стол перед ним был заставлен склянками, баночками. Одни наполнены пробами ила, другие микроорганизмами, добытыми в толщах байкальских вод.

Едва в комнате показался Бенедикт Иванович, Виктор встал и начал переносить склянки в шкаф с таким видом, как будто прятал в сейф величайшие сокровища. Потом неожиданно присел и, обводя рукой стоявшее на столе богатство, простодушно, почти с детским удивлением сказал:

— В этих маленьких сосудах — целый мир! Никому еще неизвестный и нам тоже. Потом о нем узнает весь свет и ахнет: какой удивительный!..

— Да, Виктор! — взволнованно отозвался Бенедикт Иванович. — В них целый мир простейших животных и растений, о которых еще никто ничего не знает. Но он, несомненно, такой же своеобразный и эндемичный, как тот, который мы уже открыли!..

Он умолк, задумался. Потом пустился рисовать перед ним заманчивую картину поисков предков байкальских эндемиков в здешних окрестных озерах, в монгольском Косоголе, в Приамурье, в дальневосточных морях. Искать, чтобы раскрыть тайну из тайн Байкала — происхождение животного мира его. Годлевский слушал, как загнипнотизированный. Потом воскликнул: «Пан профессор! — когда он хотел выразить свое особое почтение и восхищение к нему, то называл его так. — Я верю, — вы откроете и эту великую тайну! А я с вами хоть на край света!..»

С того дня они самоотверженно начали исследовать соседние озера, надеясь найти в них древних байкальских эндемиков. Озера эти в далеком прошлом, несомненно, были связаны с Байкалом. Вероятно, были заливами его, когда байкальские воды стояли намного выше. Доказательство тому береговые террасы, которые удалось открыть недавно в нескольких местах. Иные вздымались очень высоко над нынешним уровнем «моря». И прибрежные озера тоже находятся значительно выше его.

В те далекие времена, когда они были связаны с Байкалом, в них, конечно, обитали его эндемики. Почему же не сохранились они? Самые тщательные поиски не давали результатов.

Понять это помогло Бенедикту Ивановичу одно наблюдение. В нынешних прибрежных водоемах, отделяющихся постепенно от Байкала, происходят резкие изменения. Они в теплые времена года сильно прогреваются, в них больше гниющих органических веществ и меньше кислорода. В таких условиях коренные байкальские животные не выдерживают и понемногу вымирают. Проверил он это на опытах в искусственных условиях — результат такой же.

Теперь явилось предположение: в озерах достаточно глубоких и холодных, жизненные условия которых сходны с байкальскими, не дожили ли до наших дней древние эндемики?.. Однажды в озере Поплавском встретили два вида типичных байкальских бычков. Эта находка вознаградила за все прежние неудачи. Бенедикт Иванович ликовал. Само собой думалось: значит, были поселенцы из Байкала и в других озерах, но успели вымереть. А вот в большом и глубоком Косоголе определенно сохранились. В него по Селенге они могли проникнуть, когда Байкал и эта река были куда полноводнее. А до Косогола отсюда напрямик и сейчас сравнительно недалеко. Но как попасть на него? Он в соседней стране Монголии. Если б они не были прикованы поли-

цейским надзором в Култуке, то и тогда не просто было побывать на этом озере. Оставалось только грезить о нем да поджидать счастливого случая. Авось подвернется, как летом 1869 года.

Тогда через Сибирь проезжала государственная комиссия, направленная на Амур и Уссури, во главе с И. Г. Сколковым. Ему по пути в Иркутск ампутировали руку, и рана не заживала. Требовалось постоянное наблюдение врача, пока он — председатель комиссии — следует на восток. Узнав о том в Иркутске от друзей, Бенедикт Иванович с их помощью изо всех сил стал хлопотать, чтобы Сколков взял его с собой в качестве личного врача и натуралиста. Он так давно мечтал побывать на Дальнем Востоке. Не только рыбы Амура привлекали его, но и птицы тех мест, и весь животный мир. Удалось-таки попасть к Сколкову, но с каким трудом! Тому пришлось ходатайствовать перед Шелашниковым, председательствующим в губернском совете. Затем понадобилось отношение последнего гражданскому губернатору. Наконец, ходатайство Сколкова перед самим генерал-губернатором Корсаковым. Правитель Сибири запросил особое разрешение из столицы.

Побывать тогда на Дальнем Востоке Бенедикту Ивановичу все-таки удалось. Он «мимоходом» ознакомился с природой Приамурья. Какие замечательные места! Сколько они сулили неизвестного! Сулили возможность после детальных исследований открыть новые зоогеографические области-зоны, о которых в науке не было еще ни слова. А древнейшая река Амур? В нем даже при мимолетном знакомстве бросилось в глаза своеобразие рыбного населения — богатство лососевых и карповых рыб, но бедность окуневых. Длительное исследование животного царства этой реки открыло бы, несомненно, немало нового. Он уже предполагал, более того — был почти уверен, что эта река собрала и сохранила виды животных разных эпох, а некоторые преобразовала в новые. Но

попасть снова на Амур не было пока никакой возможности.

Они продолжали исследования на Байкале. Взялись изучать обитателей рек, впадающих в него. Надеялись найти переселенцев из «Святого моря» и, может быть, древних. Но встретили только недавних и лишь в одной Ангаре, притом в изобилии.

...Совершенно неожиданно-негаданно представился случай побывать на Косоголе. Управляющий приисками лазуревое камня Карл Нейман решил объехать Тункинский край и проникнуть на Косогол, если удастся. Он охотно согласился взять с собой Дыбовского, Годлевского и проживающих временно с ними в Култуке Чекановского с Вронским, испросив на то разрешение генерал-губернатора. На Косоголе Бенедикт Иванович байкальских животных не нашел. Но, по его убеждению, это совсем не доказывало, что они в нем не водятся. Не удалось отыскать ему — найдут со временем другие натуралисты. И он не ошибся. В следующем веке в Косоголе обнаружили два вида байкальских моллюсков. А в озерах бассейна Витима — того многощетинкового червя полихету, личинки которой он когда-то выловил в проруби Култукского залива.

«Бенедикт Дыбовский, Виктор Годлевский и Михаил Янковский, закончив ныне свои естественно-исторические исследования в окрестностях Култука и на Байкале, пожелали перенести свои исследования первоначально в Забайкалье, между Ононом и Аргунью, далее в долину р. Амура, преимущественно около Благовещенска и по р. Зее с ее притоками, потом в Южно-Уссурийский край и, наконец, обследовать прибрежную полосу около южных портов и окрестностей лимана».

С большим трудом удалось Дыбовскому добиться разрешения генерал-губернатора на эту экспедицию. Отправился он в нее с товарищами по каторге В. Годлевским и М. Янковским, притом с очень скудными средст-

вами. Пробыли они в Забайкалье и на Дальнем Востоке более трех лет. Немало пришлось им испытать там разных лишений. Последний год провели на берегу Манджурского залива, но какой... «Здесь... в весьма тяжелых условиях, вдали от почты, телеграфа и всякого сношения с цивилизованным миром, мы старались добыть все, что только было можно при данных обстоятельствах», — вспоминал Дыбовский.

А добыли-то немало: богатейшие коллекции разнообразных моллюсков, ракообразных, губок и других морских животных. Отослали их на родину Тачановскому. Но то, ради чего столько претерпел первооткрыватель фауны «Святого моря», он тут не встретил: животных, родственников байкальским. В Иркутск вернулся в 1875 году, снова проплыв по Уссури и Амуру.

Здесь, перед самым отъездом в Култук, пришлось ему опять пройти через мучительную процедуру — подавать прошение. Он, уже всемирно известный исследователь байкальской фауны, принужден был просить самого генерал-губернатора, чтобы позволили продолжить изучение ее. В губернском управлении ему вручили чистый лист. Крепко сжав губы, Бенедикт Иванович посмотрел на него. Потом каким-то шатающимся почерком начал выводить официальные слова: «Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

Состоящего под надзором полиции Иркутской губернии, Бадаевской волости доктора медицины и хирургии Бенедикта Дыбовского

Прошение

Имея поручение от Сибирского отдела императорского Русского Географического общества для производства фаунистических исследований и измерения глубины озе-

ра Байкал, честь имею покорнейше просить...» Он писал почти машинально, думая о другом, и неожиданно споткнулся на общепринятых словах: «покорнейше просить». Какие холуйские слова! Ему покорнейше просить сильных мира сего?.. Как он жаждал их свержения еще четверть века назад! А теперь... Перо его невольно замерло... Перед мысленным взором поплыли видения прошлого. Он как бы увидел прекрасное лицо Зыгмунта Сераковского. Потом машинально взглянул на лежавшее перед ним прошение. Перо сдвинулось с места и начало выводить: «...Ваше высокопревосходительство разрешить мне выезд на Байкал.

Иркутск

9 декабря 1875 года

Бенедикт Дыбовский».

Он подал прошение и заторопился вон. А перед глазами как бы из туманной дали устремился на него взгляд друга и соратника Сераковского. Бенедикт Иванович шел по улице целиком во власти воспоминаний. 1862 год... Лихорадочная работа в подпольном комитете, готовящем восстание Литвы и Белоруссии. Он — комиссар этого революционного комитета. Вместе с Сераковским бок о бок, почти беспрестанно в нечеловеческом напряжении.

Он думал о ходе восстания во всей Польше, о причинах его поражения, вспоминал последнего вождя этого восстания Ромуальда Траугутта — «таинственного диктатора», известного народу по кличке Чернецкий. Ему виделся откос Варшавской цитадели. На нем казнили Ромуальда. Всего за несколько дней до того, как самого Дыбовского отправили на каторгу. Ромуальда выдали предатели. Сдается, и его тоже. Ему до конца восстания удавалось оставаться в тени, укрывшись в университетских стенах.

Мечтам своей молодости и друзьям он не изменил. Нет! По-прежнему верит в торжество будущего — сво-

боды, разума! Отдаваясь всей душой науке, борется и теперь, но другим оружием. Страстно убежден: наука преобразит когда-нибудь человечество, неузнаваемо разовьет интеллект людей, сделает их королями духа. Исчезнет власть одного человека над другими — все будут равны. И переведутся распорядители чужих судеб, подобных тем, которым только что подал прошение.

Вернувшись на Байкал, он с еще большим рвением, чем прежде, продолжал его исследование. С Виктором Годлевским, не таким уж сильным, как раньше, опять долбили днями эти окаянные проруби — теперь в середине озера. Тут почти непрерывно дули ветры, случалось, лютые. От свирепых морозов лед иногда лопался, расходясь широкими трещинами. И далеко вокруг катился гул, грохот, подобно пушечной пальбе.

Своим прибором они измеряли глубины, изучая рельеф дна. Постепенно промерами охватили всю южную впадину. Одновременно продолжали изучать животный мир. Новые находки, открытия заставляли забывать все тяготы отшельнической жизни. Они дарили минуты такой духовной радости, которые не забудутся никогда. В эту зиму первооткрыватели оборудовали себе «фургон» — юрту на санях с железной печкой внутри. Обили юрту теплым войлоком, настелили в ней пол. Впрягаясь в сани, могли надолго уходить в середину Байкала. Вокруг далеко-далеко простиралось ледяное покрывало озера. Оно было смято складками торосов и разорвано трещинами. За озером поднимался величественный хребет Хамар-Дабан. Его сверкающие вершины в иных местах напоминали останки исполинских стен, башен, сложенных из белоснежного мрамора. А подножие щетинилось темнохвойной тайгой.

Они с особенным увлечением вылавливали глубоководные организмы, необычные с виду. Глаза у них есть, но молочно-белого цвета. А вот совершенно слепых не нашли ни одного. Значит, не успели они еще утратить

орган зрения, хотя в крошечной тьме он им совершенно не нужен. Все глубоководные виды в сравнении со своими родственниками, жившими «этажами выше», обладали непомерно длинными ногами, усиками и щупальцами. Однажды с большой глубины извлекли кусок дерева, на котором оказалась губка. Редчайшая находка!

Но ее утерjali по дороге, когда опрокинулись сани, и как жалели о том. Во время зимних бурь подобное случалось у них нередко, фургон не выдерживал натиска ветра. Но все-таки,— «несмотря на то, я до сих пор убежден,— писал Бенедикт Иванович годы спустя,— что самое благоприятное время для ловли на Байкале— это зима и что ловлю и измерения глубин желательно производить со льда. Достаточно иметь в распоряжении фургон... его необходимо укреплять (на ночь) на яркое и подкладывать под полозья длинные жерди. В приготовленном таким образом фургоне за занятиями можно безопасно провести на озере всю продолжительную зиму».

Постепенно перед мысленным взором ученого вырисовывалась любопытная картина дна озера. У пологих берегов оно понижается постепенно, против крутых долин углубляется желобами, а против скалистых склонов опускается террасами. Повсюду оно как бы повторяет очертания берегов, залитых водой. Причем у северо-западных круто опускается вниз, понижаясь через каждую тысячу метров на целых триста, у восточных же— полого и равномерно поднимается. И животный мир у разных побережий заметно отличается. Дно всей южной впадины напоминает исполинскую чашу, резко наклоненную к северо-западу. Здесь вдоль берегов простирается настоящая пучина.

Она тоже не безжизненна. Еще в прежние годы Б. И. Дыбовский сделал поразительное открытие: в Байкале глубже двухсотпятидесяти метров весь год— постоянная плюсовая температура свыше трех градусов. И в тех глу-

бинах, по словам первооткрывателя, «...жизнь не связана с временами года, но круглый год остается одинаково деятельною... Свадьбы празднуют тут в продолжение целого года, и, едва один вид успеет отпраздновать свою брачную пору, уже начинается она для другого...». И для каждого повторяется многократно. Короче, жизнь в пучинах буйствовала, как нигде в другом месте этого озера, да всякого другого на земле. Но сколько ни открыли они здесь с Годлевским, как ни одержимо изучали, а все больше убеждались: достанет еще работы целым поколениям ученых. Потому давно и страстно мечтал об устройстве на Байкале исследовательской станции, а еще — об университете в Иркутске как научном центре.

...А на Байкале все оставалась неразгаданной тайна происхождения животного мира его. Бенедикта Ивановича давно занимал тюлень — зверь морской. Старожилы называют его нерпой. Похожие на нее тюлени водились в северных морях и в Каспийском. Как было не предположить: предки нерпы проникли в Байкал из северных морей по озерно-речным путям, так же и предки каспийского тюленя.

Однажды до Бенедикта Ивановича дошел слух, что байкальская нерпа встречается в озере Орон, которое находится в долине Витима. До него от Байкала напрямик не так уж далеко. А Витим — приток Лены. Последняя — древнейшая река и несет свои воды в одно из северных морей. Не этим ли речным путем проникла нерпа в Орон? Если верна догадка... то в этом озере могут встретиться и более древние байкальские животные.

Бенедикт Иванович снова потерял покой. Самым страстным его желанием было побывать на Ороне. Но как добраться до него? Ехать надо кружным путем: сначала по Лене, потом по Витиму. Это многие сотни верст. А последний участок пути в непроходимой тайге. Вряд ли там есть даже тропы. Казалось, невысказанно даже мечтать о таком путешествии. Но искушение было слишком

велико. Бенедикт Иванович решает: зимой 1876 года поедут на Орон. Когда сказал об этом Годлевскому, тот уверил:

— Я с вами, пан профессор, хоть к черту в пекло!

Они уже начали готовиться к этому необычному путешествию. Но осенью того года неожиданно пришло такое известие, что было уже не до Орона. Им разрешали вернуться на родину, восстановили во всех прежних правах. Милая родина! Столько лет тосковали о ней!..

Нет, свободу они получили не по милости царского правительства — оно вынуждено было дать ее. Ученого, награжденного золотой медалью императорского Русского Географического общества еще в 1870 году, а теперь широко известного и за границей, взяли под защиту Академия наук и Сибирский отдел Географического общества. Они настойчиво хлопотали об освобождении Дыбовского с Годлевским. Общественность ратовала за возвращение их в родные места.

Хотя Бенедикт Иванович всей душой рвался на родину, но Сибирь навсегда заполонила его ум, сердце. Она в его глазах была настоящим кладом для ученого. А не было для него занятия более увлекательного — всепоглощающего, чем открывать «клады» в природе. Уже давно он лелеял мечту об экспедиции на Камчатку, соблазнил ею несколько человек из ссыльных соотечественников, но прежде Яна Черского. Тот дал слово непременно участвовать в ней. О Викторе Годлевском и говорить нечего. Он опять уверил: «Я за вами, пан профессор, хоть к черту в пекло!» И вот теперь, когда они были свободны и могли ехать, куда захотят, Бенедикт Иванович в Иркутске начал хлопотать об экспедиции на Камчатку. Что влекло его туда сильнее, чем на родину? — Прежде неистребимое желание поискать в более северных дальневосточных морях то, что не встретил в Японском, — животных, родственных байкальским.

Сибирский отдел Географического общества не смог

снабдить его деньгами на камчатскую экспедицию. И в Петербурге ни Русское Географическое общество, ни Академия наук не дали ему ничего. Поехал он на родину и задержался дольше, чем рассчитывал. Только через год совет Русского Географического общества выделил ему тысячу рублей и помог выхлопотать должность окружного врача на Камчатке да избрал своим действительным членом.

К этому времени Виктор Годлевский был уже так болен, что не мог поехать. Бенедикт Иванович подыскал в помощники молодого человека, способного, страстного охотника, и пустился в путь в 1878 году. Он надеялся взять с собой в Иркутске тех, с кем договорился перед отъездом из Сибири.

В Иркутск они прибыли 19 февраля 1879 года, остановившись у знакомого провизора. От него «узнали новости, катастрофические для дальнейших моих планов,— записал в дневнике Бенедикт Иванович.— Черский женится, Ксенжопольский женат и имеет сына, а Гартунг болен... С ясного неба мечты об экспедиции, столь необычной, я сразу упал с подрезанными крыльями. Мне стало грустно».

Вскоре он оставил Иркутск. Нет, не с легким сердцем продолжал свой путь. А пятого июня 1879 года был уже на Камчатке. Она очаровала его с первого взгляда. «Здесь настоящие пейзажи Татр с прелестными видами гор, с их красотой, уже столько раз воспетой. Эти виды и пейзажи поражают нас величием гигантских вершин — вулканов, дышащих дымом и паром».

Насколько пленила его природа здешних мест, настолько ужасна жизнь местного туземного населения, обреченного на вымирание. Изю всех сил своих он старался облегчить ее. Летом верхом на лошади, а зимой в пургу и мороз на собаках объезжал самые глухие уголки полуострова, оказывая медицинскую помощь, борясь с пьянством.

Чтобы помочь камчадалам, начал акклиматизировать кроликов и домашних коз на Командорских островах, а на остров Беринга переселять лошадей. «Не могу смотреть,— писал он гневно сотруднику Сибирского отдела Географического общества Генриху Волю,— на бесчеловечное отношение администрации, купцов и священников к местному населению Камчатки...»

Заботы и хлопоты о туземцах отнимали у него основные силы и время. За те годы, что прожил здесь, как врач объехал весь полуостров пять раз. Только попутно во время этих разъездов смог заниматься исследованием живой природы. Не однажды посетил Командорские острова и упорно искал возле них вымирающее гигантское млекопитающее морскую (Стеллерову) корову, но безуспешно.

Зато на берегу Берингова моря однажды встретил выброшенную прибоем... байкальскую губку. То-то была находка! Она взволновала его до глубины души. Но была единственной из тех, которые он жаждал отыскать здесь. Ее было слишком недостаточно, чтобы сделать какие-то выводы. Мысль о фауне северных морей, из которых могли проникнуть в Байкал в древности предки его современных эндемиков, снова не шла из головы: И мечта побывать на озере Орон.

Он вспоминал потом: «Сообразно нашим скудным средствам мы собрали все, что было возможно. Предполагавшиеся биологические исследования пришлось ограничить до очень скромных размеров, благодаря отсутствию поддержки и сочувствия местных властей». С их стороны он встретил только злобу и ненависть за попытки прекратить злоупотребления по отношению к камчадалам. Он все больше убеждался: один не в силах облегчить жизнь местного населения. А самому оставаться здесь дольше было уже далеко не безопасно. Тут очень кстати подошло приглашение из Львовского университета занять кафедру. И вот он во Львове. Как в былые

времена в Варшаве, вдохновенно читает лекции студентам. Но с начальством и здесь начались нелады. Однажды его навестил сам ректор университета.

— Пришел к господину профессору,— начал он с подчеркнутой холодностью,— в связи с письмом, которое получил от министерства просвещения...

— О!— удивленно воскликнул Бенедикт Иванович.— Никогда не мог подумать, что в министерстве просвещения заинтересуются мною.

— Интересуются и очень сильно,— отвечал ректор.— Министерство обращает внимание, что господин профессор в своих лекциях проповедует революционные идеи, не соответствующие идеям, принятым в науке, что он является сторонником теории Дарвина, что проповедует эволюционизм...

— Да, я стою на эволюционных позициях и проповедую эволюционизм в своих лекциях,— бесстрашно отвечал Бенедикт Иванович, — это является моей обязанностью. Как профессор университета, должен я читать лекции на высоком теоретическом уровне, указывая в них на все то, что приобретено наукою. А теория эволюции является величайшим приобретением науки в девятнадцатом веке.

Стараясь убедить ректора в своей правоте, привел еще не один довод и закончил словами:

— Сообщаю вам, господин ректор, что я являюсь сторонником эволюционизма, в том духе читаю лекции и дальше буду читать.

На такой вызов мог отважиться только он. Решительно ничто не могло его укротить до самой старости. Но бывали у него и здесь счастливые дни. Он был растроган почти до слез, когда к своему семидесятилетию получил с Командорских островов удивительный подарок — скелет морской коровы! А читая письмо профессора Морозевича, разволновался от безмерной радости. Тот писал: «Переселенные по вашей инициативе северные оле-

ни на остров Беринга к настоящему времени размножились до нескольких тысяч голов и приносят для его жителей огромную пользу. Жители этого острова бесконечно благодарны Вам за вашу прекрасную инициативу!»

Чтение лекций приносило Бенедикту Ивановичу глубокое удовлетворение, но с университетом ему пришлось расстаться: уволители по старости. Нашли предлог избавиться от непокорного профессора, хотя он был еще бодрым и полным энергии. Сидеть сложа руки с его кипучей натурой он был совершенно неспособен. И принялся писать о Н. Копернике, И. Канте, П. Лапласе, создавая свои научно-популярные труды. Потом взялся за биографические очерки о Н. Г. Чернышевском, А. Л. Чекановском, И. Д. Черском, З. Сераковском — о людях, особенно близких ему по восстанию, каторге и научным поискам. А за всем тем не оставлял исследований: без них ему и жизнь не в жизнь!.. Описывал моллюсков, собранных на Байкале, устанавливал видовой состав различных животных Польши, изучал водное население озер Западной Белоруссии и Украины. Старость против него была совершенно бессильна, хотя перевалило ему уже за семьдесят.

Настал 1914 год. Разразилась первая империалистическая война. Она застала его в Белоруссии, в имении сестры. Царское правительство предложило ему, как не русскому подданному, выехать за Урал. Он попросился в Иркутск — поближе к Байкалу, решив поехать вместе с дочерью. Но высшее сибирское начальство назначило ему местом жительства Якутию. Едва не угодил он, престарелый ученый, известный всему миру, в самую страшную ссылку. Заступилась Академия наук. После нелегких хлопот удалось ему добиться разрешения выехать через фронт в Польшу. Много времени спустя он писал: «И вот счастливое обстоятельство дозволило мне вернуться на родину, и ему я обязан, что живу до сих пор, оканчивая 93 год своей жизни».

Но где бы ни был, чем бы ни занимался, а Сибирь влекла едва ли не сильнее, чем в юности. «...Нет лучшего места на земле, как Сибирь... в Сибири я увидел край жизни, здоровья, будящий человека к сильной и энергичной работе». Душа его все чаще рвалась на Байкал, на озеро Орон.

С какой радостью он узнал, что в Иркутске в 1918 году открылся университет, о котором давно мечтал. Порадовался и тому, что в нем работает известный профессор Сварчевский.

Прослышав о нем, начал слать ему свои научные труды и взволнованные, сердечные письма. Уже в первом признался: «Фауна Байкала стала для меня драгоценным воспоминанием бытности в Сибири. Все новое об ней занимает меня в высшей степени. Так, например, описание полихет озера Байкал Л. А. Зенкевичем...» Тех самых, личинок которых — трохофор — он когда-то выловил весной в проруби, но изучить подробно не смог. А ведь полихеты — обитатели морских побережий. Потому интересовали его особо. «Если бы Вам удалось побывать на озере в апреле месяце, я бы Вас просил попробовать разрешить этот весьма важный вопрос, касающийся фауны полихета». Их размножения.

Не выходило у него из головы и озеро Орон. В этом же письме посетовал: «К несчастью для науки, правительственные финансы не позволяют на финансирование зоологических музеев средствами, ответственными для предприятий. Так, например, исследования озера Орона. Достаточно было бы здесь одну зиму посвятить для изучения фауны этого озера, а сколько бы получилось зато преинтересных данных, столь важных для познания прошлого озера Байкала».

Как он был огорчен, когда узнал, что Сварчевский из-за болезни вынужден был переменить климат и уехал во Владикавказ. В следующем письме к нему признался: «Меня опечалило известие, что Вы оставили Иркутск.

Там для Вас было огромное поприще новых исследований.. Мне кажется, что Вы не выдержите долго вдали от Байкала и возвратитесь в будущем к нему.

Я очень мечтал об устройстве биологической станции в Култуке, там было бы возможно исследовать способ жизни и историю развития многих фаун. Другая мечта моя касалась озера Орона. Там лежит тайна, которой раскрытие стоило бы усилья профес. Иркутского университета. Как Вы думаете, было бы возможным обратиться к естествоиспытателям Соединенных Штатов с предложением, чтобы они устроили экспедицию на озеро Орон с помощью Иркутского университета... Для меня самый высокий интерес лежит в описании оронской голомянки и оронского тюленя».— Слух о них дошел до него опять и разжег интерес к Орону до предела.

В том же письме Бенедикт Иванович сообщал, что собирается на Байкал один ученый, всесторонне образованный человек. «Может быть, что он устроит даже поездку на озеро Орон! Счастливый человек!»

Но страстным мечтаниям престарелого ученого не суждено было осуществиться в те годы. Прошло почти полвека. Отгрохотала Отечественная война. После нее от Иркутского университета с небольшим запасом средств отправился на Орон молодой научный сотрудник Александр Алексеевич Томилов. Ему первому удалось изучить своеобразный животный мир высокогорного Орона. Но тюленя и голомянки в нем не нашел. А против всякого ожидания открыл тьму байкальского многощетинкового червя — полихеты, той самой, которой так интересовался Дыбовский многие годы. Не обмануло чутье Бенедикта Ивановича: нашелся в Ороне байкальский обитатель, да еще какой!..

В последние годы жизни первооткрывателя фауны Байкала почти беспрестанно лихорадило от ожидания новых открытий на «Святом море».

Исследователям его он писал такие письма, которые

вдохновляли на новые упорные поиски. Тяжелобольной, лежа в постели, писал Сварчевскому, вернувшемуся в Иркутский университет: «Сердечно благодарю Вас за память обо мне и радуюсь глубоко, что Вы счастливо приняли увеличивать славу фауны Байкала».

Второму, столь же одержимому байкаловеду, Виталию Чеславовичу Дорогостайскому тоже писал теплые, вдохновляющие слова: «Высокоуважаемый, а для меня дорогой спутник по дороге познания фауны Святого озера Байкал. Глубоко, сердечно благодарю Вас за ваше письмо... Ваша любовь к делу познания фауны Байкала радует меня в высшей степени. Только любовь к делу бывает в состоянии действовать успешно.

Остаюсь с глубочайшим почтением
д-р Б. Дыбовский»

Но чаще и больше он писал Глебу Юрьевичу Верещагину. Тот в 1925 году возглавил комплексную экспедицию Академии наук, рассчитанную на целое полудесятилетие. Ему же было поручено организовать Байкальскую лимнологическую станцию. Бенедикт Иванович хорошо помнил его студентом Варшавского университета, в котором читал лекции о Байкале, вернувшись с Камчатки. Среди слушателей сразу заметил юношу с большими удлинненными ярко-голубыми, вдохновенно горевшими глазами и копной буйно вьющихся темно-русых волос. Он слушал с таким затаенно-трепетным вниманием, как никто другой во всей аудитории. Потом не однажды беседовали с ним наедине о нераскрытых еще тайнах Байкала, о загадочном происхождении корней фауны его. Похоже, с тех встреч Верещагин увлекся Байкалом. А теперь он изучал и само озеро, и животный мир его с таким размахом, что оставалось только завидовать ему.

«Глубокоуважаемый Глеб Юрьевич! С какою радостью получил я ваше письмо. Благодарю сердечно за ваш труд...» — писал ему Бенедикт Иванович. Он все время

неустанно следил за всем, что появлялось в печати о Байкальской экспедиции, прочитывал то с волнением и радостью, то с тревогой.

В марте 1927 года писал Верещагину: «Многоуважаемый Глеб Юрьевич, не можете вообразить, с какою радостью я получил вчера, 21/3, письмо ваше. После разных известий, получаемых из газет, я воображал, что Вас потопили волны Невы. К счастью, Вы преодолели «грипп» и собираетесь в далекий путь. Я Вам завидую. Как бы я был рад, если бы мог сопутствовать Вам. Но, увы, нет возможности, 94 года жизни тяжело лежат надо мной. Тайно душевно буду с Вами, и каждый ваш успех будет моим утешением».

Он старался способствовать этому успеху. Советовал, наставлял Верещагина — своего лучшего последователя, отвечая на его вопросы. В одном из писем ответил обстоятельно на целых двенадцать. Недоумевал, почему для станции выбрали Марикуй? «Для меня исток Ангары был бы самый лучший пункт для Биологической станции». Позже эта станция была перенесена на Лиственничное — близко к истоку Ангары. Со временем ее преобразовали в Лимнологический институт и разместили его уже подле самого истока этой реки.

Письма, письма... Они были единственными трепетно живыми нитями, которые связывали Бенедикта Ивановича с самым дорогим — Святым морем. Ждал их всегда с нетерпением. Потом не знал, как благодарить авторов. Старался передать Глебу Юрьевичу собственный опыт исследований на Байкале. «Запустить простые ловушки следует только зимой, горестно сожалею, что не могу быть с Вами для устройства ловушек в больших размерах. Сообщить только Вам могу способ устройства такой простой ловушки...»

Но и сам в это время продолжал прежние исследования, разгадывая тайну вселения в Байкал морских животных. Его очень занимало родство байкальского и кас-

пийского тюленей. Давно предполагали: предки того и другого из северных морей переселились по озерно-речным путям. Для установления родства этих двух видов тюленей ему крайне необходимы были их черепа. Потому дал подробное наставление Глебу Юрьевичу, как следует обрабатывать последние и носовые кости, которые нарисовал даже. А в заключение писал: «Когда будет возможность достать черепа нерп — прошу Вас горячо прислать мне их как можно поспешнее».

А некоторое время спустя обратился к нему еще с одной просьбой: «Попробуйте проверить мои исчисления на черепах коллекции каспийских нерп в музее Академии наук. Если эти исчисления окажутся верны, то будет для науки важное событие и потому прошу Вас не отказать вашего содействия по этому вопросу». Но Глеб Юрьевич в то время был слишком занят в экспедиции.

Весной 1928 года Бенедикт Иванович неожиданно получил письмо от Академии наук СССР. В нем запрашивали полный список его научных работ, извещали, что избирается членом-корреспондентом Академии. Он был тяжело болен, его жена и старшая дочь тоже. Он ответил взволнованным письмом, сердечно поблагодарил за оказанную ему честь.

И признался: «Особенно меня радует то обстоятельство, что Академия наук занялась усердным исследованием всесторонним озера Байкал с глубоким сознанием о важности этого дела. Таким образом, сбылись мои мечты, и Святое море, с его неизчерпаемым богатством фауны, этот драгоценный Клейнод (сокровище.— А. Г.) земного шара станет в скором времени известным всему научному миру».

До последних дней своих Бенедикт Иванович страстно верил: «Только с помощью науки народы получают высокую культуру, а общество — постоянное движение к возможному счастью на земле... Наука двигает народы к правде, счастью». Ей он беззаветно посвятил всю дол-

гую жизнь без остатка. А потомкам оставил почти чetyреста научных работ.

На его памятнике во Львове признательно начертаны слова: «Бенедикт Дыбовский — ссыльный и исследователь Сибири, человек великого сердца и непокорного духа».

Года за три до его смерти профессор С. Н. Лаптев побывал в Култуке. Там встретил стариков, знавших Дыбовского в ранней молодости. Они любовно и благодарно хранили память о нем. «Уважительный был! Такой хлопотливый, беспокойный. Без дела минуты не сидел». Там он и прожил все свои девяносто семь лет, не изведав духовной старости.

ВИТАЛИЙ ДОРОГОСТАЙСКИЙ

В пору учебы на рабфаке Иркутского университета в 1934 году жила я в одной комнате с первокурсницами геологического факультета. В один из зимних вечеров явились они радостно взволнованные. Восторженным их рассказам не было конца. С уст девушек не сходило имя профессора Виталия Чеславовича Дорогостайского. Кажется, на занятии научного кружка он поведал студентам о своем давнем путешествии по экваториальной Африке. В тот вечер я впервые узнала о Дорогостайском. Мне захотелось увидеть и услышать его. В моем воображении он рисовался бесстрашным исследователем в таинственной стране.

Время шло. Я тоже стала первокурсницей Иркутского университета, поступив на биофак. Так хотелось увидеть профессора Дорогостайского! Но почему-то встретить Виталия Чеславовича не удавалось. А разговоры о нем слышала не раз.

В те годы легковые машины на улицах Иркутска показывались изредка. Рассказывали, что Виталий Чеславович стал первым частновладельцем легковой машины, соорудив своими руками «гарахтелку». Она получилась с изрядным норовом. Бывало, катит на ней Дорогостайский по главной улице, вдруг машина останавливается, подпрыгивает, начинает извергать чад и пламя. Профессор, распластавшись на булыжной мостовой, производит ремонт на ходу.

Потом он соорудил аэросани и с шиком пронесся по

льду Ангары. На повороте с реки руль отказал; и сани со всего хода врезались в чей-то забор, повалили его. Пришлось ремонтировать. Однажды он пригласил одного из своих коллег прокатиться с ним на аэросанях. Тот вежливо поблагодарил и сказал:

— С удовольствием бы, но... я еще жить хочу!..

Много лет спустя мне удалось убедиться, что во всех этих рассказах не было и тени вымысла. Профессор, кроме основного своего дела, еще увлекался техникой.

Как-то, выходя из университета, я невольно обратила внимание на пожилого человека. На голове его была старая меховая шапка, одет скромно, но выражение лица необычное. Он внимательным, изучающим взглядом окидывал всех проходящих. Позже еще не раз встречала его в большом коридоре. Он обычно спешил, обгоняя студентов. Его небольшие серые глаза всегда оживленно блестели под крутым лбом, переходящим в изрядную лысину, которая окаймлялась темно-русыми волосами.

Однажды весенним днем шла я мимо театра юного зрителя. На афише — фамилия профессора Дорогостайского. Его публичная лекция «Происхождение человека» намечалась на вечер того дня. С нетерпением я ждала ее начала. Вот на сцену быстро вышел лектор, среднего роста, в черном костюме. Это был тот самый энергичный пожилой человек, которого давно заприметила в университете. Лекция его была совсем не похожа на «чинные» профессорские. Он рассказывал просто, увлеченно и удивительно понятно. С того времени я стала нетерпеливо ожидать, когда он в будущем году станет читать нам лекции по зоологии позвоночных. Студенты-старшекурсники отзывались о них похвально. По их словам, он самозабвенно рассказывал о нравах и повадках животных, о природе.

...Минуло с тех пор почти тридцать лет. Виталий Челаславович давно ушел из жизни. Начиная знакомиться с его трудами, я поняла, какую выдающуюся роль он играл

в истории изучения Байкала. Недаром же все известные исследователи этого озера, начиная с двадцатых годов, ссылались в своих трудах на фундаментальную работу В. Ч. Дорогостайского «Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал». По объему она сравнительно небольшая, но велика по смыслу.

Меня все чаще одолевало желание разузнать хотя бы что-нибудь о жизненном пути ее автора. Знающие люди уверяли, что документов о нем не сохранилось. И вот однажды услышала: они есть в архиве Иркутского университета. Не мешкая, отправилась в него. Сотрудница вскоре же принесла пухлую папку «Личное дело Виталия Чеславовича Дорогостайского». Оно «Началось 4/6 1919 г. Окончено 1936 г. На 202 листах». Вот уж по пословице: не было ни гроша да вдруг алтын!

Вначале с любопытством просмотрела «Представление» первого ректора Иркутского университета профессора М. М. Рубинштейна министру народного просвещения. В нем он просил поручить профессору В. Ч. Дорогостайскому, едущему в Иркутск из Омского сельхозинститута, принять участие в организации вновь открываемого в университете физико-математического факультета. Это писалось в Омске 21 мая 1919 года.

Вот и заявление самого Виталия Чеславовича. «Честь имею заявить о своем принципиальном согласии вступить в число преподавателей... по моей специальности зоологии и сравнительной анатомии». При нем прилагал список своих научных трудов — свыше двадцати. Полдюжину их было по бокоплавам Байкала, одна — по омулю и омулевым промыслам, — первая по времени появления. Был среди них доклад о горизонтальном и вертикальном распределении фауны Байкала, прочтенный в Московском обществе любителей естествознания.

К заявлению его были приложены отзывы двух профессоров. В. И. Смирнов свидетельствовал о выдающихся знаниях В. Ч. Дорогостайского местной сибирской фа-

уны, особенно озера Байкал, а также о его организаторских способностях и большой энергии. Б. А. Сварчевский писал, что Дорогостайский известен как исследователь Байкала, Ангары, озера Косогол и горных озер Хамар-Дабана. По результатам изучения последних была написана научная работа, но рукопись ее погибла во время восстания 1905 года в Москве.

Увидела я в личном деле и автобиографию Виталия Чеславовича. Читала ее как удивительную повесть. И так явственно представлялся жизненный путь ученого. Родился Виталий Чеславович в селе Тулуне Иркутской губернии в семье политического ссыльного в 1879 году. Как позже удалось мне узнать, его отец был участником Польского восстания 1863 года и отбывал наказание в Сибири одновременно с Б. И. Дыбовским.

Первоначальное образование Виталий Дорогостайский получил дома и, судя по всему, под влиянием отца стал рано увлекаться природой. Особенно пристрастился к коллекционированию. Ловил насекомых, добывал птиц и зверюшек, собирал растения.

Когда поступил в иркутскую гимназию в 1891 году, в нем уже разгорался «огонек натуралиста-исследователя», по его собственному признанию. Но в гимназии естественных наук не преподавалось. Более того — в глазах некоторых преподавателей-чиновников охота и экскурсии юного Дорогостайского были преступлением, за которое они нередко его наказывали. С горечью он вспоминал: «Много часов мне пришлось просидеть без обеда «за преступление»... К счастью, все это не убило во мне натуралиста».

Да, к счастью для него и для науки!.. Вероятнее всего, потому, что в гимназии оказалась живая душа, преподаватель географии и физики Яков Павлович Прейн. Он увлекался растениями и написал ценные труды по флоре Сибири. Виталий Чеславович с признательностью писал, что Прейну обязан весьма.

После окончания гимназии ему поразительно повезло в Московском университете. В нем он слушал лекции известного ученого-орнитолога М. А. Мензбира, любимца студентов ботаника И. Н. Горожанкина и прославленного К. А. Тимирязева. Их лекции увлекли его с первых дней. Потом стал работать в лабораториях профессора Горожанкина и Мензбира. А с наступлением весны экскурсировал в окрестностях Москвы и куда с большим увлечением, чем в прежние годы.

Летом 1902 года начал вполне самостоятельно изучать водоросли Байкала, еще нетронутые исследованием. Со всей страстью одержимой природы отдавался первым научным поискам. Повел их с таким размахом, который сделал бы честь и опытному натуралисту. Но вдруг... как писал он: «...над русским университетом пронеслась гроза, выкинувшая за борт многие сотни молодых людей, в числе этих последних был и я. За участие в студенческих беспорядках я был исключен из университета, арестован, посажен в Бутырки, а затем был переселен в Архангельск, в Соломбальскую крепость, где и просидел 6 месяцев. По отбытии наказания я был выслан в Сибирь. Оторванный от источника знания я, к счастью для себя, в Иркутске нашел людей, живо интересовавшихся наукой и научными исследованиями». Ими оказались директор Иркутской геофизической обсерватории А. В. Вознесенский и препаратор краеведческого музея А. Н. Стонилевский.

Почти все лето 1903 года Виталий Дорогостайский провел снова на Байкале и в его окрестностях. Он успел проплыть вдоль и поперек не только южную котловину, но и среднюю, передвигаясь на простой весельной лодке с помощниками-ребцами. Один на просторах «Священного моря»!.. То была незабываемая романтика научных поисков. А вокруг могучая неопишуемая красота! Она покорила на всю жизнь, но еще более пленяли тайны, которые скрывали воды Байкала.

Еще до того, как отправился сюда, он основательно познакомился с трудами Б. И. Дыбовского, первооткрывателя удивительной фауны Байкала. В ней было полно таких животных, которые нигде на земле больше не водились. Виталий Дорогостайский надеялся открыть подобное и в мире байкальских водорослей, пока совсем не известных науке. Он неумоимо путешествовал и по самому Байкалу, и по некоторым рекам, а прежде по самым крупным: Селенге и Ангаре. Побывал и на озерах, соседних с Байкалом, в том числе на Котокеле. Но... ожидания, столь желанные, не сбылись. Он надеялся встретить морские растительные формы, приспособившиеся к жизни в пресной воде. Таких не нашел. Но открыл — флора Байкала интересна и оригинальна.

Наблюдая донные водоросли, Виталий Дорогостайский обнаружил любопытное! Одни любят прибрежные, хорошо освещенные места в полосе прибоя. Другие встречаются глубже, куда не доходит волнение, но света там меньше. Третьим, по-видимому, безразличны освещение и глубина. Остальные свободно парят в водах озера. Наблюдая, как расселены водоросли в Байкале, он выделил несколько условных зон: прибрежную, мелководную, глубоководную и планктон. Намetil еще одну, лишнюю растений,— это на самых больших глубинах.

Поразило его обилие и разнообразие диатомовых водорослей. Когда со временем обработал их пробы и подсчитал, то оказалось: это микроскопические существа, заключенные в кремневые панцири, как в коробочки, составляют 87,5 процента всего водорослевого населения Байкала.

Удивил и гигантизм у многих донных зеленых водорослей, особенно драпарнальдий, на редкость красивых. Они напоминали ажурное кружево. Как разгадать причину такого гигантизма? Он пришел к выводу, что благодаря каким-то особо благоприятным условиям здесь вывелась

новая — рослая раса. Но что за условия? Это по сей день остается тайной, одной из самых волнующих. Гигантизм — то присущ и многим байкальским животным. Как ни увлекали начинающего байкаловеда водоросли, но само озеро со всем его неповторимым животным населением — куда больше. Только теперь он смог воочию убедиться, насколько своеобразно оно.

Осенью 1903 года Виталий Дорогостайский смог вернуться в Московский университет и не с пустыми руками. В лаборатории профессора И. Н. Горожанкина все зимние вечера проводил за обработкой своих богатых сборов водорослей. Кроме них изучил и пробы В. С. Елпатьевского из монгольского озера Косогол и нашел в них большое сходство с байкальскими.

Наконец засел за свою первую научную работу «Материалы для альгологии Байкала и его бассейна». В ней привел список трехсот пятидесяти видов водорослей, описал условия их обитания, а кроме того — и несколько новых видов диатомовых. Ее напечатали. Такой чести из студенческих работ в то время удостоивались очень немногие. Автор ее был несказанно рад.

Университет он окончил в 1905 году и летом вместе с А. В. Вознесенским поехал в свое первое дальнее путешествие в северо-западную Монголию, к Танну Ола. Там он с азартом охотился, добывая представителей животного царства неизученного края. Путешествие затянулось до ноября. Оно оказалось великолепной школой для Дорогостайского.

В Москву он привез ценнейшие экспонаты животных и растений. Здесь произошло то, чего никак не ожидал: сразу от двух виднейших ученых Московского университета — зоолога М. А. Мензбира и ботаника М. И. Голенкина получил приглашение остаться у них на кафедрах для подготовки к профессорскому званию. Но... без стипендии. Если бы ее дали!.. Дорогостайский был бы счастливейшим человеком. У него была уже семья, рос сын.

А работы в Москве не удалось найти даже при содействии Мензбира, Голенкина и других ученых.

Чтобы спасти семью от голода, он, скрепя сердце, уехал в Иркутск и устроился преподавателем в гимназии. Вскоре же опять занялся научными поисками в Восточной Сибири и в Монголии. Изучал птиц и позвоночных животных. Этими его исследованиями заинтересовался Петроградский отдел Географического общества. Он предложил молодому исследователю заняться изучением верховьев Енисея, еще почти совершенно не обследованных, по словам самого Дорогостайского. Летом 1907 года он направился в Туву во главе вьючного каравана с двумя помощниками и четырьмя казаками-рабочими. Путешествие оказалось невероятно трудным, но закончилось вполне благополучно, и цель его была достигнута: «пустое место на карте заполнено». Удалось собрать и представителей растительного, животного царства еще не изученного края.

В следующем году по поручению Географического общества он поехал в Монголию, на озеро Косогол (Хубсугул), провел на нем тщательные гидрологические и гидробиологические исследования, составил карту его. Собрал и представителей местной фауны, флоры. Весну и лето 1909 года целиком посвятил изучению животного мира Иркутской губернии.

Путешествия, экскурсии... они следовали без передышки уже не один год. Виталий Чеславович был счастлив ими. Всего себя, всю неизбывную энергию свою он отдавал научным поискам. Высоко их оценили в ученом мире столицы. Молодой исследователь в 1910 году был приглашен на двенадцатый съезд естествоиспытателей и врачей в Москву. На нем сделал доклад о результатах собственных поисков в Восточной Сибири и в Монголии.

Тут же, на съезде, профессор Мензбир предложил ему место сверхштатного ассистента в институте сравнительной анатомии. Виталий Чеславович согласился с ра-

достью, хотя содержание было мизерное. В душе был бесконечно благодарен своему бывшему учителю за эту заботу и за всю моральную поддержку, которую М. А. Мензбир вместе с профессором П. П. Сушкиным оказывал в письмах, посланных ему в Сибирь.

После съезда, летом того года В. Ч. Дорогостайский снова поехал на озеро Косогол, чтобы продолжить изучение его. Только осенью он перебрался с семьей в столицу. Здесь у него, по его словам, началась жизнь, полная интересной работы в университете, хотя и полная лишений. Но материальная нужда им порой не замечалась — так велико было увлечение делом, особенно во время экспедиций.

В 1910 году предложили ему участвовать в экспедиции, снаряженной в экваториальную Африку, ради которой готов был претерпеть любые материальные невзгоды. Из нее привез замечательные коллекции и передал их Академии наук. С последней с того времени завязались прочные деловые отношения на долгие годы. Африка же осталась в памяти, как чудесное видение на всю жизнь!

Следующим летом опять отправился в Монголию. Охотился там на горных баранов и козлов, собирая коллекции этих животных. Вместе с прежними богатыми фаунистическими сборами, сделанными в этой стране, тоже передал их Академии наук. Он зарекомендовал себя настолько опытным исследователем, что в 1914 году Академия наук поручила ему руководство экспедицией, отправленной в район Яблонового хребта и северных частей Восточной Сибири. Из нее были вывезены обширные коллекции. Был открыт новый вид горного барана, описанный позже совместно с академиком Н. В. Насоновым.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как В. Ч. Дорогостайский впервые начал свои исследования на Байкале. И вот Зоологический музей Академии наук командует его на Байкал для изучения и сбора фауны. Самого же Виталия Чеславовича манил прежде всего заветный уго-

лок — дельта Селенги. В ней Б. И. Дыбовский обнаружил, что рачки бокоплавы отличаются от своих сородичей, живущих в других местах этого озера.

Виталий Чеславович решил продолжить его поиски и почти за месяц, проведенный в дельте Селенги, натолкнулся на целый ряд интереснейших фактов. Начал он свои исследования, задавшись необычной целью: как окружающая среда влияет на организацию животных и распределение видов их не только в пределах «моря», но и в реках, впадающих в него, и в озерах, связанных с ним. Вот такой грандиозный замысел, осуществление которого было бы под силу лишь целому коллективу ученых!..

Приехав на Байкал, Виталий Чеславович в страстном нетерпении стремился охватить изучением как можно больше мест с различными условиями существования организмов. Почти весь май исследовал фауну в дельте Селенги и в прилегающих к ней водах Байкала, в ближних сорах (озерах, отшнуровавшихся от «моря»). Потом перебрался в Лиственичное, от него отправился по Ангаре. Затем на моторной лодке с Д. В. Белкиным пересек Байкал от Лиственичного до Култука и обратно. Две недели изучал побережье от Лиственичного до Больших Котов. Около них пробыл почти весь июль. В начале августа достиг Голоуспенского маяка, а в середине этого месяца сплыл по Ангаре до Иркутска.

Несколько месяцев без передышки невероятного по напряжению труда! Передвигаться по озеру приходилось почти всегда на весельной лодке, целыми днями вручную опускать и поднимать со дна тяжеловесную драгу, которой вылавливались животные. Изредка ученому из любезности разрешали пользоваться моторными лодками владельцы их Д. В. Белкин и А. П. Демьянович. Виталий Чеславович был в восторге от быстроходности «моторок» и легкости передвижения на них, почти никаких физических усилий!.. Поневоле ему мечталось: иметь бы для исследовательских работ такую быстролетную, как чай-

ка, моторку!.. Да еще оборудовать бы здесь, на Байкале, постоянную гидробиологическую станцию — «собственный дом» для ученых. Но где взять денег? В Академии наук их нет. Оставалось только грезить о моторке, о станции.

Однажды в счастливую минуту его осенило. Вернувшись в Иркутск, он нанес визит владельцу самых больших и роскошных магазинов Н. А. Второву. Неизвестно, как повел речь Виталий Чеславович с миллионером, но своей мечтой о моторном судне, об исследовательской станции сумел заворожить его. Богач пожертвовал на благо науки ни много ни мало — шестнадцать тысяч рублей. Теперь ученый направился в столицу с легким ликующим сердцем.

Под мерный перестук вагонных колес в глухую полночь ему особенно хорошо думалось. Прочь летел сон. И уже не сиделось больше на месте. Виталий Чеславович стремительно вставал и начинал быстро, но почти бесшумно — чтобы не потревожить пассажиров — шагать по вагону. Он раздумывал о Байкале. А прежде о том, что в нем не только масса эндемичных организмов, но и родов животных, даже семейств, таких рыб, как голомянок, бычков. Потому Байкал вполне можно выделить в особую подобласть Палеарктики, как считает Лев Семенович Берг. Да, он вполне согласен с ним. Но возможно ли «Священное море» разделить на более мелкие зоогеографические единицы? Об этом в науке пока никто не заговаривал.

Но он этим летом убедился: хотя бы рачки бокоплавцы дельты Селенги отличны от тех, что водятся в других местах. Все конечности их укорочены, тело уплотнено. На нем и на ногах множество шипиков, валиков. Это, несомненно, результат воздействия каких-то факторов среды. Примечательно и то, что такие же формы бокоплавов не встретились в иных местах. Пожалуй, дельту Селенги вместе с прилегающими озерами можно выделить в отдельную зоогеографическую провинцию. Но и в Ангаре

наблюдается подобная картина. Население ее верховьев, несомненно, в основном проникло из Байкала, но изменилось неузнаваемо в новой — речной, среде. Судя по всему, можно выделить и Ангарскую провинцию. Кроме того, определенно намечается вертикальное, как бы по-слойное, расселение бокоплавов по дну озера, начиная от прибрежий и до больших глубин.

Все это сулило в будущем захватывающие открытия. Теперь позарез нужно было специальное исследовательское судно. Оно уже виделось Виталию Чеславовичу в воображении: моторный катер, несущийся по Байкалу, приспособленный для драгировок и устойчивый на волнах. Виталий Чеславович присел на свое место, достал записную книжку и начал набрасывать общий вид катера. Потом углубился в вычисления. Сколько провел за ними времени — не заметил. Очнулся от того, что услышал голос пожилого проводника, остановившегося подле.

— Пора бы и вам соснуть часок-другой. Скоро светать начнет. — В голосе его слышалась ласка и почтение.

— Да, пора... — спохватился Виталий Чеславович. — Спасибо, что напомнили.

Вернувшись в столицу, он сразу же взялся за обработку собранных проб. К середине марта закончил статью о ракообразных Ангары. В ней отметил удивительную неустойчивость видовых признаков бокоплавов. Объяснил ее тем, что из Байкала в эту реку продолжают переселяться все новые представители животного мира и приспособляются к непривычным для них условиям. А в результате изменяются поразительно.

Работалось Виталию Чеславовичу в ту зиму легко. Он закончил еще одну работу по бокоплавам Байкала. А вместе с профессорами Л. С. Бергом, С. А. Зерновым и другими составил докладную записку в Академию наук. В ней говорилось о крайней необходимости создания на Байкале гидробиологической станции. Для постройки и оборудования ее, а также моторного судна прилагалось

четырнадцать тысяч рублей из пожертвованных Второвым. Академия наук отнеслась одобрительно и учредила особую Байкальскую комиссию. В. Ч. Дорогостайскому она поручила летом того года провести разведывательные работы на Байкале, чтобы найти подходящее место для будущей исследовательской станции.

Виталий Чеславович отправился на «Священное море» весной 1916 года во главе небольшой экспедиции. В нее входили: ассистент Московского университета ботаник К. И. Мейер, младший научный сотрудник Зоологического музея Академии наук Г. Ю. Верещагин и студент М. П. Розанов.

Чтобы успешно вести работы, сначала надо было построить исследовательское судно. Виталий Чеславович давно уже закончил чертежи его и заранее отправил с ними Розанова в мастерские байкальской железнодорожной переправы. Тот прибыл на место 13 мая, а через два дня началась уже постройка моторного катера. Приехав на Байкал, Виталий Чеславович не стал ждать, когда будет готов катер, и с Розановым начал изучение южной части озера на весельной лодке.

В первый день июня приехал Г. Ю. Верещагин, а через неделю К. И. Мейер. Тут уж все вместе взялись обстоятельно обследовать побережье от Лиственничного до Больших Котов — к северу вдоль западного берега. Изучали, как расселяются здесь животные и растения в зависимости от глубин, особенностей грунтов. Измеряли температуру воды на разных глубинах, изучали ее прозрачность, содержание кислорода. Такое же всестороннее изучение Виталий Чеславович намеревался провести и в других районах озера, когда будет готов катер.

А пока решили воспользоваться услугами пассажирского парохода «Феодосий». На нем проехали до бухт Песчаной и Харгин-Ирги. Потом от острова Ольхона пересекли Байкал, направляясь к Туркинским источникам, и взяли пробы планктона с помощью пароходного насоса

в открытых водах. У источников остались все, кроме Г. Ю. Верещагина,— он поехал на пароходе до северной оконечности Байкала. Виталий Чеславович с помощниками достиг озера Котокель. Тщательно изучил его. Когда вернулся «Феодосий», доплыли на нем до Лиственичного и продолжали исследования вдоль западного побережья Байкала. А Г. Ю. Верещагин снова поехал на пароходе, чтобы получше изучить Чивыркуйский залив и район Святого носа.

Наконец-то наступил несказанно желанный день: строители спустили на воду катер. Виталий Чеславович заранее назвал его «Чайкой». Целую неделю они хлопотали на новорожденном судне, отлаживая его для экспедиционных работ. И вот 14 июля 1916 года исследователи отчалили на нем, взяв курс на север. Намеревались прежде всего посетить Ольхонский пролив и Малое море. Первая остановка была около фабрики Сибирякова в Больших Котах. Здесь добыли много интересных представителей глубоководной фауны. Возбужденные, в радости приподнятом настроении, члены экспедиции продолжали путь. Достигли Голоустенского маяка. Около него два дня сряду вели драгировки на глубинах двести и больше метров. Направились к бухте Песчаной. По пути к ней вполне успешно выдержали довольно сильный шторм. Это особенно порадовало Виталия Чеславовича.

Все шло так славно, но 20 июля недалеко от устья реки Анги отказал мотор. Дальше плыли под парусами, продолжая изучение фауны. Через восемь дней при свежем ветре вошли в пролив Ольхонские ворота. Он «представлял для нас большой интерес,— писал Виталий Чеславович,— по разнообразию условий, которые наблюдаются как в самом проливе и многочисленных бухтах, так и в прилегающих... частях Малого моря». Ожидания не обманули опытного исследователя. В южных мелководных, хорошо прогретых бухтах и в северных, более

глубоких и холодных, условия жизни резко отличались. Соответственно и фауна в них была тоже разная.

Попутно Виталий Чеславович изучил озеро Нур на Ольхоне. Оно подарило замечательную находку: два вида типичных байкальских бокоплавов. А до того они были найдены им и в озере Котокель. Исконные «байкальцы» в соседних озерах? Это невольно наводило на раздумья о происхождении фауны «Священного моря». Третьего августа к маяку Кобылья голова, в проливе Ольхонские ворота, пристал теплоход «Феодосий». Виталий Чеславович договорился с его капитаном, чтобы взял экспедиционный катер на буксир. Назавтра разразился сильнейший шторм, он бушевал всю ночь.

В Лиственичном путешественников поразила новость: была объявлена мобилизация в действующую армию. В нее призывался К. И. Мейер и все рабочие катера. Взамен последних нельзя было нанять никого и «ни за какие деньги» — как писал в отчете Виталий Чеславович. Он остался с Розановым вдвоем. Мотор удалось ему наладить. Но исследования поневоле пришлось ограничить. Вели их только в окрестностях Лиственичного и Больших Котов. Как жалел Виталий Чеславович, что не осуществилась его горячая мечта — проплыть на «Чайке» до северной оконечности Байкала.

В конце августа того, 1916, года экспедиция закончила работу. Начальник ее в отчете писал: «...изыскания, произведенные на Байкале минувшим летом, являются продолжением моих исследований над географическим распределением байкальских животных, начатых в 1915 г.» Что же нового принесли они ему? Он ведь смог этим летом «прощупать» Байкал драгой на разных глубинах. Если бы человек нырнул в это озеро глубже двухсот метров и проплыл по разным участкам его, то смог бы увидеть, что в такой глубине животный мир повсюду примерно одинаков. Почему? В чем тут причина? Да, оказывает

ся, в однообразии среды, по заключению Виталия Чеславовича.

Но насколько «монотонной» оказалась фауна на больших глубинах озера, настолько же разнообразной она была в различных прибрежных участках его. Основываясь на различиях в составе фауны и морфологических особенностях отдельных видов, ученый наметил ряд зоогеографических участков Байкала. Это Южный (от г. Мысовска на восточном берегу до бухты Песчаной на западном), Селенгинский (от г. Мысовска вдоль дельты Селенги до д. Сухой), Западный (от бухты Песчаной до острова Ольхона, включая Ольхонские ворота и Малое море).

Вернувшись в столицу, Виталий Чеславович изучил интересующие его материалы и пришел к выводу: мелководную область около Ушканьих островов тоже вполне можно выделить в четвертый зоологический участок. Каждый из намеченных им участков характеризовался особым составом животных и эндемичными видами, подвидами, не встречающимися в других районах Байкала. Позже он назвал их провинциями. Но кроме них уже теперь явственно различал на разных глубинах области со своим особым населением и характерными, только им свойственными условиями среды. Эти глубинные области он назвал зонами и предварительно выделил их четыре.

В столице Виталий Чеславович сумел увлечь желанием исследовать Байкал и других ученых. На следующее лето вместе с ним решили поехать зоологи Московского университета и профессор сельскохозяйственного института С. А. Зернов с несколькими студентами. В это время Байкальская комиссия при Академии наук, созданная в 1915 году, разрабатывала план всестороннего изучения Байкала. Параллельно с ней в Москве возникла временная байкальская комиссия, в которую вошли В. Ч. Дорогостайский, Л. С. Берг, С. А. Зернов, И. И. Месяцев и другие. Она составляла план подробнейших и одновре-

менных исследований. Они намечались на западном и восточном берегах с помощью катера «Чайка», на котором должен был отправиться В. Ч. Дорогостайский со своими помощниками. Другие участки восточного берега должны были изучать зоологи Московского университета, а на западном — сотрудники сельскохозяйственного института. Все шло великолепно. Виталий Чеславович ликовал.

Весной совсем негаданно Академия наук отменила экспедицию — не оказалось нужного снаряжения. Это было равносильно удару. Виталий Чеславович решил ехать на Байкал один как самостоятельный исследователь. Вскоре узнал, что и зоологи Московского университета Л. Л. Россолимо, Л. А. Зенкевич, И. И. Месяцев тоже собираются отправиться «сами по себе». Университет им выделил тысячу рублей, да богач А. С. Хомяков пожертвовал полторы тысячи. Они первыми прибыли в Чивыркуйский залив, а 26 июня к ним на «Чайке» присоединился Виталий Чеславович. Этот залив оказался для него необычайно интересным. Какое разнообразие грунтов, всей совокупности жизненных условий и полнейшее соответствие им такого же разнообразия животного мира! Не зная устали и роздыха, ученый самоотверженно обследовал участок за участком. Материал собрал огромнейший.

Наступившей зимой обрабатывал его в столице и занят был сверх всякой меры. Затем вчерне завершал свою фундаментальную работу «Вертикальное и горизонтальное распределение фауны оз. Байкал». Как писал Виталий Чеславович в автобиографии, он в конце 1917 года был избран профессором Омского сельскохозяйственного института. Пробыл в нем полтора года. Оказывается, он давно лелеял заветную мечту создать питомник чернобурых лисиц. Летом 1919 года выехал на Байкал и приступил к его устройству.

Сейчас почти невозможно представить, в каких условиях ему пришлось осуществлять свою заветную мечту. Зарождение питомника началось в октябре 1919 года

с пожертвования В. Ч. Дорогостайскому главой пушной фирмы П. А. Кушнareвым пары серебристо-черных лисиц. А в следующем году питомник переживал тяжелейший материальный кризис. Только помощь губпродкома и некоторых кооперативных организаций продуктами спасли питомник от гибели. Его начали передавать из рук в руки разным ведомствам и наконец в 1922 году продали Иркутскому университету. Намучился с ним создатель его предостаточно. А тут новая напасть. Специального помещения в Больших Котах, где он находился, не было. Вольеры поместили в жилом помещении. При виде людей самки испытывали страх за свое потомство, пытались спрятать его в укромное место и «затаскивали» насмерть. Тогда Виталий Чеславович стал отнимать лисят от матерей и отдавать на воспитание кошкам-кормилицам. Опыт удался, но не был выходом из положения. Надо было срочно строить питомник с настоящими вольерами. Денег на это требовалось не менее трех тысяч рублей золотом.

Виталий Чеславович направился ко всем заготовительным организациям по пушному делу с просьбой оказать материальную поддержку. Несмотря на все красноречие и страстность его выступлений, удалось получить только тысячу пятьдесят рублей. Да университет выделил полторы тысячи. На эти совсем недостаточные средства Виталий Чеславович приступил к постройке питомника на двенадцать пар лисиц. Под его умелым руководством он был почти закончен в сентябре 1924 года.

Как сообщил мне профессор А. П. Скабичевский в 1974 году, питомник этот был замечательный, особенно по тому времени. В нем были не только лисицы, но и соболи, пятнистые олени, енотовидные собаки и другие.

Но не одним питомником был «жив» в те годы неугомный ученый. Как писал в «Автобиографии» — «Кроме работы в университете, я всецело отдал свои силы и время двум задачам: налаживанию станции (гидробиологи-

ческой в Больших Котах.— А. Г.) и питомника пушных зверей. Байкалу и вопросам охотничьего и пушного промысла посвящены все мои статьи, вышедшие за период времени с 1919—1929 гг.» Несомненно, «налаживание» станции в те годы далось ему ничуть не легче, чем питомника. Первоначально она находилась в ведении Академии наук, потом временно, на три года, была передана Иркутскому университету. Впоследствии так и осталась за ним.

Но что в те годы было посвящено профессором В. Ч. Дорогостайским Байкалу? В «Автобиографии» он мимоходом упомянул, что в 1921 и 1922 годах совершил две поездки для обследования северной части Байкала и горного озера Фролихи. А с кем? Что открыл там?..

Из письма Александра Павловича Скабичевского я узнала, что первая работа моего учителя профессора В. Н. Яснитского по планктону Байкала (1923) была написана после изучения водорослей, собранных во время экспедиции на «Чайке», руководимой В. Ч. Дорогостайским. Значит, в том году работала целая экспедиция! Как удалось ее организовать? Где она побывала? Ответы на эти вопросы нашлись в упомянутой работе В. Н. Яснитского. Он писал: «Летом 1922 г. я принимал участие в Байкальской промысловой экспедиции, снаряженной областным управлением по опытному делу Восточной Сибири. Целью названной экспедиции было изучение промысловых рыб Байкала, изучение их паразитов, питания, биологии. Наряду с этим экспедиция ставила своей задачей собирание материалов по флоре и фауне озера». Для Виталия Чеславовича последнее было, конечно, самым главным. Это — материал, необходимый ему для завершения фундаментального труда о распределении фауны в Байкале.

Он был опубликован в 1923 году в сборнике трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета. В предисловии к нему редколлегия писала, что на издание его не было ни средств, ни бумаги. Пришлось их сое-

бирать, где удастся. Авторы трудов работали в крайне тяжелых условиях, терпели нужду.

Вышел сборник мизерным тиражом и давным-давно стал большой редкостью. Он тоненький, невзрачный — в серой грубой обложке. Разглядывая его, я испытывала чувство, как при виде памятников героических времен. Работа профессора В. Ч. Дорогостайского занимала в нем самое почетное место.

При чтении его ярко вырисовываются расположенные по горизонтали фаунистические провинции. Теперь их семь: Центральная, обнимающая открытые воды Байкала, Южная, Северная, Селенгинская, Маломорская, Островная — в нее входят Ушканьи острова с прилегающими водами озера глубиной до трехсот метров и Ангарская.

Сверху вниз расположены вертикальные зоны. В каждой свое особое население и отличные от других условия жизни. Взять хотя бы самую маленькую верхнюю — литоральную, или прибрежную. Она занимает область глубин до пяти метров. В ней непрерывно все лето волнуется прибой, перекаывая по дну песок и гальку. Температура воды меняется не однажды в течение суток, не говоря уже о сезонах года. Здесь царство света и зеленых водорослей. Среди них Виталий Чеславович прежде назвал изящных, ажурных, как кружево, представителей разных эндемичных видов рода Драпарнальдия, описанных позже К. И. Мейером. Они нигде, кроме Байкала, не встречаются. Обычны здесь темно-зеленые бархатистые заросли Улотрикс зоната. Много представителей иных видов. Между водорослями снуют бесчисленные коричневатые и зеленоватые бокоплавы. Телосложением они плотные — «коренастые» и коротконогие, часто темноглазые. Между ними не спеша плавают типичные обитатели этой зоны бычки Кесслери вместе с другими своими собратьями. На дне встречаются плоские черви и малощетинковые. Здесь же обитают мшанки, губки. Ни в одной зоне нет столь многочисленного и пестрого населения, как в этой. Ниже

ее расположены: сублиторальная — до глубины пятьдесят метров, затем переходная — до трехсот метров и глубоководная (абиссальная), простирающаяся до тысячи восьмисот метров. В каждой особые условия и отменное от других водное население.

Постепенно исследуя фауну Байкала, Виталий Чеславович создает гипотезу о ее происхождении. Материал для нее начал собирать еще в 1915 году. А девять лет спустя опубликовал работу «Озера Прибайкалья, их природа и экономическое значение». Сейчас она библиографическая редкость. В ней он писал: «Занимаясь в течение многих лет изучением фауны оз. Байкала, я в конце концов пришел к выводу, что для решения многих вопросов, связанных с ее происхождением и распределением организмов по этому огромному бассейну, весьма ценные указания возможно почерпнуть из изучения озер, так или иначе связанных с Байкалом». С этой целью в разное время он изучал Фролиху, Котокель, Нур, сор Рангатуй, Гремячее, Духовое. Много раньше исследовал высокогорные хамардабанские.

После изучения этих озер в его руках скопился огромный материал. В те годы старые ученые считали, что фауна Байкала очень древняя. Другие, более молодые, были убеждены: она сравнительно недавнего происхождения.

Виталий Чеславович принялся за решение этой проблемы по-своему. Сделал подробный анализ признаков, которые характеризуют древние фауны, сравнил с теми, что наблюдались у байкальской, и пришел к собственному выводу: «Я полагаю, напротив, мы застаем фауну Байкала в стадии усиленного видообразования: в отдельных группах существует ряд постепенных переходов от одного вида к другому и вовсе нет тех пробелов, которые наблюдаются в фаунах древнего происхождения, вполне устоявшихся». Итак, фауна Байкала совсем юная, все еще рождающаяся.

Как тут не вспомнить слов Б. И. Дыбовского в одном

из его писем профессору Б. А. Сварчевскому. «Занимаясь фауной Байкала, каждый исследователь придет к убеждению, что виды богаты разновидностями, и эти кажутся бесконечными, убедившись фактами в этой особенности фауны Байкала, я не нашел противуречащих доказательств». В том же самом убедился и В. Ч. Дорогостайский на основе собственных многолетних наблюдений.

А в итоге создал свою гипотезу происхождения животного мира Байкала. Вот какую картину прошлого «Священного моря» нарисовал он. В третичном периоде — это многие миллионы лет назад — средняя Сибирь была гористой страной с влажным субтропическим климатом. Всюду в ней встречались озера, большие и малые. В них ютилась разнообразная фауна, содержащая не только представителей тех родов и семейств, которые встречаются сейчас, но многие другие, затем вымершие. На месте Байкала было не одно озеро, а несколько. Котловина Байкала со временем углублялась, озера — его предшественники — постепенно сливались, и образовалось одно громадное.

В ледниковое время Байкал стал надолго покрываться льдом, а более мелкие озера начали промерзать до дна. Богатая субтропическая фауна в последних исчезла. Сохранилась она только в Байкале да наиболее крупных озерах, но была бедна количественно и своими видами. Выживали только наиболее холодостойкие организмы.

Когда после ледникового периода наступило потепление, сохранившиеся виды начали расселяться и заняли почти все байкальские глубины, а также заливы, бухты. Приспосабливаясь к разнообразным условиям, они сильно изменялись. Это привело к усиленному видообразованию. «...не закончившемуся и в настоящую геологическую эпоху. В это время полноводная р. Ангара дала возможность проникнуть в Байкал многим водным обитателям далекого севера, как, например тюленю, омулю и др... таким образом, если исключить из состава фауны Байка-

ла несомненных переселенцев из других мест, главным образом из С. Лед. (Северного Ледовитого.— А. Г.) океана, то мы можем признать, что большая часть видов образовалась в самом Байкале из обедневшей субтропической фауны третичного периода. Этим, конечно, не исключается значительная древность «корней», из которых возникло богатое нынешнее население Байкала».

Эта гипотеза Виталия Чеславовича подкупила своей простотой, стройностью и логичностью. С ней перекликался и взгляд Льва Семеновича Берга о пресноводных корнях байкальской фауны. Он тоже был убежден, что начало ей дала оскудевшая третичная, но никаких морских животных, переселившихся когда-то в Байкал, не признавал.

...До конца жизни запомнился Виталию Чеславовичу год 1934-й — в нем был отмечен тридцатилетний юбилей его научной деятельности. На торжественном заседании ректор университета зачитал приказ, в котором, в частности, говорилось: «В. Ч. Дорогостайский премируется тремя тысячами рублей для приобретения собственной легковой машины, чтобы имел возможность совершать экскурсии по обширной территории Восточной Сибири, изучая животный мир ее».

В приказе говорилось также, что университет будет ходатайствовать перед Наркомпросом о присуждении В. Ч. Дорогостайскому ученой степени доктора зоологических наук.

Юбиляр получил поздравления от городских и краевых организаций, от научных учреждений Москвы и Ленинграда. От Наркомпроса пришла срочная телеграмма: «Государственный университет профессору Дорогостайскому Наркомпрос приветствует Вас день тридцатилетия научной деятельности, особо отмечая вашу роль и крупные заслуги в работах биологии, имеющих не только выдающийся теоретический интерес, но и практическое значение для социалистического строительства».

Виталий Чеславович в порыве благодарности за признание его трудов, забывая о своем уже основательно подорванном здоровье, продолжал исследования. Но через год здоровье сдало так, что врачи пожизненно дали ему третью группу инвалидности и рекомендовали заниматься научной работой нерегулярно. Инвалидность не сломила его. Через три дня после врачебной комиссии он уже просил ректора университета предоставить двухмесячную командировку в Ленинград для обработки материалов по грызунам — вредителям сельского хозяйства. Так без передышки и работал, отдавая немало сил, времени запросам чисто практическим. Но главной его страстью по-прежнему оставались исследования на Байкале. Этому озеру посвящена и последняя научная его работа о рачках бокоплавах Баргузинского залива, опубликованная в 1935 году.

В ней он сделал заключение: экспедиционные методы изучения далеко не совершенны. Настало время начать детальное исследование различных участков озера. При этом сопоставить состав фауны, ее распределение с различными факторами среды: глубиной, температурой воды, характером грунтов и прочим. Необходимо повсеместно учесть плотность населения и продуктивность дна озера, а также открытых вод, что важно для рыбного хозяйства. Упомянул: попытка таких исследований сделана сотрудниками гидробиологической станции в Больших Котах. Но он ведь первым проложил стезжку в этом направлении еще в экспедиционных условиях 1916 года. Несомненно, и на станции, созданной и руководимой им до сентября 1925 года, изучение фауны во взаимодействии со средой, горизонтальное и вертикальное распределение ее в этом участке были начаты с его «благословения».

Работоспособность, одержимость были у него удивительные. Надо было обладать изумительной энергией, не затухающей с годами, чтобы сделать столько, сколько он

успел в труднейших материальных условиях смолоду и до конца жизни. Одних теоретических работ он написал не меньше сорока. Краткую характеристику их дал профессор С. И. Тимофеев в «Отзыве», хранящемся в личном деле Виталия Чеславовича. Были среди них две большие — сводные — объемом средней величины книги каждая. Одна — «Птицы Прибайкалья», другая — «Промысловая фауна Восточно-Сибирского края». Но рукописи их вместе с некоторыми другими пропали, как сообщила мне дочь В. Ч. Дорогостайского Евгения Витальевна. Она прислала и фотографии своего отца, список части напечатанных работ и копию самой первой — по водорослям Байкала. За все это я была сердечно благодарна ей.

Давно мне приходило на ум, что Виталий Чеславович был не только одержимо страстным исследователем, но и охотником. Однажды в письме Евгении Витальевны прочла: «Его мысли и речи, насколько я помню, всегда были полны планами какой-либо экспедиции или охотничьей поездки. Обсуждал эти поездки он со своими друзьями, иркутскими охотниками, с Ермильчем, другом-крестьянином... и, конечно же, с Г. Ю. Верещагиным, который всегда у нас останавливался в Иркутске и приезд которого всегда нами ощущался, как праздник. Трудно определить, чем была для отца охота — отдыхом, научным трудом или средством для прокорма семьи (...четыре иждивенца имелось у него во время жизни в Иркутске... да еще сын, учившийся в Ленинграде, которому приходилось помогать)....»

Стрелком Виталий Чеславович был на редкость метким и неутомимым. Потому и смог вывезти богатейшую добычу из экспедиций в верховья Енисея и в Северо-Западную Монголию. А в районе Яблонового хребта больше всего занимался охотой на горных баранов. Объекты охоты были для него предметами исследования всю жизнь. Им он посвятил девять научных работ, кроме упомянутой выше пропавшей рукописи книги. В ней, по свидетельст-

ву профессора С. И. Тимофеева, был подведен итог многолетних исследований промысловой фауны.

По словам самого Виталия Чеславовича, он в 1923 году был избран в исполком Всероссийского союза охотников и принял участие в налаживании охотничьего дела в Сибири. А также в начинании еще не бывалом: в акклиматизации ондатры, условия жизни которой тщательно изучил. На северной оконечности Байкала в 1943 году мне пришлось наблюдать, какого размаха достиг очень доходный промысел этого заморского зверька.

На многочисленных конференциях и съездах советы и ценнейшие указания профессора В. Ч. Дорогостайского «...полагались в основу различных хозяйственных предприятий». Так что охота для Виталия Чеславовича была занятием далеко не личным. Тут он слил воедино собственное увлечение с размахом общественных дел.

Оказывается, не только пушными зверями, но и рыбами, их промыслом на Байкале увлекался Виталий Чеславович. Два десятилетия спустя после своей первой, студенческой, работы он опубликовал такую — «К систематике хариуса байкальского бассейна». В ней писал: «Решив переисследовать вопрос о систематике сибирских хариусов, я уже давно стал собирать материал по этим рыбам. В данное время в моем распоряжении имеется значительное количество экземпляров хариусов из разных мест Сибири, а именно: из Байкала, р. Ангары, р. Иркуты, верхнего течения Енисея, оз. Косогола, Забайкалья, Амурской области (р. Зея), р. Колымы и др. мест. Кроме того, я пересмотрел материалы по хариусам, хранящиеся в Зоологическом музее Академии наук, зоологическом музее Московского университета, в Иркутском научном музее и др.»

Собирать эти материалы начал еще в молодости. А когда изучил их, то пришел к выводу: не единственный вид хариуса обитает в бассейне Байкала, а три разновидности его. Назвал их косоогольским хариусом, байкальс-

ким и ангарским. Сделал заключение, что косокольский, несомненно, произошел от байкальского, притом уже в послеледниковое время. И что сибирские хариусы по ряду признаков примитивнее европейских, а потому род их мог возникнуть где-то на материке Азии.

Уж коли в молодости В. Ч. Дорогостайский ставил вопрос об изучении рыбных богатств Восточной Сибири, то первым и начал их. В списке его работ указывается такая: «Омуль и омулевые промыслы на Байкале». Автор ее был одним из первых, проложивших тропу в изучении рыбных промыслов Байкала. Годы спустя по ней торили свои пути молодые ихтиологи, его ученики, в их числе был К. И. Мишарин, лучший знаток биологии омуля. И не удивительно, что Виталий Чеславович был приглашен Восточно-Сибирским управлением по опытному делу Народного комиссариата земледелия «Для работ по рыболовству».

...Читая письма Евгении Витальевны, я представляла ее отца в домашней обстановке. Вот в их семье получен очередной номер одного из любимых журналов: «Всемирного следопыта», или «Вокруг света». Его так ждали, особенно подростки Женя и Таня. Вернулся с работы в университете отец. Тоже принялся читать с детьми свежий номер журнала. Сразу стало весело. Отец то и дело вставлял смешные замечания, выскивая забавные параллели в прочитанном с тем, что бывало в жизни их семьи.

Вот другое. Собрались его друзья: товарищи по работе и охотники. Они частенько наведывались к нему на квартиру. За столом не было конца оживленным разговорам. Хозяин — большой любитель шутки, живой и непосредственный, увлеченно «вел» охотничьи рассказы, которые перемежались взрывами смеха слушателей. Он всегда верховодил в дружеской компании.

Но иногда в редкие минуты отдыха любил почитать наедине. Чаще — произведения Джека Лондона. Герои

их ему были по душе своим жизнелюбием, отвагой, мужеством.

А чуть выкроит хотя бы немного времени — на охоту. Лишь в природе он чувствовал себя в родной стихии. Следопыт от «макушки до пяток» только в ней мог утолить свою любознательность. А заодно насладиться и созерцанием ее красот. Воспринимал ее глазами прирожденного художника. В молодости обучался рисованию в московском Строгановском училище. Его рисунки байкальских бокоплавов — ста двадцати видов в акварельных красках были исполнены рукой настоящего живописца. Он изготовил роскошный альбом их, который так и остался неизданным.

Был Виталий Чеславович на редкость общительным, жизнерадостным, неунывающим наперекор всем лишениям и невзгодам. Он никогда не знал покоя — воплощенное «вечное движение».

БОРИС СВАРЧЕВСКИЙ

Сварчевский... Эта фамилия запомнилась мне с 1944 года. С того времени, когда знакомилась с материалами о Б. И. Дыбовском. В одном из них говорилось, что Бенедикт Иванович в глубокой старости переписывался с профессором Иркутского университета Б. А. Сварчевским.

Четверть века спустя, штудирюя труды М. М. Кожова, я обнаружила среди них некролог Бориса Александровича Сварчевского. Прошло еще около двух лет. Неожиданно узнала: в Иркутском краеведческом музее работает внучка Сварчевского Нина. Встретила ее в отделе природы. Выглядела она совсем юной и очень серьезной. Разговорились с ней без околичностей. Нина сообщила, что у ее отца хранились письма Б. И. Дыбовского, посланные Борису Александровичу в Иркутск. Но они кому-то были отданы много лет назад. Разговор этот состоялся в канун 1971 года. Мы условились встретиться в начале нового.

Письма эти у меня просто не шли из головы. Кому их передал сын профессора Б. А. Сварчевского? Сохранились ли они? Удастся ли мне увидеть их своими глазами? Шутка сказать — самого Дыбовского! Ждать надо еще несколько дней. Забылась я за чтением рукописи, врученной Ниной, «О жизни и деятельности Бориса Александровича Сварчевского». Это был ее доклад, прочитанный на заседании краеведческого музея. В нем автор не без горечи писала, что о Б. А. Сварчевском «очень редко и скупно упоминается в литературе...» Нина сослалась всего

на две работы: рукопись Н. М. Воскресенского «Зоологи верхней зоологической лаборатории Киевского университета» и некролог «Б. А. Сварчевский». Тот самый, который я переписала от первой строки до последней еще два года назад и бережно хранила. Это единственная работа о Б. А. Сварчевском, напечатанная за тридцать пять лет. Сравнительно недавно появилась о нем еще статья Б. М. Мазурмовича, вошедшая в книгу «Из истории биологических наук».

После встречи с Ниной оставила я все дела и отправилась в фундаментальную библиотеку посмотреть: что же в ней есть из работ самого Б. А. Сварчевского? Оказалось, немало, но далеко не все, что указано в некрологе, в их числе и две солидные монографии. Но прежде я еще раз перечитала некролог и доклад. По ним невозможно представить себе живого человека, его думы, искания. На их страницах лишь основные этапы жизненного пути, пройденного профессором Б. А. Сварчевским.

Родился он в Виннице в 1872 году в семье земского служащего. Здесь же получил начальное образование. Потом уехал в Киев и там окончил классическую гимназию. В 1892 году поступил в Киевский университет на естественное отделение. Через шесть лет закончил его с золотой медалью и дипломом первой степени. Сразу был оставлен при университете внештатным лаборантом. А через три года он уже участник одиннадцатого съезда естествоиспытателей в Петербурге. Этой чести удостоен вместе со своим бывшим учителем, известным профессором В. К. Совинским. Случайно ли? Нет, конечно! До того молодой Б. А. Сварчевский побывал в научной командировке на Восточном Кавказе (в 1899 году), а два года спустя — на Черном море. Так сложилось, что Борис Александрович начал первые свои исследования в области, в то время еле-еле затронутой изучением. Губки — вот предмет первой страсти начинающего исследователя.

Притом губки байкальские, как удалось мне выяснить со временем.

На Черное море он экскурсировал, как сам писал об этом в 1901 году, занимаясь сборами только губок. На всю жизнь был покорен этими фантастически древними, на других водных обитателей совершенно непохожими, вечно сидящими животными. Ну а главное — захватил азарт раскрытия тайн неизвестного. С чем сравнить его? Это вполне поймет лишь тот, кто сам испытал подобное. Совершенно бескорыстное, властно захватившее увлечение, а в награду — наслаждение познанием неизвестного.

Но все волнения, пережитые во время поисков, исследователь как будто забывает, когда пишет труд свой. Так уж заведено в мире ученых. Лишенные живых красок, эмоций, такие произведения «голового ума» на человека неискушенного производят впечатление «мумии» и тем отпугивают. Да и сам язык их малодоступен простому смертному, он усеян специальными терминами и латинскими названиями. Не миновал этой «горькой» участи и Борис Сварчевский, когда писал свою первую фундаментальную работу «Материалы фауны губок Черного моря (Монаксонида)».

К слову сказать, единственный экземпляр «Записок Киевского общества естествоиспытателей» с напечатанной в нем работой Сварчевского, хранившийся в Иркутской фундаментальной библиотеке, пролежал шестьдесят шесть лет неразрезанным. Странное чувство владело мной, когда разрезала листы. Будто входила в заколоченный давным-давно и великолепно выстроенный дом, в котором еще никто никогда не жил. Строитель не мог равнодушно возводить его: свидетельство тому — частые пометки «н. сп.» возле названия видов. Сведущим они говорят о том, что организм был неизвестен и впервые обнаружен человеком, пометившим его условными знаками как вновь открытый. Кого из начинающих исследователей не охватит радость, пока рука выводит эти желан-

ные знаки? И конечно же, сколько волнующих воспоминаний всплывало в памяти, сколько ярких картин вставало перед глазами молодого Сварчевского, когда рука выписывала части «мумии».

Вернувшись в Киев с собственной коллекцией губок, он получил со временем в придачу к ней сборы прежних лет. Те хранились в зоологических музеях Севастопольской биологической станции, Петербургской Академии наук и зоологического музея Харьковского университета. Из последних двух — сборы Владимира Чернявского.

Прежде чем приступить к изучению скопившегося в его руках материала, молодой исследователь проштудировал все, что было написано о губках этого водоема.

Впрочем, написано было слишком мало. В научных работах, посвященных обитателям Черного моря, до шестидесятых годов прошлого столетия о губках даже не упоминалось. А позже появилась в печати работа о них только В. Чернявского.

Его предшественник В. Чернявский свою работу считал «лишь случайными отрывками и первым неполным опытом описания черноморских губок». Они были преданы забвению до девяностых годов, пока ими не заинтересовался начинающий Сварчевский. Ему повезло: смог изучать не только прибрежных, но и глубоководных губок. В коллекции В. Чернявского были только прибрежные. С ними Сварчевский не просто познакомился, а тщательно изучил их; навел такую «ревизию», что многое поставил с «головой на ноги». Например, все виды трех родов оказались видоизменениями одной-единственной формы. Еще семь видов были определены совершенно верно, пришлось их относить совсем к другим.

В итоге самой добросовестной обработки материала он создает фундаментальный труд, исчерпывающую сводку, по словам М. М. Кожова. Она была напечатана в 1905 году. Работа с семью большими таблицами, в которых множество прекрасных рисунков, сделанных рукою

автора. В ней описаны 32 вида, из них 8 — открытых Сварчевским.

Но первые его печатные работы были посвящены губкам Байкала и увидели свет еще в 1901 году. Одна — «Очерк спонгиофауны Байкала» — была выпущена отдельным оттиском из «Юбилейного сборника», другая — «Материалы по фауне губок Байкальского озера» — из «Записок Киевского общества естествоиспытателей». Несомненно, они-то и обратили внимание ученого мира на молодого автора их — ассистента Киевского университета, поэтому он был приглашен на съезд естествоиспытателей и врачей в Петербурге.

Собирал ли материал для этих работ автор? И когда он побывал впервые на Байкале? Сам он писал: «Мои личные исследования (о губках Байкальского озера...), сводящиеся к изучению материалов, собранных в 1900 и 1901 годах А. А. Коротневым и Ю. Н. Семенкевичем, а также Горявым, дают мне возможность пополнить список губок Байкала новыми формами...» Поневоле создавалось впечатление: Борис Александрович только обрабатывал сборы, сделанные другими исследователями. А между тем М. М. Кожов в некрологе писал: «В 1901 г. Борис Александрович принял ближайшее участие в известной экспедиции проф. А. А. Коротнева, снаряженной для исследования Байкала. Это путешествие произвело на Б. А. сильнейшее впечатление. Величавая красота и своеобразие Байкала, его замечательная фауна, неизведанность и таинственность его глубин навсегда приковали к себе внимание молодого исследователя, и, по собственному его признанию, в нем с этого времени боролись всегда две тенденции: одна тянула его на запад, где представлялось широкое поле для научной работы в зарубежных научно-исследовательских учреждениях, другая влекла на восток, к Байкалу». И еще: «Работая в экспедиции Коротнева и будучи прекрасным и неутомимым фотографом, Борис Александрович наряду с текущими

делами и заботами произвел массу снимков байкальских видов, которые могли бы послужить богатейшим материалом для того альбома видов байкальской природы, который с нетерпением ждут не дождутся не только все байкаловеды, но и вся читающая Сибирь».

Мне непременно хотелось узнать, когда же Б. А. Сварчевский впервые побывал на Байкале? По личному знакомству с Байкалом или заочному Борис Александрович еще в молодости был покорен им на всю жизнь? Рассказала я об этом Нине Сварчевской. Она без лишних слов достала старинный альбом. На красноватой корке его выделялась монограмма «1901 г. Б. С.». В альбоме были те самые фотографии Байкала, о которых в некрологе писал М. М. Кожов. На одной из них снят Борис Александрович, на другой — он вместе с А. А. Коротневым в экспедиционной обстановке. После просмотра альбома оставалось предположить, что молодой Сварчевский, вернувшись с Байкала, в том же 1901 году вел исследования и на Черном море.

Обработывая сборы байкальских губок, Борис Сварчевский основательно познакомился с работами предшественников. Их оказалось совсем немного. Первая — П. С. Палласа, в которой он описал найденного им единственного представителя вида и назвал его губкой байкальской. Потом в литературе за целое столетие Борис Сварчевский отыскал два указания на присутствие в Байкале губки. Георги в 1773 году, а Миддендорф в 1876 находили ту же байкальскую, открытую Палласом.

Итак, за столетие — один открытый вид. О нем у Миклухо-Маклая Борис Александрович нашел очень любопытное. Ученый усмотрел в этом виде всего лишь разновидность — байкальскую — описанной им губки. Последняя широко распространена в северных частях Тихого и Ледовитого океанов. Вот что особенно заинтересовало Сварчевского: Миклухо-Маклай полагал, что байкальская

губка, хотя и пресноводная, находится в близком родстве с морской, открытой им, которую назвал Велюспа полиморфа.

Разновидность морской губки в Байкале?.. Было над чем задуматься и «поломать голову» начинающему исследователю. Но особенно сильное впечатление произвела на него работа В. Дыбовского, изданная в 1879 году. Написана она была по материалам, собранным его братом Бенедиктом вместе с Виктором Годлевским. До ее появления, за девять лет, начиная с 1871 года, в литературе не было ни строчки о байкальских губках. Научный труд Дыбовского показался молодому Сварчевскому прочным фундаментом в дело изучения губок Байкала. Дыбовский выделил их в самостоятельный род. Он установил в нем несколько новых видов, а также разновидностей и дал ему название Любомирския».

Почтительно признав в работе В. Дыбовского «прочный фундамент», начинающий следопыт Байкала перестраивает его по-своему. «На основании детального изучения строения скелетов рода Любомирския (Дыб.) я прихожу к необходимости разделить этот род на два, ничего общего между собой не имеющих». Кроме того, Сварчевский устанавливает: в Байкале водятся еще губки родов Спонгиля и Ефидатия, распространенные по всему земному шару.

В этой работе на семи страницах формата конторской книги дается описание истории исследования байкальских губок, результат собственного изучения их, критический разбор работ предыдущих авторов. Попутно Сварчевский отмечает интересное, обнаруженное им. Затем дает две таблицы для определения шести родов и семнадцати видов. До него подобная работа была опубликована В. П. Зыковым, но она «обнимает собою лишь шесть форм, указываемых разными авторами для Европейской России».

В заключение, переходя к теоретическому «взлету»,

Сварчевский решился «поднять руку» на самого Дыбовского — уже всемирно известного байкаловеда. И вот по какому поводу: «Выделяя байкальские губки из морского рода Велюспа, Дыбовский в то же время, основываясь на отсутствии у этих форм почек (геммул), продолжает считать их формами морскими и даже в 1884 году... указывает на нахождение Любомирския байкалензис в Беринговом море, у берегов Берингова и Меднаго островов. Основываясь на вышеприведенном факте нахождения байкальской формы в Беринговом море, Дыбовский настолько убежден в морской природе Любомирския байкалензис, что склонен считать Байкал реликтовым озером и ставит его, таким образом, в связь с С. Ледовитым океаном». Сварчевский сделал иной вывод: «Утверждать несостоятельность последнего положения в настоящее время нет решительно никакого основания, но в то же время нет никаких данных, говорящих за его неоспоримость».

Далее проявлялась отличительная черта Сварчевского как мыслителя. Он не поддавался гипнозу мнений авторитетов в науке, даже самых почитаемых им. И это буквально с первых шагов его. Все воспринимал критически, взвешивая «за» и «против», причем обычно высказывая собственный взгляд. Вот эта беспристрастность суждения и самозабвенная увлеченность исследованиями как-то уживалась в нем.

Впервые в печати он уже показал мощь своего «голоса». В «пику» Дыбовскому смело высказал собственное мнение.

Отсутствие зимних почек геммул у байкальских губок он объяснил их ненужностью в своеобразных условиях жизни на значительных глубинах, где никогда не замерзает вода.

А что Дыбовский нашел эту губку, выброшенную на берег Берингова моря, так это легко можно объяснить: она могла переселиться вниз по течению реки. Потому

данная находка ни в коем случае не может служить доказательством того, что Байкал — озеро остаточное (реликтовое), некогда связанное с Северным Ледовитым океаном, как считал Дыбовский.

Вот так категорично и с некоторой запальчивостью высказал то, что думал. «Не может...», потому что остаются еще сомнения, неясности. Здесь обнаружилась другая его черта — беспощадная требовательность ко всему, что касалось научной истины. В работе «Материалы по фауне губок Байкальского озера», написанной позже, он приходит уже к иному выводу. Что тому причиной? Более основательное знакомство с трудами Дыбовского? Или влияние профессора А. А. Коротнева, его «духовного отца», заронившего в нем искру любви к исследованиям живой природы, разгоревшуюся теперь в пламень?

Это оставалось загадкой до тех пор, пока не удалось просмотреть предварительный отчет профессора Коротнева об экспедиции на Байкал и список литературы, использованной Сварчевским во второй его работе по байкальским губкам. В ней автор задался целью не только описать новые формы их, но и выяснить систематическое положение рода Любомирския, основным видом которого была Любомирския байкалензис (Дыб.). Но она, «по указаниям В. Дыбовского, является как пресноводной (Байкал), так... и вполне морского (Берингово море) формой». Далее приводит цитату из доклада Дыбовского на заседании общества натуралистов в 1884 году. «Итак, — писал Дыбовский, — Любомирския байкалензис есть единственная до сих пор найденная губка, которая так же хорошо может процветать в пресной воде (Байкальское озеро), как в соленой воде (Берингово море), при этом без ничтожных уклонений в своем общем габитусе».

Приведя это высказывание, Сварчевский делает вывод: «Вообще вся фауна Байкальского озера представляет громадный интерес вследствие своеобразного характера, отличающего ее от обширной фауны пресных вод.

Открытие в Байкале целого ряда форм, начиная от нерпы... и кончая низшими беспозвоночными, с более или менее явно выраженным морским типом, дало исследователям возможность сделать заключение о реликтовом характере фауны Байкала. Любомирский байкалензис (Дыб.) занимает далеко не последнее место среди форм реликтового характера Байкальского озера, и нахождение ее В. Дыбовским в Беринговом море заставляет предполагать некогда существовавшую связь между Байкалом и северным (может быть, Беринговым) морем».

Но «предполагать» — этого Сварчевскому мало. И потому об эндемичных байкальских губках, действительно ли они являются морскими, он далее пишет: «...должно ли рассматривать Берингово или вообще море, как первоначальное и притом настоящее местопребывание этих форм. Вопросы эти остаются открытыми впредь до детального изучения фауны как морей, окружающих Сибирь, так и сибирских рек и озер, знакомство с которыми в настоящее время является слишком поверхностным, чтобы на основании его можно делать какие либо заключения в указанном направлении». Честно и прямо — итог глубоких раздумий. Надо исследовать настойчиво, кропотливо, а затем уже делать теоретические обобщения. Это становится для него правилом на всю жизнь.

Изучив тщательно весь материал по байкальским губкам, он описывает семь совершенно новых форм. Делит род, установленный Дыбовским, на два: Велюспа и Любомирский. Все формы, известные к тому времени, «сортирует» по родам. В итоге — «...фауна губок Байкальского озера выражается четырьмя родами, включающими в себя десять видов и двенадцать разновидностей».

Его поражает множество форм губок в Байкале. В то время во всей Европе было известно только четыре рода и восемь видов этих животных. Удивляет и то, что байкальские губки, кроме Велюспа байкалензис, в других

местах на земле пока не найдены. А Велюспа... морская она или пресноводная? Как попала в Байкал? Сварчевский не допускает мысли, чтобы эта губка смогла проникнуть из северного моря речным путем, как предполагал профессор Л. С. Берг. У неподвижной губки не могло быть активного передвижения, да еще против течения, пассивного переселения — тоже, с помощью птиц, например, поскольку у Велюспа... нет покоящихся почек, а нежные яйца и зародыши не перенесли бы высыхания в длительном пути. «Между тем обратное явление, т. е. переселение яиц и зародышей этой губки из Байкала в море, могло бы произойти вполне естественно пассивным образом по течению рек, не требуя для своего объяснения ни особенной игры воображения, ни участия таких факторов, как птицы».

Работу эту он снабдил тремя таблицами с удивительно хорошо выполненными рисунками и подвел ею как бы черту всему содеянному в изучении губок Байкала. В перспективе «Байкальское озеро и в отношении губок, точно так же как и в отношении других групп животных, является золотым дном как по новизне, так и по оригинальности форм». Но почему Сварчевский из «противника» Дыбовского так вдруг стал «почти сторонником»?..

Просматривая «Предварительный отчет по исследованию озера Байкала летом 1900 года» Коротнева, я нашла в нем любопытные места. Они невольно наводили на мысль, почему так круто изменились взгляды Бориса Александровича. Упомянув, что экспедицией собраны богатые коллекции не только «нахальных гаммарусов», но и червей олигохет, пиявок, плоских червей планарий, Коротнев писал: «Не менее, если не более интересным фактом должно признать присутствие в Байкале форм чисто морских, нахождение которых в пресной воде никто и подозревать не мог». К ним он отнес многощетинкового червя полихету из рода Сабелля, распространенного в европейских морях, из плоских червей — планарию та-

ких необычных размеров, что местные рыбаки называли ее «бычачьим языком», кроме того, две немертинуы — тоже из плоских червей, имевших «вполне морской габитус», и мшанку «чисто морского происхождения». И гаммариды и сабеллиды — типичные обитатели северных морей. Коротнев приходит к выводу, что тщательное изучение собранного материала еще с большим правом позволит нам утверждать, что Байкал по отношению к своей фауне является «прекрасным морем». Он уже не сомневается в реликтовом характере Байкала, разделяя точку зрения Дыбовского на происхождение его фауны. «...Я более склоняюсь к обобщению, сделанному Дыбовским, который предполагал возможным утверждать, что Байкал в доисторические времена должен быть фиордом Ледовитого океана, от которого он и получил присущия ему морския формы».

Прочитав этот отчет, я невольно подумала: именно он должен был оказать влияние на Сварчевского. Да просто невозможно представить, чтобы профессор Коротнев и его ассистент не говорили между собой о «пресном море», увлеченные изучением его обитателей. Не случайно же Сварчевский писал: «Открытие в Байкале целого ряда форм... с более или менее явно выраженным морским типом дало исследователям возможность сделать заключение о реликтовом характере фауны Байкала». Кого он имел в виду кроме Дыбовского, как не Коротнева, называя их исследователями? К этому времени он уже, несомненно, познакомился и со всеми печатными работами Дыбовского, посвященными фауне Байкала. Свидетельство тому — перечень их в списке использованной литературы, приведенной во второй его работе по байкальским губкам. Так неприметно для себя Сварчевский стал «почти сторонником» Дыбовского.

Познакомившись с первыми печатными работами молодого Сварчевского, я невольно подумала, что он из той плеяды ученых, которых с недавних пор называют про

себя «зодчими». Для них всякое наблюдение или что-то вновь открытое — это всего лишь строительный материал. Из него они создают свои «архитектурные» монументы в науке. Это люди большого полета мысли, наделенные воображением. Последнее дает им возможность заранее видеть облик возводимого «замка», недостающие «блоки и кирпичи» и то место, где им надлежит быть. Потому их творения имеют более или менее заверченный вид. Таких ученых единицы. Но есть плеяда исследователей куда более многочисленная, которая в основном добывает и отделяет строительный материал, а творить что-либо из него не способна. Это «каменотесы» в науке. Поистине каторжное племя. Зачастую первые и вторые ходят в «одной упряжке», общими усилиями создают какой-либо монумент. И уж совсем редко встречаются богатырские натуры, которые засучив рукава берутся прежде за работу «каменотеса», а потом строят «замок». Именно к ним относился Борис Александрович Сварчевский, в чем я убедилась вполне, изучив его научные труды.

Прошло месяца полтора после встречи с Ниной Сварчевской. Наконец увиделась с ее отцом Николаем Борисовичем в том самом доме на бывшей Набережной, нижний этаж которого когда-то арендовал профессор Сварчевский. Разговариваю с сыном и почти бессознательно ищу в нем отцовские черты. Он умен, добросердечен и с первого взгляда располагает к себе. Выглядит куда моложе своих лет. Его выразительное лицо, звучный, бодрый голос, живая речь, не лишенная юмора, говорят об изрядном запасе энергии. Рассказывает он непринужденно. Слушать его интересно и приятно. В нем чувствуется особенная простота и какая-то доля непосредственности, что приобретается воспитанием в интеллигентных семьях.

Мне хочется узнать как можно больше о Борисе Александровиче, но уже поздно. Уславливаемся опять встретиться в воскресенье. С утра я снова в квартире Сварчевских. Николай Борисович продолжает рассказывать

о своем отце, а Клавдия Ивановна — его жена — откуда-то из чулана приносит один за другим картонные ящички, похожие на баульчики, и громоздит с десятков в одну стопу, вторую, третью. Вытирая с них пыль, говорит:

— С тридцатого года, с самой смерти Бориса Александровича не трогали. В этих ящичках самое заветное его — собственные печатные труды и работы тех ученых, что были ему дороги.

Мне уже давно не терпелось познакомиться с последней работой Бориса Александровича по инфузориям Байкала. Но ее не оказалось нигде в Иркутске. Теперь вся надежда на эти ящички. С Николаем Борисовичем принимаемся за поиски ее. Роемся час, второй, третий... нет и нет! Но попадается кое-что и очень интересное.

В каждом ящичке по несколько работ, нередко оттисков с дарственной надписью Борису Александровичу от авторов — свидетельство почтительного и дружеского отношения к Сварчевскому. Стопка книг с дарственными надписями все растет. Начинает «рябить в глазах» от нескончаемых «уважаемому»... «глубокоуважаемому»... «дорогому»... Борису Александровичу. Становится ясным: весь «высший свет» ученого мира России и Европы был дружески знаком с профессором Сварчевским. Меня охватывает необычное ощущение, будто откупорили сосуд с упрятым в него сказочным джинном. И на глазах он растет, поднимается...

А вот в Иркутске, которому он отдал нелегких десять лет жизни, поднимая на ноги физико-математический факультет молодого университета и первое поколение будущих ученых, его забыли настолько, что даже не упомянули имени в числе профессоров, когда праздновали двадцатипятилетний юбилей этого университета, тем вызвали слезы обиды у вдовы Сварчевского. Правда, столетие со дня рождения Бориса Александровича в Иркутском университете было отмечено: ему посвятили первое заседа-

ние начавшейся ежегодной научной сессии биофака в начале марта 1972 года.

Невольно бросилось в глаза, что среди трудов с дарственными надписями нередко встречаются адресованные профессору А. А. Коротневу. Очевидно, перед смертью он передал их — как самое дорогое — бывшему ученику своему Борису Сварчевскому. Или завещал их ему.

Многие труды были на различных иностранных языках и потому недоступны мне. Вслух пожалев о своем невежестве относительно языков, неожиданно узнаю: Борис Александрович владел совершенно свободно немецким, французским, польским, итальянским, на английском читал и писал, знал бурятский, изучал малайский и составил его рукописный словарь.

Наконец-то мы нашли отпечатки и той монографии, ради которой перебрали все эти сокровища Бориса Александровича, бережно уложенные в «баульчики», в которых вот уже четыре с лишним десятилетия пролежало не менее тысячи трудов известных и выдающихся ученых. На каждом печатный штамп: «Б. А. Сварчевский».

Прошло немного времени после встречи с Николаем Борисовичем, и в моих руках наконец письма Б. И. Дыбовского! Что-то в них? С первого взгляда разобрать почти ничего невозможно. Почерк «микроскопический». Но «расшифровать» его мне все-таки удалось. К Б. А. Сварчевскому было четыре письма. А некоторое время спустя прочла еще восемь писем, адресованных уже Г. Ю. Верещагину. К слову сказать, в печати на русском языке нет ни одного письма Дыбовского, есть только выдержки, в основном из адресованных политическому ссыльному Генриху Волю в Иркутск с Камчатки да Сибирскому отделу Географического общества.

После писем Бенедикта Ивановича я знакомлюсь еще с одним трудом Б. А. Сварчевского, посвященным губкам Белого моря. Несколько лет спустя после изучения байкальских и черноморских губок Борис Александрович от-

правился исследовать «золотое дно» — Белое море. Спонгиофауна его была почти не изучена. По ней имелась лишь единственная работа, но она, по словам Б. А. Сварчевского, являлась «скорее физиологическими и биологическими очерками некоторых беломорских форм, а не фаунистическими исследованиями».

Летом 1905 года Борис Сварчевский вместе с Ю. Н. Семенкевичем и А. Д. Дубкиным были посланы Киевским обществом естествоиспытателей на Белое море для сбора материалов по беспозвоночным. Сварчевского прежде всего интересовали губки. Он отправился в Соловки, где нашел приют у настоятеля Соловецкой монашеской обители. Две недели провел под крышей этого монастыря, пользуясь за ничтожнейшую плату столом, «правда, совершенно для него непривычным, шлюпкой, а также двумя рабочими». Побывал в Кандалакшской, Онежской губах.

Так складывалось, что в окружающих молодой исследователь находил полное сочувствие своим поискам. Несомненно, его личное обаяние, увлеченность делом тоже играли не последнюю роль. По характеру веселый, живой, общительный, он быстро сходил с людьми. Из этой экскурсии он вывез представителей сорока видов губок, в том числе четырнадцать новых, относящихся к семи родам. После обработки их написал еще один солидный труд — «Материалы для фауны губок Белого моря и отчасти Мурманского побережья». Снабдил его шестью таблицами с превосходными фотографиями и рисунками. Труд этот был опубликован в 1906 году в «Записках Киевского общества естествоиспытателей».

Автор капитальных работ по губкам Черного, Белого морей, озера Байкал, а позже и Баренцева моря Борис Александрович Сварчевский стал со временем основоположником русской отечественной науки спонгиологии и одним из ведущих спонгиологов мира. Казалось бы, путь ученого определен до конца жизни. Но он неожиданно

круто изменился. Будучи профессорским стипендиатом и ассистентом Киевского университета, Сварчевский осенью 1906 года подал заявление на факультет с просьбой предоставить ему заграничную командировку на шесть месяцев «для изучения постановки практических занятий в заграничных университетах и собственных научных занятий». В это время он усиленно работал над своей магистерской диссертацией. Не о губках ли она была?

В Мюнхене в зоологическом институте он встретился с выдающимся ученым Рихардом Гертвигом, известным специалистом по беспозвоночным, автором нескольких монографий и одного из известных учебников зоологии и эмбриологии конца XIX века. Вот к этому-то человеку попал «под крыло» молодой Сварчевский. И должно быть, велико было обаяние Гертвига как ученого-мыслителя, если он так скоро обратил в «свою веру» уже вполне сложившегося специалиста по губкам, сделав из него страстного поклонника простейших животных.

В 1899 году появилась работа Гертвига по хромидиям корненожки Арцелли — пресноводной амёбы. Этой работой он «прорубил окно» в неведомую область в мире невидимого простым глазом. Открыл для науки новый «Клондайк». Вслед за первооткрывателем в него устремились многие. Поначалу брали то, что лежало на поверхности. А коренные месторождения, скрытые в недрах, до поры оставались нетронутыми. Пока не появился некто, способный видеть «на три аршина под землей».

Сварчевский тоже ринулся в этот «Клондайк». В 1908 году опубликовал первую свою работу по одноклеточным, посвященную размножению корненожки Арцелли. Затем еще несколько и тоже по простейшим. Ими обратил на себя внимание как на серьезного исследователя простейших организмов. В течение двух лет он работал в институте у Гертвига. В Киевский университет вернулся поздней осенью 1908 года. Три года спустя ему, как приват-доценту, было разрешено чтение курса лек-

ций по зоологии. Работы еще прибавилось. В эту пору он напряженно трудился над завершением магистерской диссертации — «Хромидиальные образования у Протозоя в связи с вопросом о двойственности ядерного вещества». Человеку непосвященному это название ровным счетом ни о чем не говорит. А между тем труд этот венчал собой целый период в изучении простейших, начатый Гертвигом.

В этой диссертации Борис Сварчевский не только блестяще проанализировал работы предшественников в данной области, указав на их промахи и несостоятельность многих утверждений, но и восстал против теории известного ученого Ф. Шаудина и его последователей. В своем рвении последние так запутали дело, что молодому исследователю понадобилось затратить немало времени и усилий для исследования не одного организма, чтобы опрокинуть все искусственные построения предшественников.

Тому, кто никогда не видел в микроскоп, какие «чудеса» творятся в клетке в период размножения ее, трудно представить, насколько это зрелище может «заорожить» человека, заставив его на долгие часы прильнуть к окуляру. Этим исследованиям тайн ядра простейших Борис Александрович предавался с той страстной одержимостью, что отличает истинно талантливых и бескорыстно влюбленных в науку людей. Его ученик Н. М. Воскресенский вспоминал: «В любое время дня в кабинете лаборатории можно было видеть невысокую, плотную, несколько сутулую, согнувшуюся над микроскопом фигуру Б. А. Сварчевского». Прическа у него была в ту пору ежиком, коротко стриженные усы «щеточкой», пенсне на близоруких глазах.

Завершив труд свой, Борис Александрович вынес «приговор» теории двойственности ядерного вещества. Защита диссертации состоялась 7 октября 1912 года. Она прошла блестяще. Не случайно, что молодой кандидат наук Свар-

чевский менее чем через год был приглашен на тринадцатый съезд естествоиспытателей и врачей, проходивший в Тифлисе. Впечатления от съезда незабываемые!

А потом поездка в тропики на острова Малайского архипелага. На них провел четыре месяца — с мая по сентябрь — вместе со своими товарищами М. Е. Макушком и И. В. Бенаром. Запомнилась эта поездка на всю жизнь! Привезли они в Киевский университет необычные и богатейшие коллекции. Но, к несчастью, Борис Александрович подхватил в дальних странах тропическую лихорадку. Она мучила его до конца дней. Несмотря на эту коварную болезнь, он в следующем 1914 году отправился в Ферганскую область. Роскошна, живописна ее природа с величественными хребтами южных отрогов Тянь-Шаня. Киевский университет опять получил из его рук великолепные коллекции по самым различным группам животных.

Вскоре разразилась первая империалистическая война. Киевский университет вынужден был эвакуироваться в Саратов. Вместе с ним в этот город переехал и Сварчевский. Неустроенность на новом месте, материальные трудности — ничто не помешало ему завершить вторую диссертационную работу — «К познанию Гаплоспоридия». Она тоже была посвящена простейшим, особой группе их — споровикам. Среди них немало вреднейших для человека и животных, жизненный цикл их необычайно сложен, а родственные связи в то время были совсем мало изучены. Работа явилась докторской диссертацией, которую Б. А. Сварчевский защитил в Московском университете в 1916 году.

В этот год его пригласили работать во Францию на Вилла-Франка. Там находилась русская зоологическая станция Киевского университета. Перед Сварчевским открывались богатейшие возможности для исследовательской работы. Он с радостью принял это предложение. Вернувшись в Киев, Борис Александрович уладил свои дела и устремился к заманчивому будущему. Но судьба предопределила иначе. По словам Б. Н. Мазуровича, Борис Александрович из-за

военных действий не мог попасть к месту своего назначения прямым путем и решил добираться кружным, через Сибирь, Тихий океан, Северную Америку. Но, выехав из Киева, он «застрял» в Сибири и с 1917 года по 1919-й работал профессором в Омском сельскохозяйственном институте.

Знакомясь еще с одной работой Б. А. Сварчевского — «Наблюдения над Ойкомонас тетраспора н. сп.» (из зоологической лаборатории Иркутского государственного университета, 1923), я невольно обратила внимание на начало введения: «Осенью 1918 года мною был найден в сенном настое жгутиковый организм...» Осенью 1918 года — это же в Омске! Значит, и в разгар гражданской войны, разрухи Борис Александрович не оставлял исследований. Интереснейшая находка была одноклеточным существом яйцевидной формы с длинным жгутом и зеленого цвета, хотя лишённым хлорофилла. Как и любое растение, оно содержало много крахмала. Последний в темноте через две-три недели исчезал, но окраска оставалась. Как объяснить такую загадку? Борис Александрович сделал смелый вывод: здесь наличие процесса фотосинтеза «вне всякого сомнения... Но в вопросе о том, с помощью какого аппарата этот процесс осуществляется, мы в данном случае стоим перед такой же загадкой, как и в случае...» — назвал по-латыни два одноклеточных организма.

Размножение найденной формы оказалось любопытным, даже внешняя картина его. Сварчевскому удастся открыть совершенно исключительную особенность — единственное деление ядра, ведущее к уменьшению хроматина вдвое. Почти у всех простейших таких делений два. Оттолкнувшись от этого необычного явления, ученый делает широкий теоретический обзор по размножению простейших.

Единственным ли «светлым лучом» в этот период было для Бориса Александровича изучение Ойкомонаса? Видимо, нет.

Извлекая коробки с книгами из чулана, Клавдия Ива-

новна заодно разыскала там девять толстых общих тетрадей в черных обложках. От долгого лежания они так спрессовались между собой, что намертво пристали друг к другу. Тетради были исписаны бисерным, четким почерком Бориса Александровича.

Забрав эти тетради себе, я не вдруг разобралась в них. Из девяти только в трех нет названия труда. В остальных на первых страницах значится: «Очерки по сравнительной эмбриологии. Б. Сварчевский». Далее идет оглавление с указанием страниц. В конце каждого раздела — список использованной литературы. По всем классам беспозвоночных животных дано описание зародышевого развития различных представителей их, сделаны сравнения и собственные выводы автора. Кое-где встречаются неоконченные главы, не заполненные текстом листы, но через каждые два-три подклеен лист с рисунками. Судя по всем признакам, это неоконченный вариант рукописи. Когда же написан он? В двадцатые годы в Иркутске? Где невозможно было достать в ту пору больших листов бумаги и пришлось довольствоваться тетрадями?.. Со временем отыскиваю косвенное доказательство того, что тетради эти заполнялись текстом в Омске или даже в Саратове, а может быть, в том и другом, но только не в Иркутске.

В тетради № 1 читаю: «Губки размножаются как половым, так и бесполом путем. Размножение бесполом путем состоит в образовании: 1. почек, которые, отрываясь от материнского тела, могут вести самостоятельный образ жизни и, разрастаясь, образовать новую колонию... 2. геммул — так называемых зимних почек». Размножение геммулами, почками подробно описал в конце очерка. И ни единым словом не обмолвился о соритах. Тех, что были открыты им самим у байкальских губок уже в иркутский период жизни. Значит, не ведал еще о них, когда работал над «Очерками по сравнительной эмбриологии».

В неоконченном варианте рукописи насчитывается

свыше пятисот страниц. Да в каждой тетради, кроме того, подклеено самое малое листов тридцать с превосходными рисунками, нередко цветными, выполненными на кальке. Труд этот, вероятно, осуществление давней мечты. Столько раз Борис Александрович исследовал самые запутанные родословные связи некоторых организмов, раскрывал новое в их зародышевом развитии. В его натуре коренилось: после дотошного собственного изучения делать непременно обзрение всего содеянного в данной области, а затем выводы. Вот и в этой сводной работе он сделал широкий обзор достигнутого в эмбриологии. Несомненно, русская наука, не получив «Очерков...», потеряла многое.

Омск был памятен Борису Александровичу и тем, что в этом городе он женился. Встретил здесь образованную, умную, очень привлекательную девушку Клавдию Керенскую. Она стала верной спутницей и помощницей до конца его дней.

Иркутский период жизни Бориса Александровича начался в 1919 году очень нелегко и на «пустом месте». Но он жаждал этого места. Рядом — «Пресное море», и можно было заняться постоянным изучением его. Прежде для этого не было никакой возможности. В архивных документах говорится, что профессор Б. А. Сварчевский вместе с профессорами В. Ч. Дорогостайским и В. И. Смирновым был приглашен в Иркутский университет. Первый — в качестве заведующего кафедрой зоологии. Но университет предстояло еще создавать. А пока не было решительно ничего: на кабинетов, ни лабораторий, даже столов, стульев, шкафов. И не было средств для приобретения самого необходимого — пособий, оборудования, топлива.

На первых порах не до собственных исследований, хотя под боком находился Байкал — «золотое дно» для ученого. В те времена на улицах Иркутска нередко можно было встретить плотного коренастого человека, вечно

спешившего куда-то. Он обивал пороги разных учреждений и начальства. Выпрашивал, настаивал, требовал, но... часто «не солоно хлебавши» возвращался в нетопленный университет. Ему предстояло создать не только кафедру зоологии, но и физико-математический факультет, деканом которого был назначен по прибытии в город.

Набегавшись впустую до изнеможения, он, бывало, засучив рукава брался за черновую работу сам. Удалось ему раздобыть несколько «разномастных» шкафов для зоологического кабинета. Приделал им одинаковые карнизы, покрасил в один цвет, даже покрыл лаком — получилось неплохо. «Малярничать» помог друг — профессор Смирнов. С грехом пополам обзавелись необходимой мебелью. Куда труднее было с оборудованием для учебных занятий. Как вести практику со студентами по зоологии беспозвоночных, если нет таблиц для определения? Нет даже предметных стекол для микроскопов. Можно, конечно, выписать из-за границы, но это слишком дорого, а платить надо валютой. Где ее взять?

Борис Александрович смастерил деревянный станочек, собрал старые фотографические пластинки, отмыл их и на своем станке нарезал предметные стекла. Хуже было с покровными — пришлось выписывать. Ну а с таблицами?.. Прodelав очень трудоемкую работу, сам составил «Таблицу для определения простейших организмов». Маленькая тоненькая книжечка, которую можно прикрыть двумя ладонями. Но как она была ценна в те дни!.. Выпущена в Иркутске в 1921 году. Первая его работа, напечатанная в Сибири.

М. М. Кожов вспоминал, как Б. А. Сварчевский, будучи деканом, «самоотверженно работает по созданию лабораторий и кабинетов этого факультета. Несмотря на крайне скудные материальные возможности, в короткое время создает зоологический кабинет и музей, сам лично чинит и строит мебель, монтирует коллекции, учебные и музейные экспонаты, бегаёт по учреждениям в поисках

необходимых для кабинетов средств и оборудования, дров для отопления и т. д. Несмотря на расшатанное здоровье, дни и ночи работает он в своем кабинете; зачастую в жестокую стужу, почти в буквально обледенелых стенах, иногда в шубе и катанках ведет лабораторные занятия со студентами, читает лекции и т. д.»

В это трудное время Борис Александрович начал и свои исследования на Байкале. В 1923 году увидела свет его работа «Очерки по Гидрария» — попросту о гидрах. В ней автор поведал, как летом 1922 года в Байкале на одном из растений он обнаружил неизвестный вид гидры. «Стебли этого растения оказались сплошь покрытыми массой гидр,— писал он в очерке,— огромное количество которых находилось в состоянии усиленного почкования. Наличие ряда признаков, характерных для установления вида, отличающих описываемую форму от других видов Гидра, дают основание считать ее новым видом, которому я даю название Гидра байкалензис н. сп. В совершенно расправленном состоянии животное достигает 1—1½ сантиметра в длину. Длина щупалец несколько превосходит длину тела. Тело ясно стебельчатой формы».

Эта находка оказалась совсем особенной и помогла раскрыть ученому тайну происхождения пресноводных гидр. Изучив громадное количество последних, Б. А. Сварчевский установил их родство с морским родом Мириотеля, представители которого — обитатели широких прибрежий северных морей. По мнению Бориса Александровича, их подвижные личинки, попадая в устья рек, оседали и понемногу утратили способность давать колонии, а заодно и половое поколение.

Летом 1922 года Байкал подарил неутомимому исследователю еще две формы губок, «в Байкале до сих пор не найденные. Одна из них представляла собою разновидность Спонгилля фрагилис Лейди — губки с очень широким географическим распространением, другая же является формой совершенно новой». Последнюю Сварчев-

ский отнес к роду Картериас, до того абсолютно неизвестного в Байкале, да и в Сибири вообще.

Очень занимал Сварчевского вопрос: почему у байкальских эндемичных губок не обнаружено зимних покоящихся почек-геммул? Решение его неожиданное. Борис Александрович пишет: «Да и вряд ли они могут быть найдены. Местообитание этих форм на относительно довольно значительных глубинах гарантирует их от замерзания зимою, и температура воды их окружающей отличается сравнительно небольшими годовыми колебаниями. Образование же зимних почек, конечно, надо рассматривать как приспособление к резкому падению температуры в зимнее время, с чем в связи стоит промерзание бассейна, в котором живут губки и отмирание осенью этих последних». Вместо зимних почек у байкальских эндемичных губок Сварчевский открыл летние — наружные и внутренние. Последние называются соритами и «представляют собою шарообразные или эллипсоидальные тела...»

Закончив учебный год, Борис Александрович спешил на Байкал. Брал с собой двух-трех студентов. Нанимал простую лодку под парусом. На весла садились студенты, а хозяин лодки, бурят, управлял парусом. На все время экспедиции из дома брался запас хлеба, испеченного в виде маленьких, просушенных до основания колобков. В Иркутск возвращались по Ангаре на плотах.

Из первых поездок по Байкалу Борис Александрович возвращался не только с редкими находками, но и с богатейшими сборами обитателей озера, которые могли украсить создаваемый им байкальский музей. Результаты исследования губок он описал в «Спонгиологических очерках», напечатанных в 1923 году в «Трудах Иркутского общества естествоиспытателей» в первом томе.

Можно предположить, что профессор Сварчевский не стоял в стороне, когда создавалось это научное общество, а, вероятнее всего, был организатором его, если судить по

тому, как он вел себя в 1923 году. Об этом времени М. М. Кожов писал: «С преобразованием физико-математического факультета в педагогический появились реальные опасения, что часть научных работников-естественников может покинуть Иркутск. Чтобы этого не случилось, Борис Александрович при поддержке иркутской советской общественности деятельно и настойчиво хлопочет об организации в Иркутске Биолого-Географического научно-исследовательского института, первым и почти несменяемым директором которого он состоял вплоть до того момента, когда тяжелая болезнь приковала его окончательно к постели».

Тут не лишне заметить: много лет спустя некоторые из учеников М. М. Кожова стали приписывать ему заслугу организации этого института. Б. А. Сварчевский был уже основательно забыт. После Сварчевского институтом несколько десятилетий руководил профессор Кожов.

Поднимать общественность Иркутска на организацию исследовательского центра в городе Борису Александровичу было с руки. Он являлся видным общественным деятелем, одним из самых активных работников Рабпроса — членом окружного бюро секции научных работников и совета университета, председателем квалификационной комиссии. Все это совмещалось в течение многих лет. Но общественная работа тоже забирала уйму времени и сил. А здоровье сдавало. Мучила тропическая лихорадка. Не прошли бесследно все тяжести работы в первые годы в Иркутске. Утомившись от дневной работы, Борис Александрович вечерами часто отдыхал в кругу друзей. Почти ежедневно по пути домой к нему заглядывали коллеги: С. И. Тимофеев, братья Тихомировы, часто бывал молодой научный работник В. Н. Яснитский. А лучший друг, В. И. Смирнов, жил в том же доме на втором этаже. С ним часто проводил время в беседах или за шахматами. Летом обычно прогуливались по берегу Ангары. Жили, что называется, душа в душу. Хозяин квартиры не лишен был чувства юмора, даже иронии. Над людьми близкими он иногда добродушно подтрунивал.

Духовно ограниченным, нерадивым к труду от него пощады не было. Особенно тем, кто свое мизерное «я» пытался выдавать за нечто значительное. Само собой, такие в доме профессора Сварчевского не бывали.

Отдохнув с коллегами от дневных хлопот и работы, часов в одиннадцать, когда домашние укладывались спать, Борис Александрович снова принимался за дела. И просиживал за книгами и микроскопом до четырех часов утра. Потом спал до девяти. В середине дня, вернувшись к обеду из университета, еще часа два отдыхал в постели. Такой распорядок дня, заведенный, кажется, еще в Германии, поддерживался до конца жизни. Иногда, отдыхая, Борис Александрович с увлечением читал произведения Жюль Верна, Майн Рида, Джека Лондона. Любил перечитывать и русских классиков, особенно Тургенева и Некрасова. Полные собрания сочинений этих писателей хранил в личной библиотеке.

Письма многочисленных старых друзей, бывших учеников шли со всех концов света, а вместе с ними и труды их авторов в подарок. Они тоже приносили много душевной радости. Но со здоровьем день ото дня становилось хуже. Не было никакой надежды на улучшение. Проклятая малярия изматывала все чаще. Решено было переменить климат и уехать на Кавказ, хотя бы временно. Нелегко было оставлять Иркутский университет, где пустил корни и в дела, и в сердца людей.

На прощание студенты преподнесли ему адрес. На большом листе плотной белой бумаги от руки любовно сделана красочная виньетка. Она словно ожерелье из дисков, в которых изображены представители царства беспозвоночных животных. В адресе было написано: «Дорогой Борис Александрович! В день, когда Вы покидаете нашу суровую неприветливую страну, позвольте нам, вашим скромным ученикам, принести Вам свой искренний прощальный привет и самые светлые пожелания. Мы все ярко помним те тяжелые годы существования нашего фи-

зико-математического факультета, преобразованного затем в отделение, когда наши кабинеты и лаборатории представляли из себя пустые и холодные комнаты с голыми стенами. И если в настоящее время можно говорить об этом, как о прошлом, то этим мы были обязаны больше всего Вам, вашей энергии, исключительной заботливости и знаниям. Эта энергия и любовь к делу заражали и нас и всегда служили для нас в эти трудные годы необходимой моральной поддержкой. В течение нескольких лет мы научились глубоко ценить Вас и в настоящее время искренне сожалеем о вашем отъезде. В личных отношениях с нами, вашими слушателями, Вы прекрасно умели сочетать ваш высокий авторитет первоклассного ученого с редкой отзывчивостью человека, всегда чуткого к нашим запросам и нуждам. Пройдет немного времени, мы разойдемся по всем углам угрюмой Сибири, чтобы передать трудящимся массам знания, полученные от Вас. Но где бы мы ни были, мы всегда будем гордиться, что были вашими учениками».

Разволновали, растрогали они этим адресом любимого профессора до глубины души.

Поселился Борис Александрович с семьей во Владикавказе. Там начал работать в Северо-Кавказском пединституте. Вскоре был избран профессором его. Прошло месяцев пять. Как-то в конце года вручили Сварчевскому послание от престарелого Дыбовского. Оно было адресовано в Иркутск и уже оттуда послано во Владикавказ.

Бенедикт Иванович писал: «Узнав от Проф. Державина, что Вами занята кафедра зоологии на университете в городе Иркутске, спешу Вам послать свой труд: о гаммаридях озера Байкала I часть, вторая часть которой ныне отослана в Краков для печати, pošлю Вам, сколь скоро будет напечатана. Вы меня извините, что пишу по прежним правилам и что мое обладание русским языком от 50 летнего неупотребления много потерпело. Во всяком случае, надеюсь, что Вы меня поймете.

Фауна Байкала стала для меня драгоценным воспоминанием бытности в Сибири. Все новое о ней занимает меня в высшей степени. Так, например, описание полихет озера Байкала Л. А. Зенкевичем... Я убежден, что Вы найдете там многие виды, подобно как найдено много форм олигохета. Я нашел в апреле месяце подо льдом в воде, зачерпнутой из проруби, в ясный солнечный день, на расстоянии около 10 верст от берега Култучного залива — плавающая трохофорэ, я описал их поверхностно при увеличении под лупою, а, не имея тогда никаких средств для консервировки, не мог их описать подробно. Если бы Вам удалось побывать на озере в апреле месяце, я бы Вас просил попробовать разрешить этот весьма важный вопрос, касающийся фауны полихета.

Второй вопрос об этих же самых многощетинковых червях состоит в том, чтобы достать со дна озера ил на месте, где мною были найдены экземпляры полихета... Здесь кроется богатая фауна олиго- и полихета...

К несчастью для науки, правительственные финансы не позволяют на финансирование зоологических музеев средствами, соответственными для предприятий. Так, напр., исследование озера Орона. Достаточно было бы здесь одну зиму посвятить для изучения фауны этого озера, а сколько бы получилось зато преинтересных данных, столь важных для познания прошлого озера Байкала».

Далее Бенедикт Иванович интересовался: есть ли у Сварчевского сочинения по фауне Байкала? Издаются ли в Иркутском университете научные труды? Выходят ли «Известия Сибирского отдела Русского Географического общества»? «Сообщите мне список моллюсков и гаммарид, которые находятся в музее, а я бы мог Вам кое-что прислать из своих коллекций... Что случилось с ученым проф. Коротневым, Гаряевым. Живут ли еще Шираев, Серебренников, Усольцев? Воспоминание прошедшего составляет для меня единственное утешение в тяжелых условиях нынешней жизни... Я бы Вам предложил между-

народное общество, имеющее цель познания фауны Байкала и установления биологических станций на берегу озера. Такое общество могло бы снарядить экспедиции на озеро Орон. Дать средства на биологические станции.

Вот покамест все, что могу Вам сообщить. Если это мое письмо не минует ваших рук—будьте добры сообщить мне об этом. При сем посылаю Вам один экземпляр о Байкалогаммаридэ. Если Вам понадобится, то могу Вам послать еще несколько.

Остаюсь с глубочайшим почтением

Д-р. Б. Дыбовский
Львов, ул. Засцянов, 12...»

Как было не взволноваться Борису Александровичу при чтении этого письма, не подивиться автору его, который все еще мечтает об изучении озера Орона; его он не успел посетить, пока был в Сибири. Все надеется: кто-то завершит задуманное и начатое им. Хотя бы те же исследования по морскому червю полихете, личинки которого — трохофоры — он обнаружил когда-то в проруби против Култучного залива. Теперь поручает их ему; Сварчевскому, не ведая того, как далек его адресат от Байкала!..

Разбередил он этим письмом самое заветное, а теперь прямо-таки наболевшее в душе Бориса Александровича. Здоровье не улучшалось, не помогал здешний климат. От всего, с чем был кровно связан, оторван. Здесь он, как дерево с обрубленными корнями, которые остались в Иркутском университете и на Байкале. Некоторое время Борис Александрович тешил себя несбыточной мечтой: достать бы визу да поехать во Львов — повидаться с Дыбовским.

Теперь «Пресное море» с каждым днем все сильнее манило к себе. Манило своими тайнами. Особенно одной, с которой уже соприкоснулся, изучая губок. В последней работе по ним писал, что ракообразные (амфиподы), мол-

люски и плоские черви — планарии «поражают наблюдателя колоссальным количеством форм... Группа эндемичных байкальских губок мало уступает в этом отношении. Очевидно, и она, так же, как и упомянутые группы, находится в периоде энергичного видообразования». И формы ее, широко распространенные по свету, а в Байкале «элемент... посторонний — пришлый», даже они, «несмотря на свой чрезвычайный консерватизм», подверглись «воздействию совершенно новых условий «большой воды», и изменяющихся и дающих новые формы».

Опять он пытается заглянуть в «самый корень» таинственного явления. Эта загадочная «большая вода»! Она — творец новых разновидностей и видов байкальских организмов. Но вести исследования в этой области необходимо широким фронтом — совокупными силами, а их почти нет. Надо прежде растить научную молодежь.

Вот Кожову передал часть собственных сборов губок, тем вдохновил его на поиски. Из экскурсий по Байкалу, Ангаре и другим рекам тот привез немало ценного материала. Обработал и написал совсем недурно научную работу. Способный, энергичный, настойчивый. Да, надо поднимать на ноги молодежь, стремящуюся к научным поискам... А самого еще влечет совершенно неизученный мир простейших Байкала. Нужно спешить. Кто знает, сколько в запасе лет?

В начале 1926 года еще Дыбовский «поддал жару». Первого января он написал: «Письмо ваше и посылку с 3 вашими работами я получил 27/5, благодарю сердечно за них. Меня опечалило известие, что Вы оставили Иркутск. Там для Вас было огромное поприще новых исследований, я убежден, что Вы бы нашли много видов интересных не только между губками, но и между гидрами. Мне кажется, что Вы не выдержите долго вдали от Байкала и возвратитесь в будущем к нему. Я очень мечтал об устройстве биологической станции в Култуке; там было бы возможно исследовать способ жизни и историю

развития многих фаун. Другая мечта моя касалась озера Орона. Там лежит тайна, которой раскрытие стоило бы усилия профес. Иркутского унив. Как Вы думаете, было бы возможным обратиться к естествоиспытателям Соединенных Штатов с предложением, чтобы они устроили экспедицию на озеро Орон с помощью Иркутского университета; совокупными усилиями исследование могло быть проведено. Для меня самый высокий интерес лежит в описании оронской Голомянки и оронского тюленя... Говоря о Голомянке, я был бы Вам много обязан, если бы нашли возможным послать экземпляры Голомянок, о которых сообщаете в письме вашем».

Затем Дыбовский писал, что на Байкал собирается поехать известный естествоиспытатель Нальтокан «с благословенным содействием 2 правительств. Поэтому можно ожидать от столь способного ученого великих результатов. Может быть, что устроит он даже поездку на озеро Орон! Счастливый человек!» Еще Бенедикт Иванович сообщал о том, что посылает две свои работы: о бокоплавах и байкальских моллюсках семейства Владиславии. Наконец, просил отправить ему хотя бы пару черепов каспийского тюленя. И это его письмо опять полно дум и чаяний о Байкале. Как оно было «созвучно» думам Бориса Александровича!..

Ранней весной 1926 года профессор Сварчевский с женой и шестилетним сыном собрался обратно в Сибирь. Врачи предложили выехать немедленно: малярия все чаще валила с ног.

В Иркутске Бориса Александровича встретили с распростертыми объятиями. Прежде всего друзья из профессуры. Несказанно рады были и студенты. О тех, кто окончил университет и нуждался в его «отцовской» руке, направлявшей в науку, и говорить нечего. Сразу же Б. А. Сварчевский занял прежние свои должности: заведующего кафедрой зоологии и директора Биолого-Географического исследовательского института. Он снова вос-

прянул духом и засучив рукава принялся за работу. Перемена климата на первых порах приглушила малярию. Прежде всего ученый взялся за исследование байкальских бокоплавов. И похоже не случайно. Никакая иная группа животных этого озера не славилась таким интенсивным видообразованием.

Три тысячи бокоплавов он получил от профессора В. Ч. Дорогостайского. Обработка такого количества для больного человека — труд поистине титанический. Только неуклонное чередование работы с отдыхом спасало молодого ученого от полнейшего изнеможения.

Вскоре он купил по случаю старый рояль. Сразу же отдал его в ремонт. А потом с увлечением играл на нем любимые произведения Чайковского, Калининкова. К нему частенько навевывался В. И. Подгорбунский — молодой научный работник. С ним играли в четыре руки. Со старыми друзьями, как прежде, сражались в шахматы. Иногда целой компанией отправлялись на охоту в деревню. Часто с Байкала приезжал Г. Ю. Верещагин.

Наведывался по делам и М. М. Кожов. Он покорял своего бывшего учителя яростным упорством, с которым стремился в науку. Несомненно, с благословения Бориса Александровича он проводил исследования на биологической станции в Больших Котах у В. Н. Яснитского. Кожову удалось собрать богатейшие коллекции донных животных — бокоплавов в основном, которых передавал на обработку своему учителю и руководителю. Борис Александрович, еще прежде изучая бокоплавов коллекции Дорогостайского, открыл на них целый мир простейших, не известных в науке. Поэтому сборы М. М. Кожова оказались для него настоящим кладом.

Несмотря на тяжкую болезнь и годы — ему исполнилось пятьдесят шесть, — закончил обработку бокоплавов. О них упомянул во «Введении» к монографии «К познанию байкальской фауны простейших. Инфузории, живущие на байкальских гаммаридах». Работа напечатана

на его собственные средства за границей в периодическом издании «Архив известий простейших» на немецком языке. До сих пор она не переведена на русский. Автору присылали только оттиски, несомненно, в очень ограниченном количестве. Потому не оказалось их даже в фундаментальной библиотеке Иркутска — одной из крупнейших в Российской Федерации.

Вот что писал Борис Александрович во «Введении»: «Когда я в 1926 году начал изучать инфузорий, живущих на байкальских гаммаридях, состав этой последней группы животных исследованного материала был преимущественно из коллекции профессора Дорогостайского. Он собран почти во всем Байкале, причем взят из 316 станций в 25 различных местах этого озера. В целом я исследовал 3002 экземпляра гаммарид (бокоплавов — А. Г.), которые принадлежат к 29 родам и 118 видам».

Но куда подевалась работа по ним? Ее не значится в списке трудов в некрологе «Б. А. Сварчевский».

С нетерпением читаю дальше, точнее, перевожу: «В 1926 году Кожовым на биологической станции Биолого-Географического научно-исследовательского института положено начало исследованию горизонтального и вертикального распространения фауны Байкала в районе станции, причем он... с 1926 до 1928 в этом относительно ограниченном районе сделал большое количество станций, но которые, к сожалению, имеют мало глубин, превышающих 300 м, что зависело от относительно плохого технического снаряжения станции. Весь материал по гаммаридам, собранный Кожовым, передан в мое распоряжение для изучения живущих на нем инфузорий... В районе биологической станции Кожовым сделано 388 станций... причем число гаммарид на этих станциях достигает в сумме 3465 экземпляров. Все они распределяются по 28 родам и 79 видам».

Читаю и едва верю глазам своим: еще почти три с половиной тысячи изученных гаммарид, распределенных по

видам и родам!.. Или я неправильно перевела? Возможно, это относится уже к инфузориям? Но дальше автор пишет: «...обе мной изученные коллекции гаммарид имеют одно различие в составных частях... мне удалось, в общем, исследовать 31 род со 134 видами».

Как тут не вспомнить: сам Дыбовский изучил их в количестве 116 видов. И еще: «Масса собранного Кожовым материала дала мне также возможность изучить значительное количество экземпляров некоторых родов гаммарид, что, естественно, имеет большое значение...» Сомнений больше нет! Речь идет именно об изученных им гаммаридах. Почти о шести тысячах с половиной! Из двух коллекций: Дорогостайского и Кожова. Сто тридцать четыре вида из тридцати одного рода. Прделана колоссальная работа! Но где же труд по байкальским гаммаридам профессора Сварчевского? Он должен быть капитальным по ним в то время.

Наконец-то начинаю представлять по-настоящему, как одержимо мог уходить Борис Александрович в творческую работу наперекор всему; и годам, и болезни! А тут его еще Дыбовский подстегивал своими письмами. В одном из них от 16 февраля 1926 года сообщал: «Посылаю Вам последние работы мои: над бокоплавами и над самой трудной частью моих моллюсков, называемых до сих пор Хоаномфалинами. В работе о гаммаридах я имел возможность определять роды... не зная о ваших работах по этому предмету, не внес описанных Вами форм в таблицы, я бы мог это сделать дополнительным образом, если бы Вы так добры были прислать мне оттиски... ваших работ... Занимаясь фауною Байкала, каждый исследователь придет к убеждению, что виды богаты разновидностями, и эти кажутся безконечными, убедившись фактами в этой особенности фауны Байкала, я не нашел противуречащих доказательств...»

В этом большом письме Бенедикт Иванович на первой странице сверху сделал приписку: «Мне сообщили, что

Нальтокан отправился на Байкал, если это верно, то получите в нем весьма ценного сотрудника, может быть, Вам возможно соорудить экспедицию на озеро Орон. Этого требует наука. Душевно связан с исследованиями природы Сибири, желаю сердечно всяких успехов Вам и вашим сотрудникам».

Борису Александровичу пока было не до Орона. Он разрабатывал «золотую жилу», открытую им в Байкале. Летом 1928 года собрался было немного передохнуть в деревне. Устроился с семьей в Мальте под Иркутском. Пожил с неделю. Нет, невмоготу! Отправился в Иркутск, забрал там микроскоп и несравненных своих инфузорий, живущих на байкальских гаммарусах, вернулся с ними в Мальту, а потом днями просиживал за микроскопом. Так и «отдохнул». Впрочем, увлекательнейшие поиски в мире «невидимок» и новые открытия давали несравненный заряд энергии, чего не могло бы подарить самое роскошное безделье. Его Борис Александрович «не принимал» ни умом, ни сердцем.

Мне не дает покоя мысль о судьбе труда по байкальским гаммаридам. Снова внимательно перечитываю некролог «Б. А. Сварчевский», пытаюсь отыскать хотя бы намек на этот труд. «В 1928 г. Б. А. печатает интересную работу, посвященную открытой им инфузории Спирохона элеганс... Затем, начиная с 1928 г., Б. А. выпускает серию работ, посвященных систематике обработанных инфузорий, живущих на байкальских гаммаридах... все эти работы составляют крупную монографию... В этой монографии, являющейся фундаментальной для познания Протозоа Байкала, Б. А. показал совершенную несостоятельность прежних взглядов зоологов о бедности Байкала простейшими... Помимо морфологических описаний Б. А. дает также сведения о распространении инфузорий по глубине и приводит ряд не лишенных глубокого интереса соображений филогенетического характера». О гаммаридах ни слова.

Что же пишет об исследовании инфузорий сам Борис Александрович? Продолжаю терпеливо переводить строку за строкой. «Несмотря на интерес, который еще в 80 году появился к изучению фауны Байкальского озера... изучением фауны простейших Байкальского озера до последних лет исследователи почти совсем пренебрегали... я в 1922-м предпринял поездку на Байкальское озеро, в продолжение которой мое внимание сосредоточивается на «симбионтах» гаммарид. Здесь я нашел много незнакомых мне форм». На биологической станции в Больших Котах он «в живом состоянии наблюдал и также нашел некоторые новые формы».

Едва в 1928 году увидела свет первая работа Б. А. Сварчевского по байкальским инфузориям из семейства Дендросомидэ, как автор ее получил «благословение» Б. И. Дыбовского: «Сердечно благодарю Вас за память обо мне и радуюсь глубоко, что Вы счастливо предприняли увеличивать славу фауны Байкала. Труд ваш великолепен, предвижу, что Вы на этом пути будете иметь успех громадный, открывая перед глазами ученого мира десятки десятков новых родов и видов в области Дендросомидэ. Я давно обращал внимание Проф. Вицайни... на «паразитов», обильно выступающих на скорлупках улиток, я их называл волосками, или чешуйками, и ставил их гипотетически в связи с освещением дна озера, где живут виды с громадными глазами, которые излишни для живущих в темноте глубин озера. Эту гипотезу я высказал при описании Байкала в польском современнике... и к этому вопросу возвращусь еще впоследствии».

Ныне я тяжело болею кровотечением и главным образом должен лежать в кровати, скоро поправлюсь, напишу подробнее. Посылаю Вам свою фот. карточку с просьбой о вашей фот. карточке, не откажите мне в этом.

Остаюсь с глубочайшим почтением

д-р. Б. Дыбовский
Львов, ул. Засцянов,
12, 4/6 1928»

Он не ошибся в своем пророчестве: профессор Сварчевский открыл «десятки десятков новых родов и видов» не только в семействе Дендросомидэ, но еще в шести. А всего, по словам М. М. Кожова, «описал до 125 видов инфузорий, принадлежащих к отрядам Перитриха и Гетеротриха, из которых 84 новых вида и 9 новых родов». Открыл неизвестный до того целый мир простейших.

Сам ученый характеризовал его такими словами: «Хотя не мог претендовать на исчерпывающее знакомство с «фауной симбионтов», достиг числа форм, которые нашел на исследованных гаммаридах, больше чем 125 видов. Оказывается также, что имеется значительный процентный скачок форм совершенно новых и иногда очень своеобразных... они отличаются теми самыми особенностями, которые мы находим в других частях фауны этого озера, именно... значительное число форм, которые имеют открыто эндемичный характер». Это независимо, с каких глубин добыты, вплоть до наибольших — 1800 метров.

История повторилась в третий раз. В первый — Бенедикт Дыбовский доказал несостоятельность взгляда, что Байкал беден беспозвоночными животными. Во второй — Константин Мейер опроверг мнение относительно водорослей «Святого моря», что они не своеобразны в нем. В третий — Борис Сварчевский своими исследованиями опрокинул утверждение о бедности Байкала эндемичными простейшими.

Эту свою лебединую песню Борис Александрович начал с изучения инфузории Спирохоны элеганс, живущей на ангарских гаммаридах. Установил, что она несомненный вселенец из Байкала. Начал в нем искать ее. И обнаружил еще семь совершенно неизвестных видов рода Спирохона, очень распространенных в Байкале.

«До последнего времени из семейства Спирохонина вообще известен только один представитель из пресных вод,— писал Борис Александрович в 1928 году,— это хо-

рошо известная Спирохона геммипара, которая неоднократно изучалась».

В 1930 году, когда первооткрыватель фауны простейших Байкала лежал в больнице, вышел в свет седьмой отыск его монографии по инфузориям, живущим на байкальских гаммаридях. С нетерпением справлялся о нем больной у навещавшей его жены. Еле дождался. А вскоре ушел из жизни.

Болезнь оборвала лебединую песню Бориса Александровича. Потомству он оставил более тридцати научных трудов. О нем самом написаны лишь две работы: некролог на нескольких страницах и небольшой очерк Б. Н. Мавурмовича. Очерк начинается словами: «Жизнь и деятельность выдающегося русского зоолога-протистолога и спонгиолога проф. Бориса Александровича Сварчевского (1872—1930) почти совершенно не освещены в литературе».

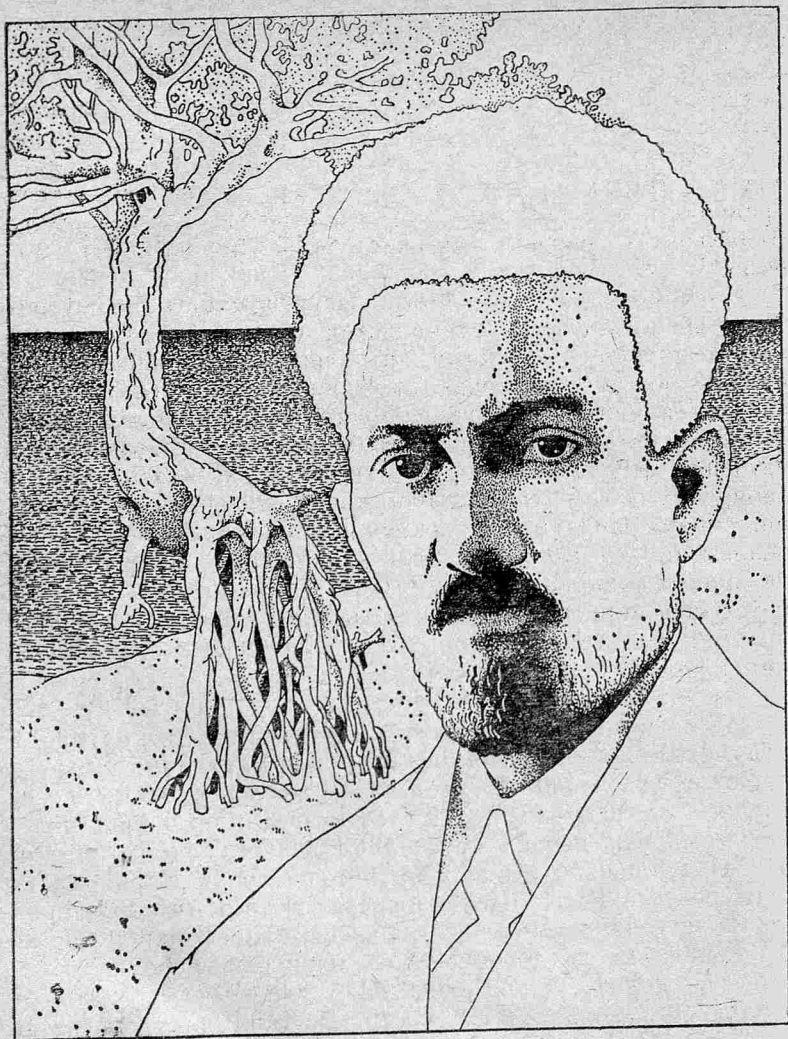
Да, почти... Широкой массе читателей он неизвестен. И мне захотелось рассказать об этом выдающемся зоологе и следопыте Байкала как можно больше.

ГЛЕБ ВЕРЕЩАГИН

В 1911 году Дыбовский неожиданно приобрел первого и лучшего своего последователя. Вернувшись в Европу, он увлеченно рассказывал в лекциях о своих исследованиях и открытиях на Байкале. В Варшавском университете уже на первой встрече с громадной аудиторией выделил среди слушателей юношу с копной буйно вьющихся темно-русых волос, с большими ярко-голубыми глазами, чуть удлинненными, темневшими от волнения. В них загорался трепетный пламень, дорогой сердцу Бенедикта Ивановича. Поглядывая на юношу, вспоминал себя в его возрасте. Тоже был таким — беззаветно увлекающимся.

После нескольких лекций они встретились в университетском коридоре. Здесь произошел один из тех душевных разговоров, который глубоко берedit ум и сердце человека в юности и может круто повернуть судьбу его.

После встреч с Дыбовским судьба Верещагина решилась сама собой: он начал грезить Байкалом. Все его прежние увлечения разом потускнели перед этим, захватившим на всю жизнь. Исследованиями он начал увлекаться еще на первом курсе. В студенческие годы он оказался под опекой выдающегося профессора Варшавского университета Я. П. Щелкановцева. У того в лаборатории «господствовала дружная рабочая атмосфера. Каждый был занят своим делом, велись оживленные научные беседы и споры». О той поре Глеб Юрьевич с благодарностью вспоминал: «Профессор Я. П. Щелкановцев не

только постоянно руководил и интересовался моими занятиями, но также всегда шел навстречу при выписке приборов и книг».

В 1911 году, будучи еще студентом, Верещагин пишет первую научную работу о Кладоцера. Эти микроскопические ветвистоусые рачки распространены по всему свету, кроме полярных областей. Монография называлась: «К планктону озера Великого Новгородской губернии. Обзор фауны Кладоцера озера и некоторых соседних водоемов». В ней тщательно описаны водоемы, разобрана неоднородность распределения в воде ветвистоусых рачков, наконец, рассмотрен вопрос о происхождении ряда новгородских озер, приложены батиметрические карты их. В этой работе наметились два пожизненных интереса автора: к биологии и географии.

Озера Новгородской губернии полюбились ему с отрочества, когда с родителями отдыхал на даче. Отец его Юрий Николаевич был талантливым педагогом, автором крупных методических пособий. Заметив в сыне редкую наблюдательность и любознательность, старался развивать их; купил ему микроскоп. Через этот прибор перед глазами юнца раскрывался новый, чудесный мир, он часами не мог оторваться от созерцания его. Вероятно, тогда и увидел впервые Кладоцер.

Семья Верещагиных в те годы жила в Петербурге; в ней пятеро детей, Глеб был вторым ребенком. Юрий Николаевич преподавал в школе литературу и русский язык. В Петербурге прошли детские и первые гимназические годы Глеба. Потом отца его перевели в Варшаву. И Глеб стал учиться в третьей варшавской гимназии. Окончил ее в 1908 году с золотой медалью. В том же году поступил на естественное отделение физико-математического факультета университета. Вскоре он стал заведывающим на заседаниях университетского общества естествоиспытателей.

Общество поручило ему в первые же летние каникулы

собирает и изучает планктон водоемов Новгородской губернии. Первокурсник показал, на что способен: он провел глазомерную съемку берегов озер Великого и Глухого, измерил их глубины, изучил температурный режим, наблюдал процесс зарастания озер, собрал из разных их участков 130 образцов планктона. На следующее лето продолжил свои исследования, а зимой обработал собранный материал.

Учась на третьем курсе, Верещагин закончил вторую научную работу — тоже по ветвистоусым рачкам «Об изменении цикличности Кладоцера в зависимости от географической широты местности». В ней описал 70 видов, кроме того, формы совершенно неизвестные. Доложил об этой работе на заседании общества естествоиспытателей. «Почтенный профессор Варшавского университета Павел Ильич Митрофанов, приветствуя молодого докладчика, указал на значение его первого научного сообщения как на крупное событие в жизни начинающего исследователя». А в шестидесятых годах М. А. Фортунатов писал: «Необходимо отметить, что уже в этих ранних работах виден специфически озероведческий подход автора к разработке биологических вопросов». Он сохранился у Глеба Юрьевича на всю жизнь.

Две первые научные работы Верещагина были напечатаны в 1911—1912 годах. Они вдохновили молодого исследователя на дальнейшие научные поиски. Интерес к проблемам географическим и прежде всего к распространению ветвистоусых рачков по свету побудил студента Верещагина заняться сравнительным изучением этих рачков в разных местах земли. Летом 1911 года он побывал на Скутарийском озере в Черногории, осенью того года — на озерах в Швейцарии, а в следующем году изучал ветвистоусых рачков в озерах Канады.

В Швейцарии Верещагин встретил известного гидробиолога Цшокке — ученика знаменитого основоположни-

ка лимнологии (озероведения) Ф. А. Фореля. Слушал в Люцерне его гидробиологический курс и путешествовал с ним по горным озерам. От него и воспринял идеи и методы Ф. А. Фореля.

В 1913 году Верещагин окончил Варшавский университет и был оставлен при нем хранителем зоологического музея. Но пробыл здесь недолго. Осенью следующего года его пригласили на работу в зоологический музей Академии наук в Петербурге. В этом музее было вновь открыто отделение ракообразных, планктона и грунта. Заведывание им было поручено Верещагину. Много времени уделял Глеб Юрьевич налаживанию дел в нем. А больше всего увлекался изучением ветвистоусых рачков, обрабатывая огромные коллекции планктона. Приобретал их от знакомых гидробиологов.

Но размеренная кабинетная работа мало удовлетворяла Глеба Юрьевича с его кипучей натурой. Молодого исследователя влекло в природу. Он мечтал о создании комплексных экспедиций, всесторонне изучающих озера. «...Его влекло в поле...» И как только представилась возможность заняться исследованиями в природе, особенно на Байкале, он забросил своих рачков. Обширная работа осталась незавершенной. Мне посчастливилось в начале 1972 года познакомиться с личным фондом Г. Ю. Верещагина в Сибирском отделении Академии наук СССР. Среди 128 неопубликованных работ есть одна под названием: «Характеристика озер мира (К работам по Кладоцера)». Кроме того, карта распространения этих рачков по всему земному шару. Все это наследие — свидетельство тому, что не сами по себе крошечные рачки столько лет интересовали Глеба Юрьевича, а распространение их в связи с происхождением озер, в которых они обитали. Этот вопрос занимал ученого уже в пору юности, когда он писал первые работы по Кладоцера. Стремясь изучать природу озер, он в 1915 году стал одним из инициаторов, возобновивших работу Озерной комиссии Русского Гео-

графического общества. Но чем бы он ни занимался в то время, «по-прежнему мечтал о Байкале...».

Наступил 1916 год. Академия наук задумала начать всестороннее изучение Байкала. Была создана специальная комиссия. Летом намеревались отправить первую экспедицию под руководством В. Ч. Дорогостайского. Глеб Юрьевич прямо-таки ринулся в нее, да не тут-то было! Молодым научным работникам, не имеющим опыта в систематике, не разрешалось в то время участвовать в экспедициях. Но этот барьер Верещагину удалось преодолеть при содействии Дорогостайского.

25 мая выехал из Петрограда, а 1 июня был уже в Лиственничном. На Байкале пробыл два месяца. Работал он обособленно от основного отряда экспедиции. На почтовом пароходе «Феодосий» совершил три рейса вдоль Байкала; один — до северной оконечности. С борта парохода измерял температуру воды, ловил планктон, приспособив для этого помпу, которой откачивали воду. Работал без передышки. На остановках сходил на сушу, чтобы осмотреть берега и водоемы. Они заинтересовали его сразу, особенно у самых больших заливов: Чивыркуйского и Баргузинского. Отправился туда вторично на «Феодосии», чтобы исследовать их получше. Что же влекло его к этим местам? Оказывается, происхождение прибрежных водоемов.

Хотя исследование было маршрутным и кратковременным, Глебу Юрьевичу удалось сделать очень много. Прежде всего объяснить происхождение соров. На берегах Баргузинского залива он исследовал Малый и Большой сор (Рангатуй), соединенные протоками друг с другом и с Байкалом; сходные с ними изучал на северной оконечности, в Чивыркуйском заливе. Он пришел к выводу, что все они образуются подобно морским лагунам, когда параллельно берегу возникает вал из выносов рек, который отгораживает какое-то водное пространство от Байкала и может постепенно его замкнуть. Тогда сор превращает-

ся в озеро. Последнее начинает заболачиваться. Условия жизни в нем резко меняются, и потому байкальские организмы в таком озере должны вымирать. Это первая группа озер.

Глеб Юрьевич разгадал и возникновение полуострова Святой Нос. Когда-то на его месте был остров, отделенный от материка проливом, в который с материка впадала река. В связи с определенным направлением ветров на правом берегу реки возникал вал из наносного материала и все более вдавался в пролив, затем появился еще один вал параллельно первому. Со временем они соединились с островом. Так появился полуостров, но с очень заболоченным перешейком. По обе стороны его возникли огромные заливы — Баргузинский и Чивыркуйский.

Вторая группа озер, более глубоких и расположенных выше Байкала (Фролиха, Духовое, Цуку-Нур на Ольхоне), заинтересовала Г. Ю. Верещагина особенно. В давние геологические времена, когда уровень байкальских вод был намного выше, чем теперь, эти озера, наверное, были связаны с Байкалом. Еще Б. И. Дыбовский с В. Годлевским открыли древние озерные террасы значительно выше современного уровня байкальских вод, а Д. И. Черский — даже на высоте 190 метров.

Верещагину представлялось, как в глубине веков на месте озер Духовое, Фролиха и подобных им плескались глубокие заливы. Потом постепенно начал понижаться уровень воды в Байкале, а заливы стали превращаться в озера. Исследователь устанавливает, что есть еще третья группа озер, в своем возникновении не связанных с Байкалом.

Но его увлекает не само по себе происхождение прибрежных водоемов. В отчете он писал: «Еще Дыбовский обратил внимание на то, что во всех водоемах по берегам Байкала фауна резко отличается от байкальской и носит общесибирский характер, но в то же время указывает для озера Поплавского Коттус Кесслери (Бычка.— А. Г.); на

различие фауны Байкала и водоемов его берегов указывают также Гаряев и Коротнев ...На эндемиков в озерах можно смотреть как на иммигрантов и реликтов, первого взгляда придерживается большинство, и лишь один Б. Дыбовский, найдя в озере Поплавском Коттус Кесслери, выразил сомнение в возможности объяснения его нахождения там активным проникновением».

Сам Глеб Юрьевич пришел к такому выводу: если геологические и иные данные подтвердят, что озеро в своем происхождении связано с Байкалом, то эндемики, найденные в нем,— байкальские вселенцы. А в тех озерах, которые «порождены» Байкалом, эндемичные организмы окажутся представителями древнейшей фауны, остатком «которой является и вся современная фауна Байкала».

Ему уже ясно, что многие прибрежные озера еще недавно были связаны с Байкалом, но с превращением их в замкнутые водоемы коренные байкальские обитатели в них были вытеснены общесибирскими. Для последних условия оказались куда более подходящими, чем для первых. Есть еще озера, не вполне утратившие связи с Байкалом. Может быть, в них удастся отыскать представителей населения, общего с байкальским? Но это «вопрос еще совсем открытый». Где больше надежды отыскать эндемиков? «Быть может, тщательное исследование водоемов, отнесенных нами ко 2-й группе, среди которых можно встретить наиболее глубокие и подходящие по условиям своим к Байкалу, прольет свет на этот вопрос». Но все это — дело будущего.

А пока... одной из задач экспедиции было подыскание подходящего места для биологической станции. Г. Ю. Верещагин присмотрел это место в районе Чивыркуйского залива. Вернувшись из экспедиции, Глеб Юрьевич написал объемистый отчет — первый том «Трудов комиссии по изучению Байкала». Всю зиму начинающий байкаловед жил надеждой продолжить на следующее лето захватив-

шие его исследования. Надежда эта не сбылась. В Академии наук средств не было. На следующий год на Байкал отправился один Дорогостайский на собственный страх и риск вести изучение озера.

Наступил 1918 год. В зоологическом музее Академии наук жизнь шла своим чередом. Сотрудники его в определенные часы спускались в полуподвальный этаж пить чай. Это было время отдыха от напряженной кабинетной работы в редко отапливаемом помещении. Как вспоминал П. Д. Резвой, «в комнате, служившей столовой, под массивными сводами, около большого самовара хлопотала благообразная старушка Мелания. Она расставляла по столам принесенные сотрудниками горшочки, банки, кастрюльки с кашами. Редко кто приносил с собой хлеб... В горшочках и кастрюлечках была пшенка, овес, даже разваренная рожь... Обстановка в столовой бывала всегда непринужденная, шел общий разговор». В этом коллективе работали известные зоологи: В. А. Линдгольм, Г. Г. Якобсон, В. В. Редикорцев, В. Л. Бианки и другие, а среди самых молодых был Г. Ю. Верещагин.

Ему не сиделось в кабинете — хотелось продолжать изучение озер. Но возможности для этого не было. Тогда он предложил совету зоологического музея план собственных экскурсий на водоемы Пудожского уезда Олонецкой губернии тоже на собственный страх и риск. От Академии наук получил согласие, мизерную помощь деньгами и рекомендательные письма к местным властям, чтобы те оказывали посильную помощь.

Забрал он свою сестру, молодую жену-актрису и отправился в Пудожский уезд летом 1918 года.

Его помощницы были гребцами и препаратами, вместе с ним увлеченно вели наблюдения и брали пробы. Хотя оборудование было совсем скромное, а средства, отпущенные на экспедицию, ничтожны, сотрудникам ее удалось во множестве провести измерения глубин и добыть

планктон. Изучили они в то лето несколько озер уезда, работая не щадя сил своих.

Дело, начатое столь скромно, разрослось. Была создана комплексная Олонецкая экспедиция, изучавшая озера Карелии в районе между Онежским озером и Белым морем. В 1921 году в экспедиции работало уже 72 человека, среди них много крупных специалистов. Г. Ю. Верещагин руководил не только общим ходом работ, но и возглавлял гидрологическую партию. Как вспоминала его сотрудница С. Г. Лепнева, «работа велась оживленно, но с большими трудностями, происходившими из-за перебоев в снабжении, недостатка транспорта, сложности программных работ и обширности озер. Подсобных рабочих не было... Г. Ю. был неутомим и нередко задерживал свою партию на озере до позднего вечера».

Результаты исследований озер в Карелии были таковы, что Верещагин в 1923 году был командирован Наркомпросом РСФСР на 2-й Международный лимнологический конгресс в Австрию, где сделал два доклада об исследованиях в Олонецкой губернии.

Глеб Юрьевич руководил экспедицией 6 лет. За эти годы развернулся его талант ученого и организатора крупномасштабных экспедиционных работ. А в полную мощь он проявился позже — на Байкале.

Наступил 1924 год. Комиссия Академии наук по изучению Байкала возобновила свою деятельность. Ее председателем был академик П. П. Сушкин — человек многосторонних, колоссальных знаний и талантливейший руководитель. Он сразу оценил энтузиазм, энергию и эрудицию молодого Г. Ю. Верещагина. Глеба Юрьевича избрали секретарем этой комиссии, поручили составить план пятилетней Байкальской экспедиции, подобрать людей для нее.

С небывалым подъемом Г. Ю. Верещагин принялся за подготовительные работы и закончил их в кратчайший срок. Он нашел людей, бескорыстно увлеченных наукой,

в их числе профессора В. Н. Сукачева, возглавившего отряд ботаников, известного специалиста по водорослям (альголога) К. И. Мейера, из молодых энтузиастов И. П. Сидорычева, Т. Б. Форш, Н. П. Предтеченского и других; сам руководил отрядом гидрологов. Весной 1925 года экспедиция направилась на Байкал.

С того времени начался поистине героический период в изучении замечательного во всех отношениях озера. Спустя 40 лет М. А. Фортунатов писал об этом периоде: «Не будет преувеличением сказать, что работы на Байкале летом 1925 г. открыли новую страницу в истории лимнологии не только в пределах нашей страны, но и во всем мире».

А в каких условиях открывалась эта страница? Чтобы исследовать озеро, нужно было хотя бы маленькое судно. Вся надежда на парусно-моторный катер «Чайку». Он находился в ведении Биолого-Географического научно-исследовательского института при Иркутском университете под личным присмотром профессора В. Ч. Дорогостайского, который 30 апреля 1925 года писал Верещагину о ходе подготовки «Чайки» к плаванию: «Мотор давно уже отдан в ремонт... и значительная доля работы выполнена. С ремонтом корпуса дело обстоит хуже: никак не удается найти специалиста-лодочника... Приискиваю для Вас моториста... Очень затруднительно все налаживать, особенно когда не имешь времени и достаточных средств... не скрою, что очень затруднительно оставаться на лето без «Чайки», тем более что институт энергично принялся за налаживание биологической станции, потеряв всякую надежду на байкальскую комиссию.

Очень печально, но среди членов института раздавались голоса об оставлении «Чайки» на это лето при станции. Но пока, к счастью для Вас, Б. А. Сварчевский, С. И. Тимофеев, я и другие биологи на вашей стороне и вопрос о «Чайке» решен в благоприятном смысле. Худшее направление приняло дело с организацией постоянных

пунктов наблюдения (годовых) в разных частях Байкала. Дело это важное, но оно потребует от института больших средств (рублей 600)...»

А средств не было. Недоставало их и в Академии наук. Поэтому Глеб Юрьевич мог рассчитывать только на беззаветный энтузиазм людей, привлеченных и вдохновленных им. Годы спустя он признался: «Для того чтобы не отказаться от самого главного в задуманном исследовании, а именно: от всестороннего его характера, пришлось всем участникам экспедиции, число которых в летнее время возрастало до 15, работать в самых суровых условиях, не только без всяких суточных, а тем более вознаграждения (я говорю, конечно, здесь лишь об ученом персонале экспедиции), но даже затрачивая на работы экспедиции собственные средства».

Трудности были и другого рода. «Чайку» экспедиция получила. Но это судно с прекрасными мореходными качествами, по свидетельству знавших его прежде, оказалось почти непригодным к тем работам, которые впервые велись этой экспедицией. На катере не было механических лебедок, с помощью которых можно было бы поднимать с больших глубин приборы. Их вытягивали на тросах вручную. «Сейчас трудно поверить, что сотрудники экспедиции сотни раз поднимали с глубин от 1000 до 1500 м тяжелый морской дночерпатель Петерсена...» — писал М. А. Фортунатов. Поблажек в этой работе не было никому. По очереди все — от рабочего до профессора — становились к ручной лебедке и выкручивали трос.

Люди работали с таким подъемом, что уже за два года с небольшим прошли более 7,5 тысячи километров маршрута. Они провели работы почти на 6000 остановках-станциях, 457 из них — глубоководные, собрали более 3,5 тысячи образцов растений, животных, сделали 11 902 химических анализа воды «большой частью в полевой обстановке, по идеально свежим, только что взятым пробам». В сборах были обнаружены сотни новых видов.

Глеб Юрьевич не только руководил экспедицией, но и собственноручно собрал 1500 биологических образцов.

В 1926 году два экспедиционных отряда совершили рейсы, беспремерные по трудности и смелости. Отряд, в который входили С. И. Кузнецов, В. И. Жадин, А. И. Щербаков и А. А. Махотин, под руководством К. И. Мейера на лодке проплыли по озеру до северной оконечности.

Таким же необычным был и рейс по Ангаре, проделанный Г. Ю. Верещагиным и Т. Б. Форш на гребной лодке. Они проплыли от истока до поселка Большая Мамырь 607 километров. Беспреданно отыскивали животных, пропавших из Байкала в эту реку. В конце пути обнаружили еще свыше десятка их видов. Изучали также, как постепенно меняется состав ангарской воды.

Перед отправкой в эти дальние рейсы участники экспедиции 19 июня 1926 года написали Б. И. Дыбовскому «Глубокоуважаемый Бенедикт Иванович! Собравшись перед началом работ отдельных партий, Байкальская экспедиция Академии наук невольно вспоминает ваши заслуги по изучению Байкала и с берегов «Священного моря» шлет Вам привет и наилучшие пожелания. Экспедиция просит Вас прислать для организованной ею в Маритуе постоянной станции по его изучению ваш портрет с автографом, который будет украшать собою помещение станции».

Около месяца назад Г. Ю. Верещагин послал Б. И. Дыбовскому фотографии и письмо. Бенедикт Иванович ответил длиннейшим посланием, похожим на дневник: «Глубокоуважаемый Глеб Юрьевич! С какою радостью получил и ваше письмо... Благодарю сердечно за ваш труд... Благодарю за фотографии: 1) Дом Пермикина, где мы жили с 1859 до 1872, он был продан Пермикиным Ксенжопольскому, что случилось с этим последним, не знаю... Семейство Гаврилова в Култуке помню так хорошо, что мог я и нынче описать портреты с этого семейства — дома Пермикина и Гавриловых стояли рядом...» Описав Гаври-

ловых, вспомнил он стряпуху В. Ксенжопольского «весьма умную и обладающую удивительною памятью, истинное сокровище для фольклора, которым я занялся по вечерам, когда иные работы прекращались; я собрал песни, сказки и пр. култучан». Вспомнился ему и «Шолопугин, славный охотник, постоянный спутник и вожатый Александра Лаврентьевича Чекановского по гольцам хамардабанским—неизчерпаемый в выдумках разных торжественных походов и играх кум всех баб и сват всех девиц». Судя по тону и содержанию письма, автор его предавался воспоминаниям о давно минувшем.

В следующем письме к Глебу Юрьевичу он извинялся за свою «малограмотность рус-языка», сердечно благодарил членов экспедиции за память о нем, обещал выслать свой портрет. Далее писал о пережитой тревоге за них. «В мае месяце я узнал, что Вы отправитесь на Байкал. Вслед за тем напечатано по газетам, что вся средняя часть Европейской России и многие местности Сибири подвержены были небывалым до сих пор излианию вод из рек. Если и в нынешнем году уровень Байкала возвысится на 2 м, то нужно ожидать повторения бедствия 1869 г. Но может быть... это только фантазия репортеров... я никак не ожидал получить известия из Иркутска. Поэтому можете себе представить мою радость, когда я получил ваше письмо и корреспонденцию Проф. Дорогостайского. Должно думать, что все обстоит благополучно, коль скоро ваша экспедиция достигла своей цели—из большой тучи сообщений репортеров малый дождь истины».

Дошли до Бенедикта Ивановича слухи о введении охраны на байкальских нерп. Он забил тревогу и привел в письме такие данные, которые свидетельствовали, что нерпы вредны. Они пожирают омулей. Он просит Глеба Юрьевича «собрать сведения по следующим вопросам: 1) сколько добывается ныне нерп? Правда ли, что охрана нерп необходима?» И в заключение писал: «...прошу Вас объяснить... по каким преимуществам избран Маритуй на

биологическую ст. Ак. наук... Для меня исток Ангары был бы самый лучший пункт для Б. ст.». Закончил он свое большое письмо просьбой прислать «карточку» Глеба Юрьевича, фотографии членов экспедиции и всех зданий станции. Очень тронут был этим письмом Г. Ю. Верещагин да и все сотрудники его. Как по душе пришлось им неугомонность престарелого первооткрывателя фауны Байкала!

Работы в экспедиции принимали все больший размах. Как вспоминал Таллев, «лихорадочно собирался самый различный материал, ежедневно появлялись сенсационные новости, зачастую не оправдывавшиеся, на смену им приходили новые сенсации, люди путались в астрономических цифрах номеров станций и проб, сбор биологических материалов с кинематографической быстротой сменялся термическими сериями, последние гидрохимическими, промерами глубин, взятием образцов грунта и т. д. и т. п. Всем этим «первозданным хаосом» руководил вечно деятельный, готовый преодолеть любые трудности, неутомимый Г. Ю. В результате деятельности Байкальской экспедиции с 1925 по 1929 гг. были обследованы все основные районы озера и накоплен фактический материал, относящийся к самым различным сторонам природы Байкала, в большинстве случаев ранее вовсе не затронутым изучением. Впервые были проведены исследования термики и химизма больших глубин Байкала, была значительно уточнена карта его глубин, впервые получены материалы о поднятии и опускании отдельных участков берега, выяснен сезонный ход температур и химизма для района ст. Маритуй (южная часть Байкала), проведен ряд гидрологических разрезов, собран значительный материал по фауне и флоре водоема и т. д.»

...Б. И. Дыбовский с волнением, радостью, порой с тревогой следил за всем, что появлялось в печати о Байкальской экспедиции. В марте 1927 года он писал Г. Ю. Верещагину: «Многоуважаемый Глеб Юрьевич, не можете вообразить, с какою радостью я получил вчера 21/III пись-

мо ваше. После разных известий, получаемых из газет, я воображал, что Вас потопили волны Невы. К счастью, Вы преодолели «грипп» и собираетесь в далекий путь. Я вам завидую. Как бы я был рад, если бы мог сопутствовать Вам. Но, увы, нет возможности. 94 года жизни тяжело лежат надо мной. Тайно душевно буду с Вами, и каждый ваш успех будет моим утешением». Бережно хранил Глеб Юрьевич все письма Б. И. Дыбовского, а это было самым дорогим вместе с подаренной фотографией. О ней Бенедикт Иванович сообщал: «Я должен Вам объяснить, что посылаемая Вам моя фотография снята без моего ведома, а по мнению моих знакомых, одна из лучших, представляет меня в позе без позы. И до того она близка тому времени, когда мы первый раз свиделись. Я был тогда занят в музее Варшав. унив. обработыванием своего мнения против мнения г[осподина] Берга...» Бенедикту Ивановичу запомнилась их первая встреча навсегда, а мог ли забыть о ней Глеб Юрьевич?.. Воспоминание о ней вдохновляло его. Давние грезы о Байкале стали явью. Он работал с упоением.

В 1927 году Г. Ю. Верещагина пригласили на 4-й Международный лимнологический конгресс в Риме, на котором он доложил о полученных результатах всестороннего изучения Байкала. Они были признаны столь важными, что Глебу Юрьевичу как руководителю работ присудили высшую награду конгресса — золотую медаль и диплом. Кроме того, избрали его членом совета Международного объединения лимнологов.

В 1927 году Байкальская экспедиция была реорганизована в биологическую станцию. А Глеб Юрьевич стал ее бессменным руководителем до самой кончины.

Через пять лет у него уже сложился собственный взгляд на основное направление исследований в области озераведения. Он был убежден, что озера надо изучать как одно целое, устанавливать количественные закономерности процессов, протекающих в них. А вместе с тем и

связь с окружающей средой, чтобы полнее осваивать озерные фонды в разных отраслях народного хозяйства.

Хозяйственным запросам он всегда отдавал много времени и сил. Для Ангарстроя пять лет вел наблюдения. Как итог их — разработка вопроса «о термическом взаимодействии Байкала и Ангары». Много лет изучал ледовый режим озера. По словам Талиева, «обработка материалов по морфологии и динамике берега позволила Г. Ю. осветить явления движения берега в различных участках Байкала и, кроме того, дать подробную характеристику берегов на протяжении всего побережья, причем особое внимание было обращено на район Кругобайкальской ж. д.» Итог этих исследований — карта, сделанная на первых порах от руки. Мне посчастливилось увидеть ее после возвращения из Северо-Байкальской экспедиции в зале фундаментальной библиотеки Иркутского университета, где разместилась выставка работ Байкальской лимнологической станции. Она поразила. Создавалось впечатление, что все побережье Байкала в движении. В одних местах оно поднимается, в других — опускается. На общем голубом фоне ее темнели пучины, отмеченные густо-синей краской.

...Должно быть, еще с тех первых встреч с Дыбовским ум и сердце Верещагина пленила загадка происхождения байкальской фауны. Талиев, близко знавший Верещагина, утверждает: «Будучи с первых дней своей деятельности на Байкале сторонником морского происхождения байкальской эндемичной фауны и флоры, Г. Ю. в 1937—1938 гг. составляет две весьма обширные сводки, причем расширяет эту специальную, но крайне важную тему до проблемы происхождения пресноводной фауны вообще, дав исключительно тонкий анализ связанных с ней вопросов».

Оказывается, Г. Ю. Верещагин — сторонник той точки зрения, фундамент которой заложил Дыбовский. У Глеба Юрьевича она не могла возникнуть на первых порах в

итоге собственных наблюдений. Он, как истинный продолжатель, начал возводить на фундаменте свои «этажи». В 1940 году он писал: «Проблема происхождения и истории Байкала состоит из трех основных разделов: происхождения и истории его котловины, происхождения и истории водных масс, заполняющих эту котловину, и, наконец, происхождения и истории фауны и флоры Байкала. Разрешение каждого из этих разделов связано с определенным общим представлением о процессах и явлениях, имеющих широкое или даже общее распространение, для суждения о которых Байкал представляет лишь удобный объект». Удобный в том смысле, что в Байкале можно изучать очень многое, ускользающее от взгляда наблюдателя в других озерах из-за недолговечного их существования, поскольку Байкал древнее и глубже любого озера земли.

Мысль Глеба Юрьевича напряженно работает над разрешением тайны происхождения глубоководных фаун. Байкальская — лишь одна из них. Он ищет причины, порождающие эндемичное население глубин. И находит, что размеры водоема, преемственность вод его в течение длительного геологического времени еще не обеспечивает сохранности в нем древнего населения.

Пример тому — Аральское море, при опреснении которого почти полностью вымерли обитатели его, как установил Л. С. Берг. Аналогичное произошло и в Черном море, когда в него прорвались соленые воды Средиземного в начале четвертичного периода. В нем тоже исчезли многие древние животные.

Но когда условия жизни в водоеме изменяются очень медленно в течение геологических периодов, то животные и растения постепенно приспосабливаются к ним и сохраняются с древних эпох. Пример тому — глубоководная фауна морей и таких больших озер, как Танганьика, Байкал. В последнем все животные, обитающие глубже 500 метров, эндемичные.

Особо интересовало Глеба Юрьевича, что древние формы современной глубоководной фауны в морях, в далеком геологическом прошлом обитали в прибрежьях. Но больше всего занимало относительное постоянство среды глубин морских и в некоторых озерах; также в пещерных водах. В таких условиях сохранялись древнейшие элементы водной фауны.

Как следствие всей цепи этих рассуждений вывод: в глубоководной фауне озер и морей можно найти остатки древних обитателей, предки которых жили на меньших глубинах, но были вытеснены оттуда.

Вроде бы в этом заключении все убедительно, и все-таки... Как-то упустил Глеб Юрьевич «мелочи», замеченные еще Дыбовским. Тот писал, что слепых животных они не нашли даже в пучинах Байкала. Не нашли!.. То, что глаза не успели еще исчезнуть, невольно наводило на предположение: не такие уж древние обладатели их. Но Бенедикт Иванович никогда не делал поспешных выводов, опираясь на единичные факты. Он искал подтверждения догадки во множестве их. А вот бурное видообразование, хотя бы у бокоплавов, вело к мысли: среди эндемиков-патриархов в пучинах Байкала водятся и совсем юные формы, но тоже эндемичные.

Проглядев эти «мелочи», Глеб Юрьевич при возведении своих «этажей» допустил в теории явный перекося — причислил всех глубоководных эндемиков сибирского «моря» к древнейшим обитателям его. Не учел, что Байкал — это не копия глубоководного озера Охриды на Балканах или Пассо на Целебесе, а замо́к с большим секретом. В глубинах-то его как раз и не было «покоя», тем более в течение геологических периодов, когда свершались там такие «передряги», в результате которых вместо одной — южной впадины, лежавшей «поперек» нынешнего Байкала, появились еще две — средняя и северная.

И глубины байкальские совсем не те, что в океане или других древних глубоководных озерах, они «подвижные»,

всенарастающие. Животные, когда-то сбитавшие на дне, волей-неволей, как на гигантском лифте, опускались все ниже. А выживали те, кому по «вкусу» пришлось и крошечная тьма, и постоянство плюсовой температуры — в общем-то совсем не плохая жизнь. Особенно в ледниковый период, когда в верхних слоях озера, закованного в ледяной панцирь, она изменилась совсем не к лучшему. Обитатели этих слоев вынуждены были «сумерничать», а в придачу и «дрожать» от холода. В поисках лучшей доли многие из них опускались глубже. Кто приспособился — выжил.

...Глеб Юрьевич был человеком высокого полета мысли. Происхождение байкальского животного и растительного мира для него только частный случай. Его неудержимо влекла разгадка тайны происхождения этих миров во всех пресных озерах земли. Разгадка путей, по которым они шли в своем длительном развитии, причин, ускоряющих или замедляющих это развитие.

Он пришел к заключению, что континентальные воды начали заселяться морскими организмами в глубочайшей древности. Процесс этот с перерывами длился, начиная с Палеозоя, продолжается и в наше время.

Происхождение Байкала, его фауны и флоры занимали Глеба Юрьевича постоянно. За четыре года до смерти он писал: «Несмотря на то, что в настоящее время проблема происхождения и истории Байкала в целом еще далека от окончательного своего разрешения, мы считаем необходимым не только опубликовать специальные статьи, освещающие отдельные стороны проблемы, но также и подвести итоги работ по проблеме в целом. Поступив таким образом, мы считаем необходимым... заострить внимание дальнейших исследователей на некоторых, как нам кажется, — узловых — вопросах этой проблемы, устранить некоторые недостатки и недоразумения и ответить на критику».

Ответить на критику он завещал потомкам. Но как хо-

телось самому! Если б в его руках были такие палеонтологические находки, что не оставили бы уже никаких сомнений в правоте его взгляда!

В преддверии 40-х годов к Г. Ю. Верещагину на станцию приехал работать начинающий палеонтолог Г. Г. Мартинсон. Невысокий, сдержанный в жестах, уравновешенный по характеру, он был полной противоположностью Верещагину. Но они тотчас нашли общий язык. С необычайным воодушевлением директор станции говорил бывшему: «А вдруг мы найдем каких-нибудь морских предков байкальской фауны!»

Принялись искать их. Прежде всего на дне озера. Спозаранку отправлялись на катере «Бенедикт Дыбовский» и возвращались поздно вечером с пробами грунта. По словам Г. Г. Мартинсона, «только длительные тщательные анализы проб под микроскопом могут дать... необходимые результаты». Какая была мука ждать этих результатов, особенно Глебу Юрьевичу! Но они беспрестанно разочаровывали. А нетерпение в поисках все нарастало. Совершенно забывалась усталость, иногда даже опасность.

Как-то в Малом море под вечер стояла удивительно тихая погода. Небо синевато-прозрачное. Только над Приморским хребтом появились великолепные снежно-белые облачка. Они беспрестанно двигались и потихоньку скользили вниз, правда, не покидая вершин. «Пахнет сармой», — тревожно произнес капитан катера, поглядывая на предательскую игру небесных красавцев. Вскоре он начал торопить Верещагина, чтобы тот свертывал работы. Надо было успеть своевременно укрыться в безопасном месте. «Еще успеем!» — ответил Глеб Юрьевич. Ему было просто невозможно оторваться от незаконченного дела. Наступали сумерки. «Давайте-ка еще последнюю станцию», — нетерпеливо предложил он. Сделали последнюю. Но искать подходящую бухту было уже некогда, завернули в первую попавшуюся. Бросили якорь. Но он не мог удер-

жать — катер потащило вон от берега. Сарма неистовствовала.

Как вспоминал Мартинсон, «ветер со страшным свистом и воем срывался с гор прямо на Байкал. Тучи, которые днем так спокойно лежали на вершинах гор, теперь преобразились. Подобно дикому зверю, выскакивающему из засады, они срывались с высоты и неслись над Байкалом. Резкие порывы ветра чуть не валили нас с ног. Один такой сильный порыв сбросил в воду все, что было плохо прикреплено к палубе. С грохотом исчез в водной пучине не один из наших тралов. Капитан приказал поднять якорь... катер продолжало относить к середине Малого моря. Глеб Юрьевич с тревогой всматривался в темноту — нет ли поблизости скал?.. Эта длительная ночная борьба с сармой кончилась тем, что наш катер был привязан стальным тросом к выступу прибрежной скалы».

Оказалось, что байкальские илы совершенно отличаются по составу от других озерных. В последних много раковин моллюсков, ракушковых рачков и простейших, и лишь изредка попадают скелетные иглы губок. В байкальских много остатков губок, но от других многочисленных животных не сохраняется ничего, за очень редким исключением. Опять загадка! Нашли ей такое объяснение: «Однообразие и бедность грунтовых проб фаунистическими остатками объясняется интенсивным перемалыванием их в прибойной зоне, разрушением известковых раковин в бедной карбонатами воде, а также в поверхностном слое». Возможно, глубинная байкальская вода обладает каким-то загадочным свойством и потому предательски уничтожает следы истории животного мира последних времен, кто знает?

В воздухе уже замелькали «белые мухи», когда Глеб Юрьевич и Герберт Генрихович со своими помощниками закончили взятие донных проб. В заливе Провал они сделали интересное наблюдение: за год на дне накапливается всего 0,17 сантиметра осадков. Примерно за тысячу лет

их должно отложиться до двух метров. Оказалось, что своим двухметровым лотом они лишь прокалывали тончайшую пленку, под которой покоятся толщи огромные, отложенные за миллионы лет существования Байкала. Толщи эти и должны хранить следы древней жизни озера. Но как добраться до них?

Ковырять лотом — это все равно что археологу пытаться вскрывать древний курган чайной ложкой. Нужно глубинное бурение. К такому заключению пришли Верещагин и Мартинсон. Но техники подходящей и в помине не было. Тогда решили искать ископаемых предков байкальских животных на юго-восточном берегу озера. Еще в прошлом веке геолог И. Д. Черский находил там в мощных пластах третичных отложений раковины ископаемых моллюсков. Год назад Верещагин тоже обнаружил в них интересные окаменелости. Пласты имели возраст около 20 миллионов лет.

Мартинсон с помощниками отправился из Лиственничного на катере к устью Половинки. Глеб Юрьевич ехал вместе с ними, чтобы проводить по узкой тропе вверх по реке. Как вспоминал потом Герберт Генрихович, «травы и папоротники возле устья Половинки достигают человеческого роста, и даже огромная фигура Глеба Юрьевича была едва видна за этими зарослями... Но вскоре тропа стала круто подниматься вверх; нам приходилось теперь перескакивать через огромные валуны и пробираться через завалы упавших деревьев... Огромные кроны кедров почти не пропускали солнечных лучей. Через четверть часа увидели на противоположном берегу огромный обрыв, выделявшийся светлым пятном среди темной зелени окружающей тайги. Перед нами возвышался разрез бывшего дна Байкала. Невольно мы посмотрели назад, где между деревьями далеко внизу светло-голубой полосой поблескивали воды современного озера. Какие же колоссальные силы произвели эту гигантскую перестройку рельефа местности!».

Отсюда «Бенедикт Дыбовский» отправлялся к северной оконечности Байкала. Потянулись томительные дни ожидания для Глеба Юрьевича и полные волнующих минут для Герберта Генриховича. Последний вспоминал: «Целыми днями мы сидели на высоких уступах обнажения, искали окаменелости по различным оврагам и на побережье... К концу работы у нас была собрана большая коллекция окаменелостей. Материал оказался весьма интересным, и мы могли с удовлетворением отметить, что раскрыли одну из страниц истории древнего Байкала». Но какую? Оказалось: «1. Байкал возник в середине третичного времени (около 20 миллионов лет тому назад). Тогда он был более мелководен, чем сейчас, но имел обширные бухты и заливы. 2. В заливах древнего озера в основном обитали широкораспространенные в то время в озерах Азии теплолюбивые моллюски (не байкальского типа). В зоне открытого водоема существовали иные животные — предки современных обитателей Байкала».

Он нашел предков тех, которые жили в заливах. И до наших дней в них обитают совсем иные животные, чем в самом озере. А какие в нем были двадцать миллионов лет назад? Это и по сей час нераскрытая тайна. Все, что нашел Герберт Генрихович, помогло восстановить любопытную картину далекого прошлого Байкала. В его мелких тихих заливах обитали теплолюбивые моллюски в огромных раковинах, встречалась уйма унионид и живородок. А по берегам теснились вечнозеленые растения вперемежку с широколиственными: кленами, липами, вязами, дубами и грабами. «В районе дельты Селенги росли лотосы». Байкал в те времена с его окрестностями напоминал нынешнее Средиземноморье. И может быть, воды озера были не столь пресными и еще более синими. Но в поздние времена залив, отложения которого изучал Мартинсон, углубился, и в него стали проникать некоторые животные открытого Байкала: моллюски Байкалииды с их мелкими раковинами, губки. По мнению первооткрывателя их ископаемых

остатков, последние указывали на «то, что в то время Байкал уже существовал как большое озеро и был заселен предками многих современных байкальских животных». Значит, Байкалу не двадцать миллионов лет, а куда больше. Ведь нужно было огромное время, чтобы сформировался такой водоем с его населением.

Когда Герберт Генрихович «доложил» о результатах своих исследований Глебу Юрьевичу Верещагину, он «был не так доволен результатами — ему хотелось бы полюбоваться не пресноводными, а морскими окаменелостями. Увы, их не было!» Результаты поисков Мартинсона с нетерпением ждал и Лев Семенович Берг, который «уже давно считал, что те скудные палеонтологические данные, которыми располагала наука, подтверждали его мнение...», и настаивал «на пресноводном происхождении органического мира Байкала...».

Вернувшись в Ленинград, Мартинсон зашел в зоологический институт Академии наук и встретил Берга. Тот сразу же пригласил его к себе в кабинет, начал расспрашивать о результатах исследований. «...Внимательно выслушав мой рассказ, Лев Семенович был вполне удовлетворен тем, что в мезозойских озерных отложениях не было найдено каких-либо «морских» предков байкальской фауны. Будучи твердым сторонником пресноводного происхождения органического мира Байкала, он всегда с большим недоверием относился к доказательствам Г. Ю. Верещагина о морских корнях фауны и флоры озера. Правда, не обошлось и без споров. Этот... человек, с совершенно седой бородой и шевелюрой, с умными, выразительными глазами, начал мне пояснять, что своеобразие байкальской фауны можно объяснить в некоторых случаях конвергенцией, то есть появлением аналогичных морским организмам черт сходства вследствие сходства условий обитания». Спасительная конвергенция! Альпийское пресноводное озеро Байкал и солёное море — много ли сходного в них для жизни организмов?..

Мартинсон не соглашался с Бергом. «Но это его предположение не увязывалось, по моему мнению, с новыми данными по истории Байкала в третичный период. Байкал в своей первоначальной стадии развития был хотя и крупным водоемом, но не глубоководным. Достаточно твердо установлено, что современные большие глубины образовались лишь в четвертичном периоде, т. е. спустя миллионы лет после первоначального заселения озера... В результате спора Лев Семенович все же сказал: «Байкальская фауна должна была быть в середине третичного времени значительно более распространенной». Эти слова впоследствии полностью подтвердили наши палеонтологические исследования».

За 15 лет работы — вначале Байкальской экспедицией Академии наук, затем лимнологической станцией — был собран колоссальный материал не только по составу животного, растительного мира, но и по строению берегов озера, его ложа, химизму, циркуляции вод и многое другое. Накопились факты для разрешения центральной проблемы — происхождения фауны и флоры Байкала, в их числе и данные палеонтологии, геологии. Последние давали возможность судить о том, что в разные геологические периоды море вторгалось на сушу и находилось в районах Прибайкалья то восточных, то северных, хотя никогда не доходило до Байкала.

Подводя предварительные итоги, Верещагин намеревается дать «решающий бой» своим противникам во главе с Бергом. В 1940 году выходит 10-й том «Трудов Байкальской лимнологической станции». В нем две объемистые обобщающие работы Глеба Юрьевича, посвященные происхождению и истории Байкала, его фауны и флоры. Кроме них были помещены статьи Д. Н. Галиева, Г. Г. Мартинсона, Е. А. Преснякова, Е. С. Раммельмейер; они касались во всех деталях вопросов главной проблемы.

Результат «боя» был совершенно неожиданным. Среди 128 неопубликованных работ Верещагина хранится в ар-

хиве интереснейшая — «Основные пути разработки и корни разногласий в вопросе о происхождении и истории фауны и флоры Байкала» (окончена в 1942 году). В ней Глеб Юрьевич писал: «Прежде всего, следует указать на то, что факты, которые служат основанием для обоих выводов, являются одинаковыми». Оказывается, и Берг использовал добытые Байкальской лимнологической станцией материалы, подтверждающие теорию Верещагина, чтобы доказать верность собственных — противоположных взглядов.

Вот один из примеров. Полихета Манаюнкия байкалензис встречается и вне Байкала, но только в морских или солоноватых водах. Отсюда Верещагин делает вывод, «что и в Байкале нахождение р. Манаюнкия обязано влиянию моря на формирование его фауны, т. е. относим эту форму к морскому элементу фауны Байкала». А для Л. С. Берга «нахождение рода Манаюнкия помимо морской и солоноватой среды также в пресноводной... доказывает лишь то, что этот род встречается и в пресных водах». Он считает, что «Манаюнкия, по-видимому, распространена космополитически в пресных и солоноватых водах северного полушария. И даже... приводит ее в качестве примера форм, которые... являются остатками верхнетретичной фауны, жившей в пресных водах Сибири».

Г. Ю. Верещагин пришел к выводу: «Мы считаем, что самым важным для дальнейшей разработки вопроса о происхождении и истории фауны и флоры Байкала в настоящее время является не столько накопление новых фактических материалов, сколько критический пересмотр методов их оценки. Без внесения полнейшей ясности в методологическую сторону разработки этого вопроса в свете общей методологии биографического анализа... фауны и флоры... продвигаться успешно дальше на пути разрешения и частного вопроса о происхождении и истории фауны и флоры Байкала нельзя!..»

Г. Ю. Верещагин от своего коллектива ученых требовал самого тщательного, всестороннего изучения каждой груп-

пы байкальских животных и прежде всего установления их родственных связей с формами, обитающими вне Байкала, для того чтобы выяснить возможные пути проникновения их в Байкал. К 1942 году были напечатаны всеобъемлющие сводки (монографии): по свободно живущим инфузориям — Н. С. Гаевской, паразитическим инфузориям — Е. М. Хейсина, по губкам — П. Д. Резвого, полихетам — Н. Н. Анненковой. Имелись законченные, но еще не опубликованные рукописи по рачкам харпоктицидам — Е. В. Боруцкого, по рачкам остракодам — З. С. Бронштейна, по изоподам (равноногим ракообразным) — Я. И. Бирнштейна, по амфиподам (гаммаридам) — А. Я. Базикаловой. Завершались рукописи: по пиявкам — Н. А. Ливанова, олигохетам — В. Изосимова, бычкам — Д. Н. Талиева. В них был сосредоточен огромный фактический материал, частично подтверждающий точку зрения Г. Ю. Верещагина о происхождении фауны и флоры Байкала. Был почти завершен гигантский труд, но он не принес ожидаемой радости. Теперь нужны были не только эти факты.

Где искать древних предков байкальских организмов? Когда они проникли в Байкал? Какими путями? Эти вопросы волновали Г. Ю. Верещагина много лет.

По мере накопления находок ископаемых животных и растений становилось ясным: искать надо на месте древнего многоозерья, окружавшего Байкал, и морских трансгрессий в Прибайкалье. Глеб Юрьевич был убежден, что время проникновения следует считать с нижнего мезозоя — с юры, с которой минуло уже 150 миллионов лет. А вот какими путями? Большинство предполагало, что предки байкальских животных передвигались в озеро по рекам. Ученый выдвинул свою гипотезу. В ней он речной путь переселения допускал лишь для самых активных животных. Все остальное население попало в озеро с теми водами, которые сливались в него из прибайкальских водоемов, когда началось опускание котловины Байкала. Чтобы доказать это, необходимо хорошо изучить историю

древних водоемов, остатком которых является Байкал, историю органической жизни в них. Но в этом направлении сделано было пока совсем немного.

А в будущем «вопрос о палеогеографическом развитии водных бассейнов в восточной Азии на протяжении времени с конца мезозоя и до наших дней, и притом на огромной площади от Прибайкалья до Южного Китая и Дальнего Востока, представляет задачу для исследования не одного поколения». Только на «фоне» такого крупномасштабного изучения можно решать вопрос о прошлом Байкала и происхождении его органической жизни.

Работа «Основные пути разработки и корни разногласий в вопросе о происхождении и истории фауны и флоры Байкала» почему-то осталась ненапечатанной. Автор ее через два года умер. По этой неопубликованной работе можно судить, что взгляды Глеба Юрьевича на происхождение фауны Байкала в конце его жизни основательно изменились. Он уже значительно приблизился в них к тому, что утверждал Лев Семенович Берг. Произошло это под «напором» огромного фактического материала.

Верещагин признал, что основной родоначальницей байкальской фауны—современной, столь своеобразной является остаточная третичного периода. Свои прежние распри с Бергом по этому вопросу считал уже недоразумениями.

Но родословные корни животных, схожих в чем-то с морскими, пути их вселения в Байкал—все оставались для него загадочными.* Он был убежден—последнее тут

* Еще Б. И. Дыбовский предполагал—за долгую жизнь Байкала, в него вселились животные из окрестных водоемов. Приспосабливаясь к новым условиям жизни, они изменялись и порождали новые формы. После Дыбовского выдающиеся байкаловеды В. Ч. Дорогостайский, Л. С. Берг, Д. Н. Талиев, а в конце своей жизни и Г. Ю. Верещагин единодушно считали, что основная масса эндемичных животных возникла в самом Байкале. Появилась она от немногих родоначальных видов в послеледниковый период. Потому фауна Байкала молодая. Этот взгляд принят и современными байкаловедями.

слово скажут в будущем палеонтологи и геологи. Кроме Г. Г. Мартинсона, специальных поисков в этом направлении никто не вел в те годы, да и в последующие тоже. Находки окаменелостей были только попутными — случайными.

...Мнения людей, близко знавших Г. Ю. Верещагина, почти едины.

«Глеб Юрьевич был очень милым, добрым, деликатным человеком», — рассказывал о нем известный геолог Е. В. Павловский. Л. Ф. Форш писала: «Первое впечатление от этой встречи сохранилось до сих пор в моей памяти. Я знала, что Верещагин — профессор, директор станции и ученый с мировым именем, увидела же я высокого мужчину в простом свитере, в русских сапогах, с огромной шевелюрой вьющихся волос, с голубыми сияющими глазами. Меня поразила простота его облика и подкупающая простота в обращении с окружающими». Узнав Глеба Юрьевича поближе, была покорена тем, что «его творческая мысль работала непрерывно. Он стремился проникнуть во все тайны жизни водоема, ставил... все новые и новые задачи, для разрешения которых ранее не существовало ни разработанных методов, ни аппаратуры. До конца дней своих Глеб Юрьевич оставался страстным, порой доходившим до фанатизма исследователем». А. Я. Базикалова вспоминала: «Немалую роль в привлечении научных работников сыграли, конечно, энергия и энтузиазм Глеба Юрьевича, неутомимого популяризатора знаний о Байкале, умевшего зазечь всех, с кем ему приходилось иметь дело, особенно молодежь. Бывало, зацепившись за какой-нибудь новый факт, новую интересную находку, Глеб Юрьевич развернет такой широкий план работы, покажет такие блестящие возможности дальнейших исследований, выскажет такие смелые гипотезы, что каждому из его слушателей захочется сейчас же немедленно действовать и творить, не покладая рук, искать новые факты, создавать новые тео-

рии, словом, подобно Глебу Юрьевичу гореть настоящей творческой работой, превращающей научное исследование в высокое искусство».

В числе увлеченных Глебом Юрьевичем были: А. Я. Базикалова, Д. Н. Талиев, Л. Ф. Форш, К. И. Мейер, Н. С. Гаевская, Г. Г. Мартинсон, В. И. Жадин — все, кто с ним потом работал годами.

М. А. Фортунатов пишет: «При встречах с Глебом Юрьевичем непосредственно чувствовалось, какой интенсивной творческой жизнью жил этот яркий человек, всецело и безраздельно преданный науке. Ученый широкого диапазона сочетался в нем с фанатиком науки, готовым отдать все силы осуществлению любимой идеи и достижению поставленной задачи. Глеб Юрьевич был требователен к себе и к другим ученым, работавшим в области тех же проблем, которыми он занимался... Иные требования предъявлял Г. Ю. Верещагин к молодежи, работавшей вместе с ним в экспедициях. Здесь основным критерием оценки было наличие у сотрудника увлечения работой, живого интереса к теме или к объекту и идейного, а не «служебного» подхода к делу.

С любым человеком, в котором Глеб Юрьевич чувствовал искренний и бескорыстный интерес к науке... он был готов, не жалея времени и сил, делиться своим опытом и знаниями. Как бы ни был он перегружен работой (Верещагин обычно работал по 10—12, а нередко по 14 часов в сутки), охотно входил в детали темы каждого обратившегося к нему за помощью... Напротив, тех, в ком Верещагин чувствовал формальный служебный подход к науке, он остро ненавидел, глубоко презирал и часто не считал нужным скрывать своего отношения. К сожалению, полемическая страстность нередко приводила к конфликтам не только с бюрократами от науки, но также с добросовестными научными работниками и даже с крупными учеными, стоявшими на неправильных, с его точки зрения, позициях».

Мне очень хотелось разобраться в «странностях» натуры

Г. Ю. Верещагина. Весной 1972 года посчастливилось познакомиться с его личным фондом в архиве Сибирского отделения Академии наук СССР. В нем оказалась рукопись воспоминаний В. В. Меншуткина. Автор ее писал: «При одном упоминании имени этого человека что-то светлое, доброе и хорошее просыпается в моем сердце. Большой и неизгладимый след оставил в моей памяти этот человек... Громадный рост, пропорционально сложенная фигура, легкая походка человека, привыкшего больше к горным тропам, чем к городским тротуарам, позволяли узнать Глеба Юрьевича еще издали. Но наиболее замечательным было его лицо — обветренное, немного морщинистое, окаймленное жесткими, слегка вьющимися... темными волосами с проседью. Эти волосы были настолько густые, что, причесывая их сильным движением от лба к затылку, Глеб Юрьевич нередко ломал гребенки... Но что запомнилось всем и навсегда — глаза. Это были большие, добрые и внимательные глаза небесно-голубого цвета. Глаза эти говорили гораздо больше, чем все остальное лицо, в них светился ум, penetrability, неутомимая молодость, а иногда и мальчишеское озорство. Когда Глеб Юрьевич смеялся, смеялись прежде всего его глаза, они искрились радостью столь непосредственно, столь искренне, что ею заражались все окружающие...»

В. В. Меншуткин «напомнил», что Г. Ю. Верещагин свободно владел французским, немецким, польским, а на английском свободно читал, что в молодости он увлекался исследованием Кладоцер, «...как память об этих работах на его письменном столе лежал деревянный... нож, украшенный изображениями различных видов рачков Кладоцер...»

Глеб Юрьевич знал и глубоко понимал музыку, особенно симфоническую. Одним из любимых его произведений была увертюра к опере «Эгмонт» Бетховена. Звуки, издаваемые весьма несовершенным патефоном с деревянной иглой, так как стальных достать тогда было нельзя, очень отдаленно напоминали звучание симфонического оркестра,

но это была только необходимая канва, воображение очищало дребезжащие звуки, и мощная музыка великого композитора, полная героического пафоса и трагизма борьбы, заполняла все его существо — в эти минуты он отдыхал... глубоко и хорошо. Глеб Юрьевич хорошо чувствовал живопись и смотрел на природу не только глазами естествоиспытателя, но и художника. От него я впервые услышал о «Сикстинской мадонне» Рафаэля, которую он видел неоднократно в Дрезденском Цвингере».

«Ему всегда не хватало времени, ему всегда хотелось сделать намного больше физически возможного. В годы войны ему все время казалось, что он делает слишком мало для Родины по сравнению с теми, кто находился на фронте... Он вставал в 4 часа утра и ложился в 12 ночи. Он спал в кабинете, чтобы сократить до минимума непродуцибельную трату времени... Работать с Глебом Юрьевичем было интересно, но трудно. В работе он не жалел ни себя, ни других. И когда ему говорили, что работать так тяжело и даже вовсе невозможно, он отвечал: «А как же я?» В ответ обычно слышалось: «Так это ж вы!» После этого Глеб Юрьевич начинал сердиться, и диалог принимал для его собеседника неприятный оборот.

От сотрудников он требовал многого, и прежде всего любви к своему делу. Для него было просто непонятно, как можно работать и быть безразличным к своей работе».

Читала я эту рукопись и как живого представляла Глеба Юрьевича в разные моменты последних лет его жизни.

Идет сбор вещей для посылки на фронт одному из бывших сотрудников Байкальской лимнологической станции. Г. Ю. Верещагин отдает едва ли не последний свитер. «Велика была любовь его к людям. Каждое чужое горе он принимал близко к сердцу и стремился всемерно помочь. Свое же горе, как бы оно велико ни было — а во время войны у него погибла жена при эвакуации из осажденного Ленинграда... — он прятал очень глубоко в своей душе».

В годы Отечественной войны «Глеб Юрьевич явно голо-

дал, пайка не хватало его большому и могучему организму, работавшему все время с максимальной нагрузкой, но он ни за что не соглашался на большую долю, чем любой другой сотрудник или рабочий. Даже при малейшем намеке на то, что ему нужно больше, он сердился...»

Во дворе лимнологической станции находился небольшой участок, в основном из галечника. Он был так утопан, что лопата его не брала. Ученый брал кирку, становился на колени и «...сантиметр за сантиметром отвоевывал жизненное пространство под картошку». Выкопал и подполье для нее в своей квартире.

Поведав много хорошего о Г. Ю. Верещагине, В. В. Меншуткин написал и такие строки: «Все сказанное не должно создать у Вас впечатления, что Глеб Юрьевич был каким-то идеалом человека, «рыцарем без страха и упрека». Нет, Глеб Юрьевич был очень вспыльчив. В научные споры он вносил иногда излишнюю страстность, что мешало ему объективно оценивать те или иные вопросы».

С. Г. Лепнева пишет: «Это был не человек, но буря, просто буря!» «Прекрасная буря!» — добавим от себя.

В последние годы жизни ученого все более захватывала давняя мечта. Он собирался организовать изучение озер всего Союза, чтобы до конца раскрыть тайну происхождения всей континентальной пресноводной фауны. Но прежде надо было завершить все работы по Байкалу. Он спешит закончить рукопись своей популярной книги «Байкал».

В 1944 году Академией наук было решено создать в Ленинграде Всесоюзную лабораторию озероведения. Г. Ю. Верещагин торопится покончить со всеми делами, связанными с Байкалом, чтобы целиком отдаться организации исследования озер страны. И не успел. Ушел из жизни пятидесяти пяти лет. Оставил в наследство двести с лишним печатных работ и сто двадцать восемь рукописей. А станции — личную библиотеку: семь тысяч названий.

Печальную весть о смерти Глеба Юрьевича я узнала во время зимовки в устье Кичеры. Ее принес капитан рыбо-

ловного катера. Пришел он из Нижнеангарска расстроенный. Впервые увидела его таким. Посмотрел на меня скорбно и тихо сказал:

— Глеб Юрьевич Верещагин умер. Пятого февраля.

Я невольно вспомнила ту единственную, но памятную мне встречу с ним. Было это на ученом совете Иркутского университета. Нас, студентов, взбудоражила весть: на заседании совета будет бессменный директор Байкальской лимнологической станции Верещагин. Относились к нему в университете с глубоким почтением. Я с большим нетерпением ждала, когда он начнет говорить. И вот он встал, быстро провел рукой по голове. Раздумянился. Он начал рассказывать о делах станции. Увлеченно, живо. Его выразительная мимика, жесты делали рассказ еще более интересным и понятным. Потом он принялся горячо настаивать: пора из случайных, неприспособленных деревянных деревенских домов переводить станцию в специальные помещения. Надо строить их. Нужно иметь и «хорошее внешнее оформление». Почему-то запомнилась эта фраза. Запомнилось и подвижное лицо, его звучный, сильный, выразительный голос. Тогда Глебу Юрьевичу был пятьдесят один год. Энергия в нем еще была ключом. В ту пору он был уже известнейшим байкаловедом не только в нашей стране, но и во всем мире.

Он прославился прежде всего как непревзойденный организатор и руководитель комплексных исследований Байкала, впервые в истории озераведения поставленных с таким размахом в нашей стране. Ему принадлежал и мировой приоритет во всестороннем изучении вод этого озера — разных по своим физико-химическим свойствам в различных участках водоема; в обнаружении у берегов его более синих и прозрачных вод, поднимающихся с глубин во время длительных штормовых ветров.

Озероведы всей земли знали Глеба Юрьевича как выдающегося библиографа. Еще в 20-х годах он занялся составлением библиографии гидрологической литературы,

как отечественной, так и зарубежной. Большинству ученых он был известен как теоретик, посвятивший многие годы разработке проблемы происхождения животного и растительного мира Байкала. Исследованиям этого озера Глеб Юрьевич беззаветно отдавался до последнего дня жизни.

В 1972 году М. Г. Асхаев рассказал мне вот что. Встретил он Глеба Юрьевича вечером в овчинном длиннополом тулупе, в ватной самодельной шапке, надвинутой на самые глаза, лежащим на байкальском льду возле проруби. Дул холодный, пронизывающий ветер.

— Простудитесь! — невольно вырвалось у Асхаева.

— Нет! — рассмеялся Глеб Юрьевич. — Я привычный.

Он с увлечением начал рассказывать о наблюдениях за показаниями приборов, опущенных в прорубь.

Асхаев вернулся в дом, в котором занимал комнату, смежную с квартирой Г. Ю. Верещагина. Утром он встретил сильно взволнованного В. В. Меншуткина. Тот рассказал, что, разыскивая Глеба Юрьевича, пошел в кабинет. Но дверь оказалась закрытой. Тогда он заглянул с улицы в окно и увидел: сидит Глеб Юрьевич за столом, перед ним печатная машинка, сам откинулся на спинку стула, а голову уронил на плечо.

Забил тревогу. Пришел Д. Н. Талиев. Выломали дверь. Сердце больного еще билось, но сознание было потеряно. Через четверо суток Глеб Юрьевич, не приходя в себя, скончался. Похоронили его на кладбище, расположенном на горе, у самого обрыва, откуда открывается восхитительный вид на всю южную оконечность Байкала и величественный хребет Хамар-Дабан за ней.

Почти два десятка лет Глеб Юрьевич беззаветно отдал изучению Байкала, продолжая дело своего учителя Б. И. Дыбовского. Трудился так же одержимо, не зная отдыха, а в последние месяцы едва урывал для сна часа четыре, не более. Перед кончиной работал всю ночь напролет, печатая рукопись своей популярной книги «Байкал». По словам М. М. Кожова, он умер, как солдат на посту.

ДМИТРИЙ ТАЛИЕВ И АЛЕКСАНДРА БАЗИКАЛОВА

В один из летних дней 1931 года поезд из Владивостока подошел к Байкалу. Пассажиры тотчас прильнули к окнам вагонов. Среди них была молодая супружеская чета.

Это были научные сотрудники-биологи, возвращавшиеся с Дальнего Востока, Дмитрий Николаевич Талиев и Александра Яковлевна Базикалова. Не отходя от окна, супруги восхищенно любовались Байкалом. Потом размечтались: поработать бы на этом «Славном море»! Знали, что здесь, в Лиственичном, находится лимнологическая станция, руководимая всемирно известным озероведом Г. Ю. Верещагиным. Но штат научных работников на ней не велик, и вряд ли найдутся вакантные места. А все-таки решили попытаться счастья.

Некоторое время спустя судьба преподнесла им приятнейший сюрприз: двое сотрудников этой станции — Е. Крохин и Ф. Крогнус — уехали работать на Камчатку. Их места с доброго согласия Г. Ю. Верещагина и заняли супруги в 1932 году. Такой яркой весны они не видывали нигде. Сверкало все: вершины дальних гор, лед на Байкале и снег под ногами.

Когда же пришел расцвет ее, то принес новые очарования. Выглянешь из окна лаборатории — через дорогу виден Байкал. Он плещется, шумит прибойной волной, а в ясные дни сверкает искристой синевой. Если поднимаешься на гору, заросшую сосновым лесом, что круто вздымается сразу за двором станции, какой вид открывается на всю

ожную оконечность Байкала!.. Можно часами любоваться этой великолепной панорамой. То вдали синяя дымка неожиданно затушевывает собой подножие гор, и они как бы повисают над ней; то самые купола их накрываются причудливыми облаками, рождающимися в глубоких долинах между горами; то воздушная дымка меняет цвет от густо-синего до нежно-розового.

И сам Байкал иногда на глазах меняется поразительно. То он становится изумительно синим или зеленоватым, то вдруг темнеет, или вдали на нем появляется серебристое сияние. А когда освещается ярким солнцем, на его беспоконных волнах роями рождаются удивительно большие блики. Они вспыхивают, сверкают, как причудливые звезды, и тут же внезапно гаснут. На смену им появляются новые рои и тоже исчезают мгновенно. Что-то неотразимо чарующее в этом беспрестанном движении синеватой воды и ослепительного солнечного света на ней.

А пройдешь каких-нибудь полтораста метров от станции, как очутишься в узкой долине, стиснутой лесистыми крутыми склонами. Во всех здешних лесах немало дичи. Дмитрий Николаевич вскоре пристрастился бродить с ружьем в часы досуга.

Александру Яковлевну пленили здешние яркие цветы. Следующей весной она посадила многие из них под окнами своей квартиры. Потом семена их отослала знакомым в Ленинград, где они дали всходы, а растения эти прижились там надолго.

Но самое неожиданное, увлекательное открывалось молодым биологам в Байкале. В ту пору их первого знакомства с Глебом Юрьевичем он не однажды вспоминал свои встречи с Б. И. Дыбовским. Не раз увлеченно рассказывал, что сделано байкаловедами. И страстно, убежденно повторял: исследователь должен отдаваться науке всецело — беззаветно, ей подчинять все прочие интересы своей жизни! Только тогда сможет проложить в ней собственную тропу. В Базикаловой и Талиеве Верещагин чуть-

ем угадывал одаренных исследователей и был очень доволен, что судьба послала ему таких помощников.

Однажды вручил Александре Яковлевне для обработки рачков бокоплавов собственных сборов и тем предрешил ее путь байкаловеда. Он начал изучать их сам, но беспрестанно захлестывали другие дела и не доставало сил, чтобы это исследование вести с полным размахом. А судя по тому, с какой добросовестностью, тщательностью и увлеченностью Александра Яковлевна выполнила несколько его поручений в обработке проб, он решил, что можно ей доверить и эту важнейшую, притом кропотливейшую работу.

Давно и страстно он мечтал о популярном очерке о Байкале для широких кругов читателей. Но до него тоже не доходили руки: начал готовить фундаментальный — сводный труд о «Священном море». Потому предложил Д. Н. Талиеву поскорее написать общедоступный очерк «Байкал». Тут же вручил ему рукописи некоторых своих работ, материал которых мог быть им использован. Сказал, что в научно-популярной литературе нет ничего о Байкале, а интерес к нему не только трудящихся Сибири, но и всего Союза очень большой. Дмитрий Николаевич охотно согласился и с увлечением принялся за работу. Прежде прочел рукописи Глеба Юрьевича, затем первый том «Трудов Байкальской биологической станции», изданный в 1931 году, и рукописи второго тома, который готовился к печати.

Как-то под вечер, вернувшись с удачной охоты, он в необычайно приподнятом настроении начал писать задуманный очерк. У него было уже опубликовано несколько научных работ о рыбах Дальнего Востока и треске Белого моря, но за такую — популярную — брался впервые. В памяти одна за другой вставали картины изумительной красоты, виденной им на Байкале. Вспомнилась сарма, которую наблюдал в Малом море. Но как все это передать словами?..

«В Восточной Сибири между холодными горами да ершистыми падами распласталось Байкальское озеро. Озеро ли? Ведь поется же в песне о славном море Байкале, ведь зовется же Байкал Северное море и Святое...» писалось удивительно легко и радостно. Он торопился передать на бумаге людям то, что открылось недавно самому. Работал до глубокой ночи.

В один из следующих вечеров писал опять допоздна. Александра Яковлевна, сидя за соседним столом, с меньшим увлечением изучала научные работы о бокоплавах В. Ч. Дорогостайского. Дмитрий Николаевич описывал сарму, какой запомнилась навсегда: «Вот типичная картина шторма. Утро. Поверхность воды зеркальная и кажется покрытой маслом. Небосклон чист от облаков, и только в колючих буро-желтых уступах гор западного берега запутались тяжелые, плотные комки тумана, который как кисель сползает вниз. Воздух струится, солнце взошло выше. С берега потянуло настоящим зноем юга, но облака с гор сползли до самой воды. Еще минута — и вся тягучая, липкая масса странных облаков срывается в пучину озера и взлетает кверху ураганом водной пыли. Миг — и стена черной, как тушь, лохматой воды с кружевной оторочкой искрящихся брызг с молниеносной быстротой летит к восточному берегу. Все засвистело, загудело. На мгновение кажется, что ветер стихает, но через секунду он снова дует с удвоенной силой».

Проходил день за днем, Дмитрий Николаевич продолжал увлеченно работать над популярным очерком «Байкал».

Как-то в сумерках понес написанное на суд Глеба Юрьевича. Застал его за разборкой писем, которыми до отказа была набита большая папка. Тот принял рукопись и сразу принялся читать ее. Дмитрий Николаевич чувствовал себя школяром перед строгим экзаменатором. Но вот лицо Глеба Юрьевича осветила улыбка. Он был покорен

взволнованностью, лиричностью тона повествования и только приговаривал:

— Хорошо!.. Отлично!

Потом с жаром заговорил об участниках Академической экспедиции, работавшей на Байкале целое полудесятилетие. Написать бы еще о них!..

— Вот разбираю их письма, спешу, а не могу удержаться, чтобы некоторые не перечитать. И снова уношусь в те невероятно трудные, но счастливые дни! Видели бы вы, с каким энтузиазмом, с каким героическим самоотвержением работали тогда байкаловеды. Порой не получая ни гроша вознаграждения за свой труд,— он быстро ухватил длинными пальцами небольшую пачку писем, перевязанную серой тесемкой, и протянул ее собеседнику. — Помните статью Надежды Станислововны Гаевской «О морских элементах и фауне инфузорий оз. Байкал»? Так это ее письма.

Как было не помнить Дмитрию Николаевичу этой статьи. Толковали о ней не раз, да и с рукописью ее знакомился с немалым интересом. Он принял письма Гаевской и начал читать то, что лежало сверху.

«Глубокоуважаемый Глеб Юрьевич!

Чрезвычайно обрадовалась добрым вестям от Вас. Дай бог, чтобы вправду уж можно было вздохнуть экспедиции немного свободнее. Вашим предложениям поехать на зимнюю работу на Байкал обрадовалась тоже чрезвычайно... Я постараюсь поэтому изо всей мочи, чтобы сдвоили мои занятия, но тогда я, ввиду разных учебных соображений, должна выехать точно числа 7—10 февраля из Москвы. Как Вы полагаете, можно ли рассчитывать на то, чтобы к 15—17 февр. работы производились у Маритуя. Как Вы понимаете, мне нужно так будет устроиться с матерьялом, чтобы не пропадало часа без работы, так как уехать я могу на 4—5 недель, из них 2 на дорогу, так что остается для работы совсем немного... У меня душа ликует от радости, когда я думаю, что быть может удастся поехать...

Домочадцы в порядочной панике и предсказывают гибель от мороза».

Дмитрий Николаевич уже слышал, что Гаевская работает в Московском университете. Из этого письма узнал: чтобы отлучиться на Байкал в зимнее время, ей надо было вдвое быстрее закончить занятия со студентами.

Еще одно ее письмо приковало его внимание.

«Многоуважаемый Глеб Юрьевич!

Большое спасибо за присланные вещи и за деньги для одежды. Моя душа несколько смутилась, сказать правду, этими последними: ведь у экспедиции не так их много, и я побаиваюсь, как бы не было это отягчительно. Еще раз очень благодарю. Я собираюсь выехать в конце февраля. Москва не оскудевает начинающими гидробиологами, желающими увидеть Байкал и поработать на нем. Со мной поедет мой ученик, Глеб Дмитриевич Гончаров... Он едет на свой счет... Он будет помогать мне во всех случаях жизни на Байкале вообще и в особенности будет помогать при препаровке матерьяла... Так рада, что еду. Гончаров ужасно как радуется, что беру его с собой. Я уже отрабатываю двойную порцию служебной работы и очень устаю, поэтому не писала Вам долго». Дмитрий Николаевич бережно положил это письмо на стол и отыскал в пачке то, что судя по дате, было писано уже с Байкала.

«Многоуважаемый Глеб Юрьевич, и дорогой, милый Тamarиск! Пишу оптом, так как дела так много, что все равно двух писем не написать. Мы с Гл. Дм. здесь четвертый день. Началась счастливая, чудесная жизнь. Приехали в среду вечером, а в четверг утром поехали на санях на 1175 м. прорубь и уже сразу имели большой матерьял. Ловушки налажены хорошо, берутся чередом, так что в матерьяле ни разу задержки не было. Мы берем себе приблизительно $\frac{1}{4}$ добычи и $\frac{3}{4}$ фиксируем для общеэкспедиционных сборов. И то еле успеваем иногда справиться, так как матерьял по простейшим пока очень

обильный... На трассе, конечно, очень тяжело работать. — А в конце письма. — Стоит чудесная солнечная погода. До нас были сильные до 40 градусов морозы. Теперь сразу потеплело и больше 20 не было... Мы очень много работаем... Я сплю в лаборатории, а Г. Д. с Ивановыми. И все хорошо. Мне лично ничего на свете сейчас не надо, Г. Д., кажется, тоже».

Дмитрий Николаевич перечитал последнюю фразу с чувством доброй зависти к Гаевской. Подумал: «Да, о таких исследователях надо бы рассказать читателям. А еще лучше — описать историю исследования Байкала Академией наук».

А Глеб Юрьевич с нотками горечи заговорил о том, что у них на станции скопилась уже тьма необработанного материала:

— Это своего рода «клады за семью замками». Отмыкать их недоставало специалистов. Приходилось иногда прихватывать со стороны. Вот профессор В. Н. Беклемишев из Перми со своей помощницей Фридман начал изучать байкальских плоских червей планарий. Сначала сборы Месяцева 1917 года, потом нашей Академической экспедиции. И обнаружил не только новый вид, но целый отряд! Как писал Беклемишев, это находка выдающегося интереса: новая группа в Байкале и еще пример гигантизма. Но эта работа так и осталась незавершенной.

Да одни ли плоские черви еще не изучены? Целые группы байкальской фауны даже не тронуты обработкой. Что они таят в себе? Все может быть, как свободно живущие инфузории, изученные Гаевской формы, родственные морским. А такие организмы представляют исключительный интерес для решения проблемы происхождения байкальской фауны и флоры.

Тут Глеб Юрьевич, как говорится, сел на своего конька и пошел расписывать заманчивые перспективы, которые открываются перед исследователем, увлеченным решением этой проблемы. Сам он больше всего был занят

ею. Дмитрий Николаевич слушал его с затаенным волнением.

Верещагин заговорил о байкальских бычковых рыбах. Он и занимался изучением биологии голомянки — удивительной представительницы этого семейства.

— Еще Бенедикт Иванович Дыбовский, — проговорил он, — открыл у бычковых поразительную видовую изменчивость. Эта группа байкальской фауны — одна из интереснейших. Но тоже не изучена... Вы ихтиолог. Имеете уже некоторый опыт исследовательской работы. А не взяться ли вам за всестороннее изучение бычков-подкаменщиков?.. Правда...

Дмитрий Николаевич не дал ему договорить.

— Я уже думал об этом.

— Вот и хорошо! — обрадовался Глеб Юрьевич. — Веритесь! Не пожалеете!..

Дмитрий Николаевич, несмотря на свою молодость, — ему исполнилось двадцать четыре года, — обычно бывал уравновешен, спокоен. В его движениях ничего резкого, стремительного. Лицо с мягкими чертами и часто освещалось приветливой улыбкой. Но когда он был серьезен, улыбка пропадала и взгляд становился глубоко сосредоточенным, как сейчас.

А Глеб Юрьевич принялся с жаром толковать, что скоро закончится постройка исследовательского катера. На нем сотрудники станции смогут заниматься не только сбором материалов в любом районе Байкала, но тут же и обрабатывать его. На катере будут оборудованы лаборатории: большие надежды возлагал на него. Уже и название было придумано — «Бенедикт Дыбовский».

Минула неделя. В своем очерке Дмитрий Николаевич не добавил ни строки. Начались муки творчества. Совсем не те, что у писателей, когда они не могут подыскать емких слов для выражения чувств, мыслей своих героев или собственных. Муки были совсем иные. Закончив общую описательную часть, начал было переходить к специаль-

ной и тут застопорило. Он успел уже проштудировать уйму материала, который теснился в голове. Но эта масса закупоривала себе выход, едва брался за перо. Обессиленный от бесплодных попыток излить в той форме, в какой начал повествование, бросал его.

Однажды после беседы с Глебом Юрьевичем, который сообщил новые, еще не опубликованные сведения о байкальских волнах, Дмитрий Николаевич поспешил кратко записать их. Когда перечитал — понравилось. Тут и решил, что писать обо всем остальном надо так же просто, сжато. Иначе в книгу не втиснуть всего, что необходимо. Она должна быть по объему не очень большой. Такая скорее увидит свет, чего так жаждал Глеб Юрьевич.

Как-то вечером, когда дневная работа в лаборатории была окончена и все домашние дела тоже, Дмитрий Николаевич и Александра Яковлевна устроились за своими рабочими столами. Начинались для них лучшие часы суток. В квартире полная тишина. Изредка ее нарушали сами работающие, чтобы перемолвиться друг с другом. Александра Яковлевна, читавшая работу Б. И. Дыбовского «Гаммариды озера Байкала», не удержалась — обратилась к мужу:

— Послушай, что он пишет: «...нужен еще будет труд многих сил, прежде чем фауна Байкала сделается вполне известною... Когда перед нами находится такое множество видов, мы все-таки должны сознаваться в том, что знаем лишь частицу всей фауны этого озера». Писал он в 1872 году.

Но и теперь... Хотя экспедиции Коротнева и Верещагина провели колоссальные исследования, известно далеко еще не все. Иногда читаю и думаю: фауна Байкала — как пучины его: столько в ней еще скрыто тайн!..

— Да! — живо отозвался Дмитрий Николаевич. — И все манят.

Александра Яковлевна продолжала читать: «...материал... краткое извлечение из которого я передаю теперь

в печать с искренним желанием, чтобы наши исследования побудили других лиц приступить к таким же изысканиям с большими средствами и распространением их на большие территориальные пространства, причем они могли бы высказать в полном блеске богатство этой до сих пор заброшенной фауны — бокоплавов».

— С этими словами он будто обращается к нам, его последователям. Дима! Сегодня... Глеб Юрьевич предложил мне заняться обработкой всех проб бокоплавов, которые скопились за годы на станции. Изучить их всесторонне, дать монографическое описание. Глеба Юрьевича больше всего интересуют древние — исходные виды, родственные морским. Исследование захватывающее, огромное, но... браться за бокоплавов после Дыбовского и Дорогостайского мне? Боязно!.. Работы на многие годы. Достанет ли терпения довести до конца?

— Твоего-то? Я всегда завидую тебе! Разве ты уже не просиживаешь дни напролет за обработкой бокоплавов?

Назавтра вечером Дмитрий Николаевич начал читать рукопись Г. Ю. Верещагина «К вопросу о происхождении и истории фауны и флоры Байкала». Он так увлекся, что едва не поминутно обращался к жене с нетерпеливым — «послушай». Александра Яковлевна тоже была захвачена тем, о чем повествовал автор.

— Это — для тебя! — многозначительно предупредил Дмитрий Николаевич. И начал читать о рачках бокоплавах. Описано их было из Байкала уже свыше 300 видов из 66 родов. Глеб Юрьевич считал, что систематика их требует коренной переработки. Большое количество видов должно быть сведено в меньшее. А также — установлены их родственные связи с ближайшими формами, обитающими в иных местах, чего еще никак не делалось. Дмитрий Николаевич внезапно умолк и обратился к жене:

— А ведь эта переработка ляжет на твои плечи. Ну, конечно! Сначала изучишь весь огромный материал по

бокоплавам, потом пересмотришь их систематику. Это же неизбежно. Грандиозное исследование!..

Он продолжал читать про себя, а некоторое время спустя проговорил:

— Любопытно о рыбах. Глеб Юрьевич убежден, что омуль — выходец из Северного Ледовитого океана. Спорит с академиком Бергом о бычковых и голомянковых. Тот их тоже изучал и пришел к заключению: байкальские бычки по ряду признаков приближаются к морским. «Нельзя отрицать, что (они) носят морской отпечаток, но не следует забывать, что упомянутые формы являются глубочайшими пресноводными рыбами... так что сходство с морскими формами можно объяснить, как результат конвергенции». — Развитием в сходной среде. Но... хотя глубины в Байкале морские, а вода-то в них несоленая — вот ведь в чем главное несходство среды.

Глеб Юрьевич возражает Бергу: не все бычковые и голомянковые глубоководные. К тому же глубины Байкала сравнительно недавнего происхождения (с конца третичного периода); а за такой промежуток времени у байкальских бычковых рыб не могли выработаться черты, которые позволили выделить их в два особых семейства и сближать с морскими формами. Потому остается предположить лишь одно: сходство байкальских бычковых с морскими зависит не от чего иного, как от морского их происхождения.

— Как тебе показалось? Кто прав? — спросил Дмитрий Николаевич. — Вроде бы оба. А доказывают противоположное. Я думаю, что в споре Берга и Верещагина чего-то не хватает... в самих методах исследования. Вот если бы... как в химии — поставил опыт и точный результат налицо. А тут получается все-таки гадательно...

— Да, — согласилась Александра Яковлевна.

...Настал долгожданный день: на воду спустили новенький деревянный катер «Бенедикт Дыбовский». Вско-

ре Дмитрий Николаевич отправился на нем в экспедицию. Он начал изучать бычков-подкаменщиков. Вернулся домой только осенью. Сразу же взялся за неоконченный очерк «Байкал». В декабре «подналег», и наконец-то рукопись была завершена.

С чувством удовлетворения он перечитал последнюю страницу. «О Байкале существует громадная литература — целая Байкалида, состоящая больше чем из тысячи названий, но большинство из напечатанных о Байкале работ представляет собой сравнительно небольшие статьи, посвященные какому-либо узкому специальному вопросу, а работ монографического характера, дающих общее представление о том, что такое Байкал, еще не появлялось за исключением хорошей, но недостаточно полной сводки наших знаний о Байкале Иогансена, появившейся в 1926 г. в издании Мюнхенского географического общества». Автор рукописи был не только доволен, но и горд тем, что написал первую популярную монографию о Байкале. Она была издана в следующем, 1933 году в Иркутске.

Теперь его ничто не отвлекало и, отработав день в лаборатории, вечера просиживал за чтением специальной литературы, чаще на иностранных языках. Он знал немецкий, английский и французский. Как-то в заграничной печати попала ему статья, которая, мало сказать, — обрадовала.

Дмитрий Николаевич торопливо достал записную книжку, карандаш и начал выписывать все, что показалось особо значительным. Прежде о том, что ученый П. Уленгут еще в 1901 году с помощью особо тонкого и сложного опыта, названного реакцией преципитации, устанавливал родство животных «по крови». Позже этот метод усовершенствовали. А двадцать с лишним лет спустя ученый К. Ладштейнер уверял, что филогенетическое дерево всего животного царства можно построить только на данных реакции преципитации.

Д. Н. Талиев чувствовал себя человеком, получившим в руки ключ от кладовых с неизвестными сокровищами. Ведь с помощью этой реакции можно будет ставить точные опыты по выяснению родства загадочных байкальских животных! Совершенно, как в химии: провел реакцию и результат безошибочный! И никаких гаданий!.. Вдохновенно он толковал жене об этом в тот вечер и увлек ее своей идеей.

С того дня началась у них лихорадка нового научного поиска, захватившая на многие годы. Прежде раздобыли кроликов, потом не без труда достали нужный материал с Каспия, начали исследование. Но как им не хватало нужного оборудования и специальной лаборатории!.. Постепенно их общая комната загромождалась штативами с пробирками, напоминая химическую.

Александра Яковлевна вырезала кусочки из тела губок, тщательно растирала пестиком в фарфоровой ступке, пока не получалась каша. Добавляла в нее физиологического раствора поваренной соли. Потом выдерживала сутки на льду, фильтровала, — получала антиген. Его вливали в ушную вену кролику по двадцать кубиков через каждые три-четыре часа. Тут уж приходилось дежурить в лаборатории сутками напролет, подменяя друг друга. Только дней через восемь в теле кролика в ответ на введенный чужеродный белок вырабатывалась иммунная сыворотка. Если она оказывалась достаточно сильной, то могла реагировать с антигеном, взятым от животных, родственных первому. И начиналось предельно волнующее. В лаборатории, идеально чистой, Александра Яковлевна и Дмитрий Николаевич в белоснежных халатах, вооружившись пипетками, продолжали опыты. Наступало томительное ожидание, нередко длившееся часами. Иногда на границе антигена и сыворотки, прилитых с величайшей осторожностью друг к другу по каплям, показывалось мутное кольцо. То был верный признак, что между изучаемыми животными есть кровное родство; чем

оно ближе, тем реакция преципитации проходила явственнее.

Кроме губок, они исследовали многощетинкового червя тюленя. Установили: губки байкальские гораздо ближе по родству к некоторым каспийским, чем к пресноводным. А байкальский тюлень оказался в самом близком родстве с тем, что обитает в Ледовитом океане.

Не терпелось молодым первооткрывателям поведать о начальном успехе, вдохновившем их на годы самоотверженных поисков. Вместе написали небольшую работу «Предварительные результаты сравнения фауны Байкала и Каспия при помощи реакции преципитации». Отправили ее в «Доклады Академии наук СССР», где она и увидела свет в 1934 году. Это было первое в России исследование такого рода.

И не только оно увлекло их: Александра Яковлевна продолжала изучать рачков бокоплавов, а Дмитрий Николаевич бычков-подкаменщиков. Зимой — в лаборатории, летом — на Байкале. Теплую пору года они обычно проводили в экспедиции на катере «Бенедикт Дыбовский». Жизнь в плавучем «доме» так пришлась им по душе, что иной и не желали. Днями она была наполнена интереснейшей работой, а вечерами — отдыхом среди первозданно величественной природы.

Вернувшись из экспедиции 1933 года, Дмитрий Николаевич обработал собранный впервые им ценный материал о возможном промысле бычков. Дал предварительное сообщение в печать. Он впервые привел данные о количественном составе отдельных видов бычков, о жизни их на определенных грунтах. В том же году опубликовал еще статью о них, в которой описал новые формы, открытые им. Одну из них назвал верещагини, другую — александрэ. Не отставая от мужа, и Александра Яковлевна напечатала две статьи по систематике бокоплавов.

Минуло несколько лет. В квартире Талиевых теперь звенел голосок сынишки Сережи. Дмитрий Николаевич

начал немного полнеть. В остальном жизнь их не изменилась и шла прежним чередом. Оба стали знатоками своего дела. Как в былые годы, днями просиживали в лаборатории. У Дмитрия Николаевича появился преданный помощник Евгений Алексеевич Коряков — приятный, скромный и немногословный человек, всей душой стремившийся к науке. Он безотказно работал лаборантом.

Жизнь исследователей была очень напряженной. Человеку непосвященному и вообразить-то невозможно, какую титаническую работу они проделывали. Без усталости корпели днями, месяцами и годами, изучая внешнее и внутреннее строение многочисленных представителей разных видов и разновидностей, сравнивая их между собой, устанавливая родственные связи между ними, то и дело прибегая к реакции преципитации. У Дмитрия Николаевича объекты изучения были крупными. Александре Яковлевне приходилось исследовать бокоплавов обычно под лупой. Надо было подсчитывать бесчисленные волоски, придатки тела, членики в них, щетинки и прочее, что имело значение в систематике. Притом ведь у тысяч и тысяч экземпляров! Просто нечеловеческое терпение, настойчивость надо было иметь Александре Яковлевне, чтобы десятилетие с лишним посвятить изучению бокоплавов, а Дмитрию Николаевичу исследованию бычков. Притом в последние годы писали и свои всеобъемлющие монографии по изучаемым животным, равных которым еще не бывало.

Как в прежние годы, вечерами они усаживались за своими рабочими столами. И, как прежде, отрываясь от работы, нередко начинали разговор. В последнее время все чаще о происхождении байкальских бокоплавов и бычков-подкаменщиков. Иногда спорили. Если тут случался Сережа, то страшно удивлялся: он привык к миру и ладу между родителями. Их дискуссии он запомнил навсегда. Правда, как понял позже, они касались частных вопросов, а в главном взгляды родителей были едины.

Стояли последние дни ноября 1943 года. В один из них Александра Яковлевна работала в лаборатории и от времени до времени с тревогой поглядывала в окно на бушующий Байкал. Судя по телеграмме, еще неделю назад муж с Михаилом Асхаевым отправились из Нижнеангарска, из Северо-Байкальской экспедиции. Но их все нет. Уж не случилось ли что в пути? Штормы-то в эту пору на Байкале самые свирепые...

В волнении потирая висок, она продолжала просматривать вступление к недавно оконченной своей рукописи монографии «Амфиподы озера Байкал». Кое-что вычеркивала или добавляла, отшлифовывала фразы. Чем дальше продвигалась работа, тем больше внимание Александры Яковлевны сосредоточивалось на самом содержании.

«Обработанные нами обширные сборы показали,— медленно читала она,— что даже качественный состав фауны бокоплавов Байкала еще не до конца изучен, и в каждом новом материале мы находили все новые формы: в результате обработки материалов Б. Э. и БЛС (Байкальской экспедиции Академии наук и Байкальской лимнологической станции. — А. Г.) мы имеем несколько десятков новых видов и разновидностей. Кроме того, этот новый материал заставляет по-новому подойти к вопросу о взаимоотношении отдельных родов и групп амфипод в Байкале, вопросу, которого вплотную, в сущности, еще никто не касался... Точно так же впервые произведено детальное сравнение байкальских бокоплавов с бокоплавами из других водоемов на основании морфологических данных с целью выяснения их генетической близости к тем или иным формам». В этом отрывке она не правила ничего и продолжала читать, продумывая каждую фразу.

Дальше во вступлении говорилось, что обработано было свыше тысячи шестисот проб. И эти материалы дали возможность судить о бокоплавах, населяющих все районы и глубины Байкала, а также об ангарских от ис-

тока до Большой Мамыри, на протяжении почти шестисот километров. А кроме того — пересмотреть всю систематику бокоплавов. В результате — «...зарегистрировано 37 родов, 230 видов и 58 разновидностей бокоплавов, из них 8 родов частью описываются впервые из ранее существовавших, 50 видов 18 разновидностей описаны вновь».

Закончив просмотр вступления, Александра Яковлевна с чувством удовлетворения и радости, что завершена многолетний труд, бережно уложила рукопись в две папки.

Назавтра перед заходом солнца катер «Бенедикт Дыбовский» пристал к причалу, весь покрытый ледовой корой.

В тот вечер Талиев с воодушевлением рассказывал жене: на севере Байкала уже всюю освоили промысел бычков. Значит, не напрасно ратовал за него в печати и в прежние годы организовал три специальных промысловых экспедиции. Еще говорил о промысле налимов, которых немало привезли для изучения.

Выслушав, Александра Яковлевна показала ему завершенную рукопись. Дмитрий Николаевич взволнованно произнес:

— Как я рад за тебя!

Потом они заговорили о самом волнующем для обоих: о происхождении бокоплавов, бычков и всей байкальской фауны. Александра Яковлевна полистала свою рукопись и прочла выдержку; в ней говорилось, что наибольшее количество видов, родственных байкальским бокоплавам, находится в Каспии. Но... «Сходство байкальских и каспийских форм этого типа в большинстве случаев не объясняется сходством условий их существования. Таким образом, мы склонны объяснять его не конвергенцией, а генетической близостью». Это было явным отрицанием точки зрения академика Л. С. Берга, которого они с Дмитрием Николаевичем глубоко почитали как ученого.

Но где же искать корни родства байкальских живот-

ных с каспийскими? От каких общих форм произошли те и другие? Какими путями они очутились в столь отдаленных водоемах? То были вопросы, над которыми бились крупнейшие ученые десятилетиями, не находя вразумительного ответа. Не нашла его и Александра Яковлевна, хотя пыталась.

Через несколько дней после возвращения Дмитрий Николаевич с Михаилом Асхаевым соорудили жиротопку. В ней получали жир из печени налимов, привезенных из экспедиции. Вскоре стали отправлять его как ценное лекарство в госпитали Иркутска.

Прошло немногим более года. Монография А. Я. Базикаловой «Амфиподы озера Байкал» была напечатана в очередном номере «Трудов Байкальской лимнологической станции» под редакцией Г. Ю. Верещагина. Для Александры Яковлевны это было настоящим праздником, венчавшим лучшую полосу ее жизни.

Глеба Юрьевича тогда уже не было в живых. Директором станции стал Дмитрий Николаевич, прежде бывший заместителем его. Хлопот и забот ему прибавилось. И работа над рукописью монографии о бычках-подкаменщиках стала подвигаться медленно. Иногда мешало и нездоровье. Принимался за нее в своем директорском кабинете чаще утрами, но отвлекали каждодневные дела станции. Понемногу пропадало особое — приподнятое настроение, без которого не мог писать. Тогда с досадой прятал рукопись в шкаф и брался за иное.

Вот только дома вечерами да по выходным дням мог вполне отдаться творческой работе. И не замечал за всеми делами, как летело время. Недавно закончил главу о горизонтальном и вертикальном распространении бычковых рыб в Байкале. В ней рассортировал бычков по местам их обитания, как в свое время сделал это В. Ч. Дорогостайский для ведущих групп байкальской фауны. Еще в прежние годы удалось установить: среди бычковых рыб встречаются неумомимые путешественники, как оба

вида голомянок. Доводилось вылавливать их повсюду в Байкале от поверхности до самых больших глубин. Но большинство видов бычков жило в определенных районах озера. А в прибрежье Ушканьих островов удалось обнаружить два новых эндемичных их вида.

И, пожалуй, самое примечательное открылось в том, что представители одного подсемейства этих рыб обитают в основном в южном Байкале и отчасти в среднем, а другого, в большинстве своем,— в северном. Причем, преобладающее большинство в обоих составляют формы примитивные. Все это — результат исторического их развития, начальные стадии которого, несомненно, протекали в разобщенных водоемах. Притом в недавние геологические времена, судя по данным геоморфологии.

В последнее время Дмитрий Николаевич был всецело поглощен подготовкой к работе над четвертой главой монографии — просматривал свои дневники, черновые наброски, изучал литературу. Глава посвящалась проблеме происхождения байкальских бычков. Разрешению этой проблемы он отдал годы напряженного труда.

Заново изучил скелеты бычков разных видов по великоленным рентгенограмкам. Для установления родственных связей между ними применил реакцию преципитации, провел бесчисленные исследования внешнего и внутреннего строения этих рыб. Прodelал прямо-таки гигантскую работу и был вполне вознагражден за нее. Постепенно ему открылось: фауна байкальских бычков совсем молодая! Тоже эндемичная и почти целиком возникла в этом озере от немногих исходных форм, вероятнее всего от трех.

Рыбы эти относятся к отряду колючеперых, наиболее молодому среди костистых. Ученый Ромер считал его господствующим ныне в морях. Но такой авторитет, как Г. Ю. Верещагин, почти всех эндемичных животных Байкала относит к древнейшим, возникшим в самом озере за долгую жизнь его. Ох, как нелегко будет спорить

с ним и опровергать его мнение! Он был уже вполне уверен в правоте своей.

Давным-давно заинтересовали его примечательные особенности байкальских бычков-подкаменщиков. Во внешнем их облике и во внутреннем строении у них сохраняются детские черты: карликовый рост, небольшой рот, удлинённые глаза; на теле рисунок, как у мальков. У них выпадают конечные стадии в зародышевом развитии. Не достигнув полной зрелости, бычки начинают размножаться как бы в отрочестве. Такие организмы в науке называли ювенильными. Но самое примечательное в том, что ювенильные формы очень пластичны. У них как бы расшатана наследственность. Потому хорошо приспосабливаются к резко изменяющимся условиям среды, в которых представители устоявшихся видов обычно гибнут. Они нередко дают новые формы, притом вполне развитые. А больше всего встречаются в фаунах молодых, бурно развивающихся.

Однажды, в воскресенье, Дмитрий Николаевич вышел на задворки станции и начал подниматься на гору. Хотелось поразмяться, отвлечься хотя бы ненадолго от раздумий — отдохнуть. На крутом склоне у него вскоре появилась одышка. В последний год изрядно донимала нездоровая полнота.

Он остановился и начал обозревать Байкал. Вид отсюда открывался восхитительный — на всю южную котловину озера. Созерцая ее, Дмитрий Николаевич мысленно как бы увидел скрытую жизнь бычковых рыб в пучинах озера. Постоял немного. Потом, стронувшись с места, грузный, высокий, тяжело ступая, начал прохаживаться вдоль склона горы, погружаясь в размышления. Внезапно остановился, торопливо достал книжечку, карандаш и начал записывать: «Итак, очевидно, что наше предположение о происхождении вполне развитых видов байкальских бычков от видов ювенильных является вполне реальным».

Опять сдвинулся с места и, шагая не спеша, раздумывал, что для решения всей проблемы происхождения байкальской флоры и фауны прежде всего необходимо построить родословные деревья отдельных групп животных и растений. Затем спроецировать их на экраны времени и пространства. Думал и о том, каких усилий, сколько времени понадобится исследователям для того. Сам-то затратил полтора десятилетия, чтобы построить единственное родословное дерево — бычковых рыб.

Он заспешил с горы вниз и, вернувшись домой, тотчас достал общую тетрадь. Начал писать о формировании бычковых рыб в пределах современного Байкала. Сначала о том, что все многочисленные виды байкальских бычков-подкаменщиков произошли, по-видимому, всего от трех исходных форм, которые проникли в район Байкала в прошлом по текучим водам и в сравнительно недавние геологические времена.

Он работал, не отрываясь, несколько часов сряду — до изнеможения. С увлечением приводил доводы, что представители многочисленных видов двух подсемейств бычковых возникли в границах современного Байкала и в сравнительно недавнее геологическое время. В южной котловине озера водятся в основном бычки одного подсемейства, а в северной — другого. И в обоих преобладают формы примитивные. Это доказательство того, что первоначальное их развитие шло в разобщенных котловинах озера и свидетельство — предки байкальских бычковых рыб не могли обитать в водоемах Прибайкалья в более древнее — плиоценовое время. Иначе плиоценовые их формы встречались бы как в южном, так и в северном Байкале.

После этого — основного довода он начал приводить следующие. Байкальские бычки питаются почти исключительно гладкими бокоплавами, и расселение их по озеру шло бок о бок с ними. Но и сами они служили пищей хищным рыбам. Потому лучше всего приспособились к

жизни на глубинах до двухсот метров, где их враги встречались в наименьшем количестве. И что примечательно: в самой глубокой — абиссальной зоне не встречаются примитивные формы бычковых рыб. Значит, в них фауна бычковых не древняя. И сами эти глубины по происхождению своему относительно молодые.

Применив трудоемкий вариационно-статистический метод, Дмитрий Николаевич давно открыл, что наибольшая индивидуальная изменчивость наблюдается как раз у углубоководных форм бычков. Они до сих пор, изменяясь, порождают новые формы.

Время шло. Дмитрий Николаевич почти ежедневно заживался допоздна. Покончив с вопросом развития бычковых в Байкале, взялся за следующий — становление их семейства. Показать, что все многообразие бычков-подкаменщиков возникло в самом Байкале — это еще половина дела. Они были представителями семейства колючеперых рыб. Когда и где оно возникло?.. Для себя ответ он нашел давно. Конечно, не первым занялся местами их обитания. Много раньше П. Ю. Шмидт и А. П. Андрияшев установили, что центром возникновения этого семейства была северная часть Тихого океана.

Исходя из этого, Дмитрий Николаевич начал собирать в литературе данные о расселении видов колючеперых рыб в умеренных и холодных водах не только Тихого океана, но отчасти и Атлантического. Вот тогда-то ему наглядно представилось: в Беринговом, Охотском и Японском морях обитает куда больше видов бычковых рыб, нежели у восточного берега Тихого океана, северной Атлантики и в морях Арктики. В этих окраинных морях местными были не только их виды, но целые роды, причем наиболее богатые видами. Это было первое — общее представление. А дальше он пришел к твердому убеждению, что местом возникновения семейства колючеперых рыб, а также бурного их видообразования были прохладные воды дальневосточных морей: Берингова, Охотского,

Японского и в сравнительно недавние геологические времена. Доказательств тому он нашел достаточно. Потому писал уверенно.

День шел за днем. Они были заняты у него большей частью обычными, служебными делами. А вечера, когда ничто не отвлекало, наполнены напряженной работой мыслей, доставлявшей ему большое удовлетворение. Теперь его снова и всецело захватила проблема, которой несколько лет назад посвятил специальную работу. Это о причинах и темпах такой эволюции байкальских бычков, при которой наблюдается бурное рождение новых форм. Тогда решал ее узко: лишь для одного замкнутого водоема. Теперь она вставала куда в большем масштабе для окраинных восточных морей недавнего, тектонического происхождения. В них тоже, как в Байкале, происходило усиленное видообразование и даже у таких древних животных, как иглокожие, но особенно бурно в группах молодых по происхождению. К последним относилось и семейство колючеперых рыб.

В один из вечеров, после ужина, Дмитрий Николаевич уселся поудобнее за рабочим столом. Некоторое время раздумывал.

Потом встал, подошел к шкафу с книгами и отыскал нужный том «Докладов Академии наук СССР», а в нем работу В. П. Колесникова «О закономерностях развития замкнутых водоемов». Несколько лет назад она совершенно пленила его новизной и широтой взглядов автора. Сейчас задумался. Он и сам в 1940 году писал об усиленном видообразовании у животных в замкнутых водоемах тектонического происхождения.

Но как такие водоемы могут влиять на усиление видообразования у животных, населяющих их?.. Раздумывая о том, он откинулся на спинку стула. Напротив, на стене, висел портрет Л. С. Берга. С него смотрели зоркие светлые глаза под густыми, взлохмаченными бровями. Незабываемые глаза человека выдающегося ума и одер-

жимо страстной натуры. Еще в то время, когда довелось работать с ним в 1939—1941 годах в зоологическом институте Академии наук СССР, он покорила навсегда как человек и труженик. Сейчас Дмитрий Николаевич начал мысленно делиться с ним своими соображениями о только что написанном, хотя они и шли вразрез со взглядами самого Льва Семеновича. И заранее предвидел его возражения.

Еще не один вечер провел он за рабочим столом, пока не обосновал вывод, что в водоемах тектонического происхождения, какими были дальневосточные моря, шло довольно интенсивное и быстрое видообразование в различных группах животных и прежде в семействе колючеперых рыб.

Минула осень, зима, была уже в разгаре весна, а Дмитрий Николаевич все еще не мог закончить самую трудоемкую для него четвертую главу своей монографии. Давали знать себя усталость, перенапряжение умственных сил. Работа подвигалась все медленнее. Часто подводило и нездоровье. Надо бы лечиться, но все некогда!..

А годы шли. Наступил уже пятидесятый. Александра Яковлевна тоже продолжала заниматься исследованиями. Теперь была увлечена изучением ювенильных форм у гаммарид. Писала научную работу о них. Дмитрий Николаевич в последнее время был занят описанием родства байкальских колючеперых рыб с теми, что водились в морях. На основе детальнейших анатомических исследований байкальских бычков и представителей этого семейства из других водоемов ему удалось установить: примитивные байкальские формы явно родственны одному сахалино-амурскому виду бычков, более отдаленному японо-китайскому, а также и чисто морскому.

Он подробно описал черты сходства между ними и продолжал о том, что Грацианов еще в 1907 году сделал предположение: сахалино-амурский вид является ближайшим родичем байкальских эндемичных колючеперых рыб.

«И вот примерно через полустолетие мы пришли к такому же выводу...» Вспомнилось ему, что Л. С. Берг еще в 1909 году, а затем и в 1949 описывал несомненное родство того сахалино-амурского вида бычка-подкаменщика с японо-китайским, которое предполагал Грацианов.

Почти неслышно вошла Александра Яковлевна, боясь помешать работе мужа, но решила напомнить ему все-таки, что пора и отдыхать.

Вскоре они прогуливались подле самого Байкала. Он тихо плескался. Полная луна раскинула по нему широкую дорогу, сверкавшую будто осколками тусклых зеркал. На противоположном берегу маячили силуэты гор. Что-то таинственное чудилось вокруг. Но даже прелесть окружающей природы, которую Дмитрий Николаевич страстно любил, не могла сейчас убаюкать в нем тех мыслей, которые держали его в плену каждодневно. Не прошло и нескольких минут, как он начал толковать о возможных путях, по которым предки байкальских колючеперых рыб могли попасть в это озеро.

Он с воодушевлением говорил о том, что даже в современную эпоху в том районе, где сходятся верхние течения Ингоды, Витима и Селенги, нет непреодолимой преграды для обмена фаунами. Эти реки берут начало не с водораздельного хребта, а на плоскогорье, окаймленном хребтами только с юга и севера. Через них они прорываются к Амуру, к Лене, а с плоскогорья стекают к Байкалу. Местами на этом водоразделе встречаются озера, как в Арахлейской системе их. И верховья Зеи почти соприкасаются с притоками Лены.

А в третичное и четвертичное время, по мнению геологов, озерно-речная сеть в системе впадин Байкала, в верховьях Палеолены и Палеоамура была куда более развита. Значит, в ней для обмена фаун условия были еще намного благоприятнее. Амур — древняя река, она, несомненно, служила транзитным путем для части морских обитателей, уже несколько приспособившихся к жиз-

ни в пресных водах. И сейчас в Амуре от устья до верховьев, до самой Ингоды обитает такой вид бычка-подкаменщика, который, несомненно, является выходцем из моря. Но ведь он по многим анатомическим признакам явно родственен некоторым древним примитивным представителям байкальских бычков.

Высказывая, Дмитрий Николаевич неприметно для себя вновь проверял верность сделанных им выводов. Александра Яковлевна слушала внимательно, хотя из прежних его рассказов об этом знала почти все.

А в представлении самого Дмитрия Николаевича это было пока остовом. Он уже начинал оснащаться в воображении деталями, подробностями. Настал и тот вечер, когда автор монографии «Бычки-подкаменщики Байкала (Коттоидеи)» достал новую папку для бумаг и начал бережно укладывать перепечатанную четвертую главу объемом в целую книгу. В ней было девять разделов. Последний — «Возраст основного комплекса байкальской эндемичной фауны». В этом разделе было высказано твердое убеждение автора в том, что не только бычковые рыбы, но и основные группы других эндемичных животных по своему возрасту совсем не древние, а молодые и развились в самом Байкале.

Оставалось еще написать последнюю главу о промысле байкальских бычков. Материал для нее был давно готов, и вчерне написан раздел «Возможные пределы отлова и меры по упорядочению промысла». Этому Дмитрий Николаевич придавал особое значение. Он предвидел, что безрассудный вылов бычков может повести к роковым последствиям: ими питались многие рыбы, а их молодью — омуль.

Передохнув немного, он вплотную взялся за последнюю главу. Хотя временами донимала внезапная слабость, все чаще побаливало сердце и голова, он упорно стремился поскорее закончить многолетний труд. Рукопись его еле вместилась в несколько папок. Кроме нее

была изготовлена масса рисунков, таблиц. Оставалось напечатать ее и защитить как докторскую диссертацию.

Едва закончив ее, Дмитрий Николаевич поехал в Киев в командировку. Прошло немного времени. Александра Яковлевна получила телеграмму — муж ее скоростижно скончался. Как перенесла она этот удар и представить-то невозможно!..

...Известный и старейший байкаловед наших дней, профессор А. П. Скабичевский в марте 1980 года писал мне, что А. Я. Базикалова свершила научный подвиг, изучив сотни видов байкальских бокоплавов. «Да! — подумала я, прочитав эти строки. — Но и Дмитрий Николаевич совершил такой же, если не больший, досконально исследовав всю фауну байкальских бычковых рыб!»

Его фундаментальнейший труд «Бычки-подкаменщики Байкала (Коттоидеи)» был издан Академией наук СССР. Это необыкновенно большая по размерам и объему книга. Первым в ней был помещен некролог «Памяти Д. Н. Талиева», написанный А. Н. Световидовым: «2 июля 1952 г. скоростижно скончался один из виднейших советских ихтиологов Дмитрий Николаевич Талиев... он перед самой смертью закончил обширный труд... эта работа... не имеет себе равных по разносторонности и глубине исследования и круга затронутых вопросов.

В лице Д. Н. Талиева ушел из жизни широкообразованный и разносторонний ученый, один из виднейших ихтиологов с мировым именем».

Ушел, едва исполнилось ему сорок четыре года — самым молодым из прославленных байкаловедов. Он оставил людям, кроме рукописи монографии, пятьдесят пять опубликованных работ.

Александра Яковлевна работала на Байкале, пока вконец не сдало здоровье. Ее единственный сын Сергей Дмитриевич однажды в письме ко мне о своих родителях обронил слова: «Им можно только позавидовать!» Да! От всей души!.. И пусть их жизнь станет маяком для других.

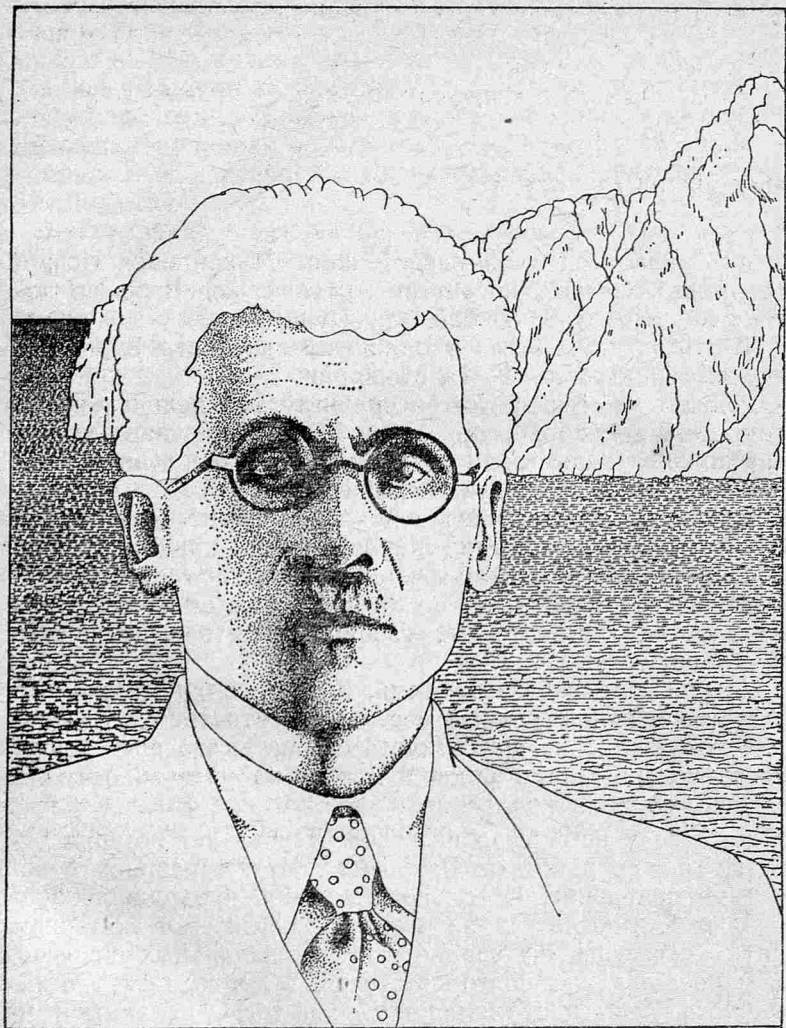
МИХАИЛ КОЖОВ

Среди байкаловедов XX века Михаил Михайлович Кожов был одним из трех, посвятивших всю свою жизнь до последних дней изучению Байкала и университету в Иркутске. В этот «триумvirат» входил еще профессор В. Н. Яснитский и профессор К. И. Мишарин.

Родился и вырос Кожов сравнительно неподалеку от сибирского великого «моря», в небольшой деревне Тутуре, в нескольких километрах от Жигалово. Ныне Жигалово — районный центр, крупный рабочий поселок. Тутура довольно живописно раскинулась в широкой пади между невысокими лесистыми горами, упираясь одним концом в Лену. Здесь река светлоструйная и спокойная, под стать окружающим горам, плавных очертаний. А километров двести вверх Лена стремительна, говорлива на перекатах с ее хрустальными водами.

От природы любознательный, Кожов, должно быть, еще с детства полюбил родные места. С десяти лет он уже начал охотиться. Мне приходилось слышать, что еще в пору своего учительства в родной Тутуре он увлеченно ловил бабочек, собирая коллекции.

Детство у него было нелегкое. Десяти лет потерял отца. Пришлось работать. Разносил почту, «писарил» в волостном правлении. И только самоучкой продолжал образование. Ему было уже за двадцать, когда смог экстерном сдать экзамены на звание учителя начальных классов. Пришлось ехать за полтораста верст в Верхотенск, где находилось городское училище. После того две зимы учи-

тельствовавал в своем селе. А летом урывал свободные минуты, чтобы побыть на природе, понаблюдать.

Все оборвала империалистическая война. Его сразу же забрали в армию, в двадцать седьмой сибирский полк. С ним попал на фронт. А после Октябрьской революции, оставаясь в армии, продолжал учительское дело. Вначале в полковой солдатской школе начальником ее, а потом в дивизионной.

Весна восемнадцатого года застала его в Тутуре — опять учительствовал. Только недолго в этот раз. Осенью Колчак мобилизовал в свою армию. Сбежал из нее в Красноярск. Но там снова угодил в руки колчаковцев, опять оказался мобилизованным. Только вместе с тридцать первым запасным полком удалось ему перейти на сторону красных.

В конце гражданской войны М. М. Кожов инструктор в Верхоленском уезде. В уезде тревожно: то и дело поднимают голову бывшие белогвардейцы, богачи. Живется трудно, голодно. Работы и хлопот у школьного уездного инструктора, как говорят земляки, «сверх глаз».

Но увлеченность природой у него не проходит. Не оставляет и мечта о дальнейшей учебе. Получить бы высшее образование! А после заняться изучением родных сибирских мест. К его счастью, в 20-х годах в Иркутске был открыт университет. Теперь Михаила Кожова ничто удержать не может, даже возраст — ему исполнилось тридцать. В 1921 году он становится первокурсником биофака.

Окончил университет и сразу же поступил в аспирантуру. Перед ним распахнулись двери в науку. Еще в студенческие годы М. М. Кожов попал в добрые руки Б. А. Сварчевского.

Кожов оказался в числе тех, если не первым, кто получил доступ и в лабораторию, и в библиотеку Бориса Александровича. А вскоре почувствовал его особую опеку. В 1924 году профессор передает студенту-четверокурснику

свою небольшую коллекцию губок, собранных в окрестностях Иркутска, для обработки и описания.

Чтобы пополнить полученную от Сварчевского коллекцию, Кожов летом отправляется вниз по Ангаре к устью Унги. Находит до двух десятков губок разных форм. Первая самостоятельная поездка — первая удача! После нее едет на южный берег Байкала. Ведет поиски от станции Култучной до Мурино. Ищет упорно, но впустую. В чем же дело? Наконец понимает: «Все эти речки имеют типично горный характер, весьма бурны, особенно после дождей и, очевидно, мало благоприятны для заселения и развития в них таких хрупких организмов, как губки». После этого ищет уже не вслепую и вполне вознагражден. Собственного материала в его руках скапливается достаточно, кроме того, Борис Александрович дополнил его несколькими губками, найденными в то же лето в старице Иркута, да П. В. Тихомиров передал свои сборы из реки Мальтинки.

Кожов принялся за обработку коллекции. В ней было восемьдесят семь экземпляров, причем разных видов и разновидностей. После кропотливой длительной работы сделал описание результатов по всем правилам. Статью назвал: «Очерк по фауне пресноводных губок Иркутской губ. и Прибайкалья». Свою первую научную работу он закончил словами: «Несомненно, что эти «материковые» байкальские формы попали в Байкал из впадающих в него речек, но здесь, под влиянием особых условий, они изменились настолько, что лишь с большим трудом можно проводить какую-то аналогию между ними и формами, живущими рядом с ними на материке». Работу напечатали. Первый шаг в науку сделан! В начинающем исследователе определилась «поступь» будущего крупного ученого. В 1925 году он провел все лето на Байкале в составе экспедиции. Первая в его жизни! Тоже незабываемая. С этого года он как ученый связал судьбу с Байкалом до конца дней своих.

Экспедиция была организована Биолого-Географичес-

ким научно-исследовательским институтом при Иркутском университете. Работы велись в районе Ольхонского пролива, его бухт и прилегающих частей Малого моря. Молодые сотрудники В. Буров, М. Кожов увлеченно занимались исследованием животного мира, а В. Яснитский изучал растения пролива. Здесь они открыли особую жизнь, так не похожую на жизнь в открытом озере.

Первые экспедиционные исследования на Байкале навели М. М. Кожова на серьезные размышления. Особенно заинтересовали его моллюски. Оказалось, «типичная форма *L. сатирикус* указывается, по-видимому, пока лишь для М. моря. Другие формы *сатирикус* встречаются к северу, и нам неизвестно ни одного указания на нахождение их южнее Ольхонского пролива, с одной стороны, и Чивыркуйского залива — с другой. Примерно то же самое можно сказать и о распространении *Агриодрилюс вермиворус*. С другой стороны... мы не находим в Ольхонском проливе и в М. море, а также к северу от него такого характерного байкальского эндемика, как моллюск *Лиобайкалия стидэ*, свойственного лишь южной части Байкала». Не ведал он тогда, что со временем знаменитая *Лиобайкалия* станет для него предметом пристального внимания, раздумий и волнений.

«Все приведенные здесь факты показывают, что фауна Байкала к югу от М. моря в общем заметно отличается от фауны М. моря, а эта последняя стоит ближе в общем к северобайкальской, чем к южнобайкальской, т. е. намечается какая-то «граница» между северной и южной частями Байкала, которая проходит для западного берега у Ольхонских ворот...

Существование указанной «границы» говорит как будто за то, что, может быть, в недалеком прошлом фауна южной и северной части Байкала оставалась некоторое время изолированной друг от друга. Но понятно, что более уверенное заключение об этом может быть сделано лишь после детального ознакомления с характером фауны

всего Байкала и сравнительного изучения условий жизни обитающих в разных его районах животных форм. Богатый материал, имеющийся по этому вопросу в Академии наук СССР и в других учреждениях, в том числе и у Биолого-Географического института, находится в настоящее время еще в стадии обработки». Вот как прозорливо он заглянул в прошлое изучаемой фауны, едва начав свою биографию ученого! Уже при первом основательном знакомстве с Байкалом М. М. Кожов открыл в нем «золотую жилу», разработке которой посвятил годы. А в итоге написал монографию «Моллюски озера Байкал». Но прежде, закончив в 1929 году аспирантуру, он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «К познанию фауны Байкала, ее распределения и условий обитания».

С 1931 года начался стремительный подъем по «служебной лестнице». После смерти Сварчевского Кожов принял заведование кафедрой зоологии беспозвоночных, стал директором Биолого-Географического научно-исследовательского института при Иркутском университете. Институтом руководил с перерывами тридцать два года, а кафедрой — тридцать семь лет.

В 1932 году Михаил Михайлович получил звание профессора. А через пять лет защитил докторскую диссертацию: «Моллюски озера Байкал». Работа над нею привела к определенным теоретическим выводам. Например, к такому, что в прошлом Байкал не был единым водоемом — северная и южная его половины долго оставались разобщенными — и что моллюски Лиобайкалии, сидящие в раковинах, удивительно напоминающих штопор, возникли в самом сибирском «море»; вне его на земле они не встречаются. Хотя доказательств Михаил Михайлович пока не имел, он не сомневался в «местном» происхождении Лиобайкалии. Предки ее тогда еще не были найдены. Другие палеонтологические находки того времени были слишком бедны, они мало о чем «говорили». Приходилось терпеливо ждать новых. Видимо, работая над своей докторской дис-

сертацией, М. М. Кожов «заболел» проблемой происхождения животного и растительного мира Байкала.

Мне довелось слушать лекции Михаила Михайловича в 1936 году. Высок, по-юношески строен, собран, сдержан в словах и жестах. Его черные волосы вились крупными кольцами над высоким лбом. Взгляд карих открытых глаз обычно бывал серьезно сосредоточенным. Он привлекал той внутренней красотой мысли, что ли, следы которой отражались обычно на его лице. Именно следы. За ними угадывалось нечто большее, но скрытое от посторонних глаз.

Пришлось мне быть невольной свидетельницей того, как он трудился. Будучи студенткой второго курса, я стала работать в лаборатории генетики М. А. Иванова. Частенько я засиживалась одна до полуночи, а ранее одиннадцати никогда не уходила. Уходя из лаборатории, нередко видела, как Михаил Михайлович закрывает свой кабинет и, не замечая ничего вокруг, неторопливо спускается по лестнице, охваченный какими-то думами. Он продолжал трудиться «на ходу» после своего второго рабочего дня, а первый был заполнен чтением лекций, административными делами и часто работой с микроскопом.

В дневный часы мне не однажды приходилось наведываться к нему в просторный кабинет, заставленный шкафами вдоль стен и несколькими столами посредине. За последним он работал. Обычно заставала одно и то же: над микроскопом склоненная голова Михаила Михайловича, кудри спадают на лоб. При появлении постороннего голова приподымается, рука не спеша характерным движением сдвигает очки на лоб. На лице такое выражение, будто человек еще не совсем очнулся от каких-то увлекательных видений. Но не досадует, что помешали. Терпеливо ждет, зачем к нему пожаловали. Едва окончив разговор с неожиданным посетителем, Михаил Михайлович водворяет очки на место, один глаз прищурен, второй припал к окуляру, и голова вновь замирает над микроскопом. Таким он и запомнился.

Уже на четвертом курсе мне довелось монтировать насекомых, собранных на летней практике. Я занималась в укромном уголке Байкальского музея, отгороженном двумя шкапами у стены, смежной с кабинетом Михаила Михайловича. Снова засиживалась допоздна. Иногда выходила через профессорский кабинет, если дверь в музей успевали запереть из коридора. Снова видела склоненную над микроскопом голову ученого. На висках ее начинала уже пробиваться седина.

Сидя за шкафом, как-то вечером услышала хохот Михаила Михайловича. Он был раскатистый, громкий. Ко мне из-за двери его кабинета отчетливо несло безудержное «ха-ха-ха!». Это он с кем-то из сотрудников. Будто и сейчас слышу это раздельное «ха-ха-ха!». А вот улыбки его не помню.

Над чем он в те дни работал, размышлял? Не подозревая того совершенно, я, оказывается, была современницей больших научных событий, которые происходили в тиши профессорского кабинета и на берегах Байкала. Тот самый Г. Г. Мартинсон, который разочаровал своими находками профессора Верещагина — ископаемые моллюски оказались не морскими, — отправился с ними к профессору Кожову. Вот как он описал эту встречу: «Когда, войдя в его огромный кабинет в Иркутске, я показал ему найденных третичных байкалийид, он прямо-таки подскочил. С большим вниманием он рассматривал под биноклем окаменелости. Кожов сразу понял огромное значение находок. В своих ранних работах этот ученый высказал соображения, что байкалийиды возникли в самом Байкале, ибо в иных водоемах они отсутствуют. Ископаемые байкалийиды мало чем отличались от современных форм и были поэтому особенно интересны Михаилу Михайловичу. «Это действительно самые настоящие байкалийиды! — говорил профессор, — вот бы еще найти штопоровидную раковину Люобайкалии!» Это его пожелание я мог удовлетворить и, вынув из коробочки третичную Люобайкалию, положил ее под

лупу. Тут Михаил Михайлович пришел в полный восторг».

В восторг привели Кожова не только находки ископаемых моллюсков на юго-западном побережье Байкала. Мне представляется, как за год до Г. Г. Мартинсона в кабинет Михаила Михайловича влетел его бывший ученик Ф. Б. Мухамедиаров, начальник экспедиции, побывавший на Ципо-Ципиканских озерах. Размахивая руками и вытирая от волнения платком пунцовое лицо, он заговорил радостно-возбужденно. За ним вошел, улыбаясь, и встал тихонько в сторонке сотрудник экспедиции «молчальник» Г. Гаврилов. Путешественники выложили перед своим учителем бычков Кесселери и Кнери из рода Коттус, известных до того только в Байкале да в реках, связанных с ним. Кроме того, они передали много проб, взятых со дна озер Баунт и Бусани, расположенных в верховье Витима.

Дальше было вот что, как рассказал мне о том А. А. Томилов:

— Привезенные пробы уложили здесь вот в такой «гроб», — он показал на крашенный металлический ящик с черной надписью «Бентос». — А потом началась война — не до них было...

Первой заинтересовалась этими пробами А. А. Линневич. Она искала в них личинок хирономид (комаров толкунцов). И вдруг обнаружила существо, ей мало знакомое. Сидело оно в малюсенькой трубочке, само миллиметра три в длину, а на переднем конце его венчик из жабр. Понесла она находку профессору Кожову.

Едва Михаил Михайлович рассмотрел его, как пришел в восторг. Это был многощетинковый червь Манаюнкия байкалензис, тот самый знаменитый, из-за которого ученые годами ломали копыя в яростном споре. Все родичи его живут в морях или в солоноватых водах прибрежных вод. Манаюнкия байкалензис водилась только в Байкале — в глубине Азиатского материка. Она стала настоящим яблоком раздора для ученых, потом ее обнаружили в Ангаре, нашли в морской Гыданской губе между Обью и Енисеем,

затем в 1940 году — в озерах Хайсенто и Ямбуто, расположенных в 100—150 километрах к югу от Гыданской губы.

После обнаружения Манаюнкия в пробах из озер Баунт и Бусани (бассейна реки Ципы и Ципикана) их начали тщательно изучать. В 1942 году Кожов напечатал статью. В ней он писал: «Сравнение полихеты из Ципо-Ципиканских озер с байкальской *M. байкалензис* указывает на несомненную принадлежность ее к байкальскому виду. Эта находка представляет значительный зоогеографический интерес, так как *M. байкалензис* до сих пор ни в одном из озер Забайкалья и Прибайкалья не была найдена». Редкая находка навела Кожова на серьезные раздумья: «Можно было бы предположить, что наличие *M. байкалензис* в Ципо-Ципиканских озерах указывает на какое-то бывшее широкое распространение этого вида и его ближайших родственников в пресных водах Азии; в настоящее же время они сохранились лишь в немногих местах.

Мнение о широком распространении в плиоценовое время *M. байкалензис* уже давно было высказано Л. С. Бергом. Логическим следствием такого взгляда было бы допущение, что *M. байкалензис* в озерах Баунт и Бусани является остатком широко распространенной неогеновой фауны Евразии и, в частности Сибири, вымершей всюду, кроме немногих мест. Однако такое решение вопроса о *M. байкалензисе*, как и многих других элементов коренной байкальской фауны, по моему мнению, вряд ли является правильным. Современное распределение видов рода Манаюнкия, как правильно отмечает Г. Ю. Верещагин (1940), говорит о более сложной истории всей этой группы». Он предполагал: байкальская манаюнкия вполне могла распространяться по рекам, судя по тому, что из Байкала по Ангаре и Енисею проникла к побережью Ледовитого океана. Такое расселение ее в настоящем — не в пользу взгляда о широком ее распространении в прошлом. «Если это так, — заключил он, — то *M. байкалензис*, обитающую в озерах бассейна Витима, следует считать остатком

специфической байкальской фауны, но не остатком широко распространенной древней пресноводной фауны Сибири». Это был прямой вызов академику Л. С. Бергу. Но обоснован ли он? Расселение манаюнкии по рекам в прошлом могло идти в обратном направлении. В таком случае верен взгляд Берга.

Кожов начинал свои исследования на Байкале в те годы, когда разгорался спор между Бергом и Верещагиным. Естественно, он не остался равнодушным к нему. Еще в 1936 году Михаил Михайлович писал: «Однако предположение, что фауна Байкала... это преимущественно реликтовая плиоценовая... не может, по нашему мнению, служить единственной путеводной нитью в поисках корней ее отдельных групп и выяснения их истории. А не может потому, что в недавние времена обнаружены ископаемые остатки губок Любомирскийид и моллюсков рода Байкалия из пластов более древних, чем плиоценовые. Самое удивительное то, что они решительно ничем не отличаются от современных своих сородичей и не были найдены в пластах плиоценовых или более поздних. Вывод-то напрашивался сам собой.

Михаил Михайлович выразил его такими словами: «Все это дает право заключить, что уже к середине третичного периода байкальская фауна была в основном не только сформирована, но и обособлена, т. е. ограничена районом Байкала или водоемов, непосредственно или преемственно с ним связанных».

Выходит, корни байкальской фауны куда более древние, чем предполагал Берг. Но ведь он приводил немало примеров родства нынешних байкальских животных с плиоценовой фауной бассейнов Евразии и Северной Америки. Как быть? Михаил Михайлович изучает самым скрупулезным образом внутреннее строение тех моллюсков, на которых указывал Берг как на родственных каспийским и другим. Корпел не один. Ему помогали его ученики. Выяснилось, что родства-то на самом деле нет.

Но... М. М. Кожов признавал: «Имеются отголоски родства между современной фауной гаммарид (бокоплавов — А. И.) Байкала и Каспия, между видами полихет рода Манаюнкия... между байкальскими моллюсками семейства Бенедиктине и родом Литоглифус из водоемов Юго-Восточной Европы, связанных с Понто-Каспийским бассейном». В отличие от Берга он не считал, что в Евразии во времена плиоцена везде в континентальных водах водились эти животные. А потом-де в ледниковое время вымерли повсюду, кроме Байкала да Понто-Каспия. Нет, Михаил Михайлович убежден: корни этого родства уходят в более глубокую древность.

Плиоцен — это ярус верхнетретичного периода кайнозойской эры. А с начала этой эры минуло уже шестьдесят миллионов. Значит, потомки байкальских эндемиков «имеют за плечами» десятки миллионов лет. В этом Михаил Михайлович уверен был абсолютно, разделяя мнение Г. Ю. Верещагина.

Несмотря на то что М. М. Кожов почти всю жизнь «болел» проблемой происхождения животного мира Байкала, он не смог создать собственную оригинальную теорию. Может, потому, что другие в этом опередили его. На склоне лет он целиком разделял точку зрения Л. С. Берга о пресноводных корнях байкальской фауны. По словам А. А. Томилова, Михаил Михайлович «был более убежден в том, что истоки эндемичной фауны Байкала лежат в глубине миллионов лет существования самого озера без всякой связи с морем».

...После Отечественной войны до конца жизни Михаил Михайлович не выпускал пера из рук. В этот период им написаны самые крупные работы обобщающего характера, подводящие итог труда байкаловедов за целые периоды. Это популярная книга «Байкал и его жизнь», монография «Животный мир Байкала» и выдающийся труд «Биология озера Байкал». В последнем дано обозрение всего сделанного за историю исследования озера до 60-х годов

нашего столетия. Книга была переведена на английский язык и получила широкий отклик во всем мире.

Кроме литературного труда М. М. Кожов в послевоенные годы занимался изучением байкальского планктона — сообщества мелких и микроскопических существ, парящих в толще воды. Байкальский планктон был основательно изучен еще до 1930 года известными альгологами (специалистами по водорослям) К. И. Мейером, В. Н. Яснитским, частично А. П. Скабичевским — начинающим в то время ученым. М. М. Кожова планктонные организмы интересовали прежде всего как корм рыб, особенно омуля, его запасы и урожайность по годам. Он получил «ряды урожайности фито- и зоопланктона, пока единственный материал для установления связей с геофизическими факторами, позволяющими осуществить прогноз». И в этом его особая заслуга.

В последние годы жизни Михаил Михайлович занялся исследованием непривычным — о влиянии проток на фауну Байкала. В очередном годовом отчете, законченном за несколько дней до смерти, он писал: «Байкал с его красочной природой, кристальной чистотой вод и уникальностью органического мира целесообразно использовать не для развертывания химической промышленности, а как источник чистой воды, а также для нужд туризма и отдыха трудящихся... Байкал должен быть сохранен для будущих поколений как неповторимое явление на нашей планете». Эта его мечта воплотилась в жизнь. В июне 1971 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мероприятиях по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств бассейна озера Байкал».

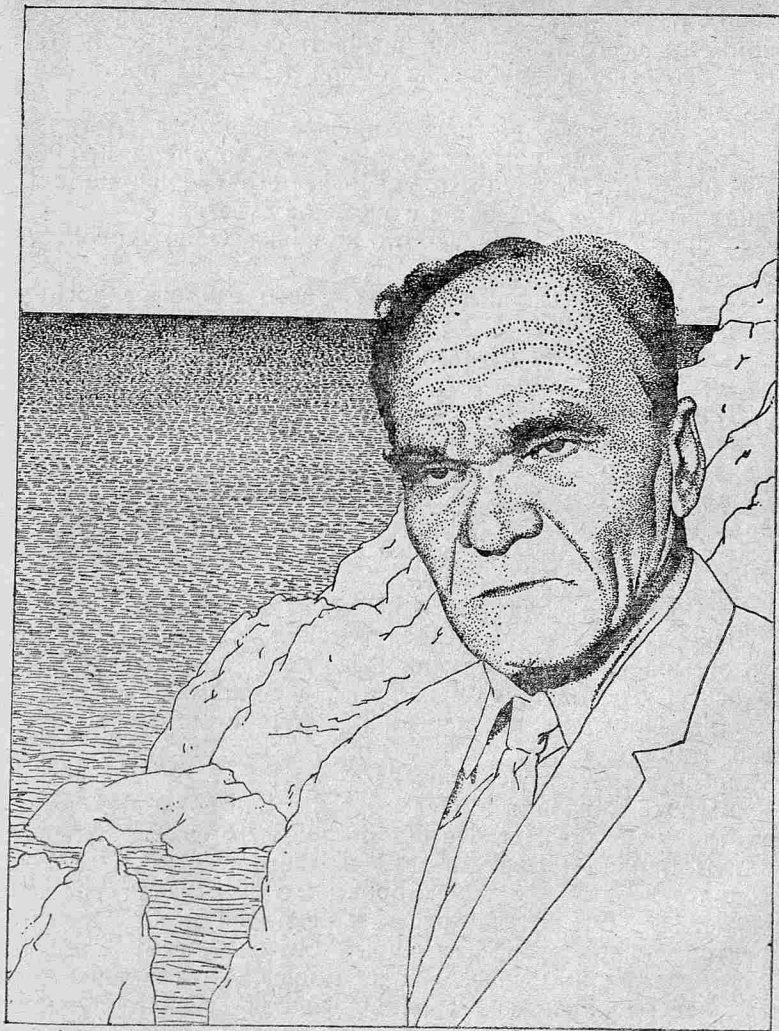
4 ноября 1968 года М. М. Кожова не стало, но и после смерти Михаил Михайлович не расстался с Байкалом — он покоится на берегу его, в Больших Котах, где в молодости вместе с рабочими строил и оборудовал исследовательскую станцию — любимое детище свое.

КУЗЬМА МИШАРИН

Кузьма Иванович Мишарин окончил Иркутский университет в одном из первых выпусков студентов. Он был учеником выдающихся профессоров Б. А. Сварчевского и В. Ч. Дорогостайского. Последний увлек его своими лекциями, ихтиологией и приобщил к научным поискам. Виталий Чеславович первым из байкаловедов начал изучать омуля. Удивительно ли, что и К. И. Мишарин заинтересовался биологией омуля. Всю свою долгую жизнь он посвятил исследованию байкальских рыб. А пробивал себе путь в учебе и затем в науке в первые полтора десятилетия советской власти, в условиях далеко не легких.

Я помню его с 1934 года. Нас, студенток-рабфаковок, поселили в свободной комнате общежития молодых научных работников. В нем, в небольшой квартире, ютился с семьей и Кузьма Иванович. Среди жильцов он выделялся высоким ростом да тем, что был на редкость смуглым и неразговорчивым. Его небольшие темно-карие глаза под густыми черными бровями смотрели обычно сосредоточенно. Тогда он учился в аспирантуре.

Потом в Иркутском университете мне довелось слушать у него курс лекций по ихтиологии, а летом проходить практику по зоологии позвоночных. Два года спустя после окончания университета нежданно-негаданно очутилась я у него в Северо-Байкальской экспедиции, организованной Биолого-Географическим научно-исследовательским институтом при Иркутском университете. В начале октября 1943 года добрались мы до устья Кичеры на северной око-

нечности Байкала. Здесь предстояло изучать рыбные промыслы всего побережья, возрастной состав омулевых стад, биологию размножения омуля и других промысловых рыб.

По пути сюда на пассажирском пароходе «Ангара» Кузьма Иванович подолгу спал и днем во время небольшого шторма. «Может быть, укачивает его?» — подумала я. Однажды на мой вопрос он с улыбкой ответил:

— Для старого моряка — это не качка. Одно удовольствие. Спишь, как в люльке.

— Разве вы были моряком? — невольно вырвалось у меня.

— Был, — нехотя ответил он. — В молодости плавал матросом... вокруг света.

Даже «вокруг света»! Человек, которого я знала столько лет как самого обыкновенного «сухопутного», объехал всю землю по воде. Что же он видел? Какие диковины? Так хотелось выведать об этом. Но из Кузьмы Ивановича удалось «выудить» всего два слова: «Ничего особенного». Вот так фокус! Заметив, какое впечатление произвели его слова, он объяснил:

— Во время солдатчины не много-то увидишь.

Векоре опять закрыл глаза и уснул. Не знала я тогда, что отсыпался он за все минувшее лето: ложиться приходилось ему не раньше двенадцати, а подниматься в четыре утра. Проводил исследования в Малом море с небольшим отрядом, объем же работ был очень большой — приходилось заменять ушедших на фронт.

Мы уже миновали Малое море и стали подходить к полуострову Святой Нос. По обе стороны его самые большие заливы Байкала: Баргузинский и Чивыркуйский. Пароход входил в первый. С одной стороны его бесконечно тянулся Святой Нос. Это целый хребет, и не малой высоты: свыше полутора километров, иссеченный бесчисленными падами, круто сбегаящими вниз, к воде. Красноватый склон его с редколесьем напоминал ободранный бок древнего чудови-

ща с выпятившимися ребрами, которое с разбега плюхнулось в Байкал и замерло над ним навсегда.

В Баргузинском заливе стояли несколько часов. Вдали, на берегу, белели новые дома поселка Баргузин. Вокруг них поднимался густой сосновый лес. Пассажиры рассказывали: поселок этот дважды переносили выше по долине, но снова топит его. Берег Байкала опускался здесь на глазах людей. За долиной вдали виднелись горы, тайга, они уходили к самому горизонту, на котором вырисовывались вершины белоснежных гольцов.

Подошел Кузьма Иванович и долго молча всматривался в противоположную сторону, где на горизонте еле маячила белесоватая полоска суши. Потом как бы про себя сказал:

— Самая большая ширина Байкала здесь.— В голосе его проскользнули нотки гордости. На лице и в прищуренных глазах пробивалась скрытая радость. Но больше не проронил ни слова. А чувствовалось — взволнован тем, что видел вокруг, но таил про себя. Он по-прежнему был немногословен.

А много позже, во время работы экспедиции, как-то вечером разошелся и не без юмора рассказал несколько забавных историй. Потом признался: лет до двадцати больше молчал.

Чем ближе пароход подвигался к северу, тем чаще среди пассажиров заходили разговоры о добыче омуля. Здешние старожилы степенно вели речь о том, что в Кичере и в Верхней Ангаре уже появилась «ходова». Это омуль, двинувшийся в реки на нерест. Кузьма Иванович прислушивался к этим разговорам, иногда спрашивал.

Через пять дней пути мы были в Нижнеангарске, довольно большом поселке, растянувшемся на несколько километров по берегу Байкала, возле подножия высоких лесистых гор. Здесь — конечная остановка пароходов.

Через день перебрались в устье Кичеры, километра за четыре. Вскоре начали изучать омуля. Мы с Юрием, шест-

надцатилетним сыном Кузьмы Ивановича, подносили к весам на носилках недавно привезенных с промысла омулей. Кузьма Иванович взвешивал их. Потом отсчитывал сотню. Каждую рыбину из нее взвешивали отдельно и, что называется, измеряли вдоль и поперек. Наконец, вспарывали и помечали в тетради особым значком — самец или самка. Вынимали икру у самок, тоже взвешивали и брали пробы из нее по пятьдесят граммов, закупоривали в бутылочки с формалином, этикетировали. С каждого омуля соскабливали ножом немного чешуи, заворачивали в бумажки и тоже помечали на них номера. В сарай, где мы работали, врывался пронизывающий ветер, и руки зябли нестерпимо.

Взяв пробы, начали обработку их. Это выпало на мою долю. Часами просиживала за столом, и в прозрачной чашечке Петри, похожей на плоскодонное блюдечко с крутыми краями, отделяла препаровальной иглой икринку за икринкой. Подсчитывала: сколько их в каждой пробе? Во всем органе размножения — яичнике?

Управившись с этим делом, принялась за следующее — подсчет колец на чешуе омулей. По ним безошибочно определялся возраст каждого. Приходилось спешить.

Кузьма Иванович с Юрием в это время были на рыбных промыслах в верховьях Кичеры. К его возвращению и отъезду в Иркутск надо было еще приготовить копии с отчетов Нижнеангарского рыбзавода о состоянии промыслов северного побережья Байкала за последний год по месяцам.

Октябрь подходил к концу. По Кичере и Верхней Ангаре двигалась «поплавна» — отнерестовавший омуль. Тут, на пути, его и перехватывали рыбаки сетями, неводами.

Возвратился Кузьма Иванович. Просмотрел данные обработки чешуи. Долго хмурился, молчал. Наконец проговорил:

— Перелов!..

Это большая беда в жизни здешней, северной, расы омуля. Отлавливали в основном молодых. В пробах совсем

редко встречались восьми-десятилетнего возраста. Кузьма Иванович, еще больше хмурясь, заговорил, что надо бы сейчас же добиваться запрета на добычу омулей здесь на несколько лет. Но как?.. Вся рыба, добытая тут, идет на фронт...

...Время летело. Кичера была уже скована толстым, но прозрачным, как стекло, льдом. Как-то поздно вечером Кузьма Иванович надолго отлучился из дома. А когда вернулся, выражение лица у него было такое, будто слушал на улице чудесную музыку.

— Пойдите-ка, посмотрите...— сказал он тихо и проникновенно.

Я вышла во двор. Невольно остановилась. Полная луна заливала все вокруг ярким светом. Никогда еще не видела такого необыкновенного — с едва уловимым розоватым, теплым оттенком. Под его сиянием как бы замерли вдали каменные белые громады, окружавшие широкую долину Кичеры и Верхней Ангары, и несбъятная снежная равнина между ними, и река, покрытая льдом, посверкивающая, как хрусталем. На фоне царившей белизны черной вехой неподалеку вырезывался столб. Он был единственным обыденным предметом в этом поистине волшебном царстве. Не только лунный свет — вся природа вокруг завораживала своими колдовскими чарами. А совсем рядом неумно шумел, плескался Байкал, такой же могучий, как все окрест его. В тот вечер я впервые поняла, как сильно и глубоко Кузьма Иванович любил природу.

Кончалась первая половина ноября, а с ней и навигация на Байкале. Кузьма Иванович с Юрием последним рейсом отправились в Иркутск. Я осталась в устье Кичеры на зимовку. Здесь мне вскоре предстояло проследить за нерестом налима и сроки ската в Байкал из мелководных озер окуня, язя, сороги, щуки, карася — всей соровой рыбы. Лето она обитала в неглубоких озерах, разбросанных на десятках километров между Кичерой и Верхней Ангарой и соединенных бесчисленными протоками. Вес-

ной же надо было пронаблюдать, в какие сроки эти виды рыб пойдут обратно в озера, где, когда станут метать икру, чем будут питаться.

Особо наказывал Кузьма Иванович выяснить, где и в какие сроки нерестует язь. Кроме того, надо было систематически измерять температуру воды в Кичере. А еще — снять копии отчетов Нижнеангарского рыбзавода за последние десять лет о добыче по месяцам на всех промыслах севера Байкала каждого вида рыбы.

Тоже особо наказывал Кузьма Иванович, чтобы спрашивала рыбаков, когда мальки омуля скатываются из Кичеры в Байкал. И недаром: сам он начал поиски омулевой молоди, скатывающейся с нерестилищ, еще в 1933 году в Чивыркуйском заливе, но безуспешно. Повторил их четыре года спустя в устье Большой речки, в Посольском соре и на Селенгинском мелководье. Отыскал там мальков немного. Потому за год до начала работ нашей Северо-Байкальской экспедиции писал: «...сказать что-нибудь об условиях обитания, росте, возрасте омулевой молоди в естественных условиях не представляется возможным». Но к тому времени удалось ему установить — заход омулей на нерест зависит, прежде всего, от температуры воды. В различных районах Байкала она неодинакова, и потому сроки начала размножения омулей в них тоже разные.

За одиннадцать лет до нашей экспедиции в верховьях Кичеры побывали ихтиологи П. И. Сосинович и П. В. Тюрин. Они искали нерестилища омуля, совершенно неизвестные в те годы. Чем выше поднимались путешественники, тем стремительней становилось течение реки. Появились пороги, нередко непроходимые.

Перворазведчики наблюдали в пути немало очень любопытного: казалось, омули шли косяками в сотни, даже в тысячи голов. Устав, они отдыхали в тихих заводях. Каждый косяк вел вожак, реже два или три. Поднимались эти рыбы днем и ночью. Они хорошо видели в темноте. А вечерами нередко предавались брачной игре. Тогда над ре-

кой неслись такие массовые всплески, будто вся рыба в косяке начинала трепетать.

Но главное-то было впереди: исследователи упорно искали места, в которых омули выметывали икру. Наконец-то обнаружили их. На первом нерестилище встретили косяк в несколько тысяч голов, разбившийся на косячки по нескольку сот. На квадратном метре грунта насчитывали рыб до десяти штук — они стояли, не двигаясь. На одном из следующих нерестилищ увидели косяки такой плотности, что на квадратном метре грунта находилось до тридцати омулей. Начали брать пробы грунта скребком. В них оказалось множество икры, крепко приклеенной к гальке.

Обо всем увиденном, замеченном Сосинович подробно записывал в дневнике. В последний день экспедиции сделал такую пометку: «Мы были удовлетворены этим днем: верхний предел наиболее мощных нерестилищ омуля очерчивается довольно ясно... очевидно, что икра омуля, как икра многих других рыб, после оплодотворения приобретает большую липкость и, приклеенная к субстрату, держится достаточно прочно».

Вот и все, что было известно о размножении омуля в Кичере к тому времени, когда Кузьма Иванович намеревался проследить весь ход развития его от оплодотворения икринок осенью до выхода личинок из них следующей весной. Но эти наблюдения он планировал на следующий год. А наступающую зиму рассчитывал целиком посвятить работе проб омулей и сведений о рыбных промыслах севера Байкала. Прощаясь, он просил:

— Лучше телеграмму пошлите, как пойдет рыба из солов и когда настанет нерест налима, разгар его, конец. Ну там сами увидите, что еще будет интересное.

Ноябрь подходил к концу. Как всегда, поднялась я спозаранку, чтобы застать рыбаков на реке. Вскоре с противоположного берега показались двое с саночками, один Бобровников. У них здесь, в устье Кичеры, поставлено десятка полтора крупноячеистых сетей на щук и налимов.

Раздолбили они лед в лунках, начали вытягивать из них сети. Нынче в последних было полно налимов. Подсчитала их. В последнее время улов этой рыбы нарастал прямо-таки с каждым днем.

Показался и рыбак Печкин тоже с саночками, ломом и сачком. Напротив хаты моей хозяйки у него, неподалеку от берега, большая квадратная прорубь, в ней — вентерь. Он сооружен как бы из нескольких конусов, вставленных друг в друга. Связан так же, как сеть, только из более толстых нитей да ичеи в нем крупнее. Подошла я к Печкину и стала наблюдать за его нехитрым делом. Вот он потащил вентерь вверх, ухватившись за две палки, к которым тот был привязан. Послышалось глухое потрескивание.

— Ух, ты! — радостно и вместе тревожно воскликнул удачливый рыбак. — Вроде битком набитый. Не лопнул бы!..

Вентерь в самом деле был полнехонек. В нем оказалось более сорока крупных налимов. А еще на прошлой неделе их попадало вдвое меньше. Я отобрала самок, чтобы посмотреть, какова икра в яичниках? Как прежде лежит в плотных «колбасках» или они уже разрыхлились? — Икра была вполне готова к выбросу. В тот день я отправила Кузьме Ивановичу первую «телеграммку», известив его о начале нереста налима. А потом не однажды слала ему целые отчеты по телеграфу о скате соровой рыбы в Байкал.

Кончилась зима. Весна началась уже в двадцатых числах мая. Снег сошел. На берегу, на островах желтела прошлогодняя осока, которую здесь называли панчерой. Серый песок, желтая трава, беспрестанно ветер и холод — неласковая весна. Байкал по-зимнему еще подо льдом. Только река ожила и внезапно, бурно. Еще утром ее покрывал синеватый рыхлый лед. В полдень он растрескался и тронулся, а к вечеру о берег уже плескались волны. Из Байкала в Кичеру лавиной двинулась рыба. Она шла и до того, но понемногу. Горячая пора началась у рыбаков и у меня. Брала я ежедневно пробы, вспарывала рыб, их желудки. Последние были почти все пустые у щук, сорог,

окуней. Только у язей они набиты, будто обрывками толстых белых ниток, клубками червей.

Баркасы и лодки, доверху груженные соровой рыбой, начали приводить катера сверху, из озер. Снова я вскрывала желудки рыб. Теперь они были набиты остатками моллюсков прудовиков. Но больше всего меня интересовала икра, не созрела ли для выброса?.. Целую зиму ждала этих дней, все выпытывала у рыбаков: где и когда нерестится соровая рыба? Они уверенно отвечали: икру мечет весной в мелких местах. Вот только про язя толковали по-разному: одни уверяли, что размножается весной еще подо льдом, другие говорили — икру мечет в мелких протоках после большой воды в реке. Когда же на самом деле? Только бы не проморгать!..

В последних днях в окрестных озерах на мягкое моховое дно начали выметывать икру караси. В протоках, где иногда можно было лишь проползти, щуки отыскивали места для икрометания. Здесь их иногда убивали браконьеры из мелкокалиберных ружей и, взвалив на плечо, тащили, как бревешки. Начали размножаться и сороги. Но язи все медлили.

Вдруг, после нескольких ясных и теплых дней, быстро начала прибывать вода в Кичере. Она катилась валами, мутными и холодными, как лед. Начала заходить по протокам в озера. Вот тогда-то начал метать икру язь, выбрасывая ее на дно мелких проток. В эту пору по большой воде стали скатываться с верховьев Кичеры и мальки омуля. О том уверенно говорили все опытные рыбаки. Они показали мне их однажды на восходе солнца в Байкале, неподалеку от устья Кичеры.

В июне приехал Кузьма Иванович. Он прежде всего спросил: удалось ли мне что-нибудь разузнать о скате омулевых мальков этой весной? Рассказала ему, что слышала.

Осенью того же 1944 года он вместе с сыном Юрием поселился в верховьях Кичеры, подле самых нерестилищ омуля, в глухой тайге, вдали от жилых мест. Рыбаки завезли

ему туда зимовье, наспех поставили. В нем ни дверей, ни печи, ни подполья, Пришлось Кузьме Ивановичу оборудовать его самому. За хлебом зимой ходил на лыжах в ближайший населенный пункт почти за двадцать километров. А морозы там бывают жестокими.

Отрезанный от цивилизованного мира, он Робинзоном провел здесь год, чтобы проследить размножение омуля в естественных условиях. Таких наблюдений до него еще никто не делал. Шел ему тогда пятьдесят третий год. Постепенно перед ним раскрылась жизнь омуля на заре его развития. Это была целая трагедия. К весне сохранилось всего пять-десять процентов живой икры. Оказалось, что еще во время икрометания ее пожирали сами омули и другие рыбы: хариус, ленок, налим, бычки-подкаменщики. Весной, едва начали появляться личинки из икры, на них опять набросились хищные рыбы. Особенно ярым был гольян. Десятки тысяч его особей преграждали путь крошечным малькам, скатывающимся с нерестилищ.

Такова была неожиданная картина, представшая перед исследователем. Мог ли он мириться с ней? — Нет! Он начал ратовать в печати за искусственное размножение на рыбозаводных заводах омуля, да не только его. В то время лишь единственный Большереченский завод занимался таким разведением, закладывая ежегодно в аппараты до двухсот миллионов икринок омуля. Кузьма Иванович настаивал на строительстве новых заводов, чтобы ежегодно они инкубировали до пяти миллиардов икринок.

Искусственное рыбозаведение увлекло Кузьму Ивановича еще задолго до того. Уже в 1937 году он ставил опыты по выращиванию хариуса, линка, омуля в лаборатории. А тридцать пять лет спустя однажды не без гордости проговорился: «Мне удавалось выращивать омулей до года, а мои ученики выращивают их теперь до пятилетнего возраста!»

Вскоре мне посчастливилось видеть этих пятилетних, крупных, упитанных, стремительно плавающих в огромных

аквариумах Биологической станции в Больших Котах. Любова была ими и думала: «Кто знает? Может, со временем человек и омуля превратит в «домашнюю» рыбу, как зеркального «карпа». В то время его инкубировали все еще только на Большереченском заводе, который с 1933 года выпустил более десяти миллиардов личинок омуля. А в 1970 году заложил их в аппараты уже свыше восьмисот миллионов.

За год до начала работы Северо-Байкальской экспедиции Кузьма Иванович опубликовал работу, в которой писал, что биология рыб Байкала и Ангары еще мало исследована. «...поэтому изучение биологии икротетания, икры и молоди байкальских рыб является важнейшим шагом к разрешению проблемы планового воспроизводства рыбных запасов в Байкале». Сам он отдавал много времени и сил разрешению этой проблемы с давних лет.

Еще в прежние годы на Большой речке он наблюдал размножение омуля в естественных условиях и на заводе — в искусственных. В Больших Котах на Биологической станции в 1937 году досконально проследил развитие омуля, начиная от икры до выхода мальков, длившееся двести дней. Затем изучил и начальные стадии развития молоди. При том установили: влияние температурного и газового режима имеет исключительное значение на первых стадиях развития и перед выходом личинок. И оплодотворенная икра развивается при низкой температуре в среде, достаточно насыщенной кислородом. Позже на основе этих выводов он предложил Большереченскому заводу усовершенствования, которые значительно приблизили условия развития икры и мальков в искусственных условиях к естественным.

А в том году, когда Сосинович с Тюриным искали нерестилища омуля на Кичере, Кузьма Иванович начал изучение биологии размножения его на реках: Большой и Малый Чивыркуй, на Безымянке. Вместе с Ф. Б. Мухомедяровым проводил стационарные исследования. Они наблюдали ход омулей на нерест, довольно сложный, по Чивыркуй-

скому заливу; изучали возрастной состав, соотношение полов и плодовитость.

Эти поиски увлекли Кузьму Ивановича навсегда. Такие же исследования он продолжал в 1935—1936 годах на Большой речке, на Култучной, затем отправился на Селенгу. Наблюдения в этих местах во многом дополнили сведения, полученные им на реках, впадающих в Чивыркуйский залив. После обработки всех этих данных он в 1937 году напечатал работу по биологии нереста омуля в реках средней и южной частей Байкала.

В том же году провел любопытные опыты на Биологической станции, решив выяснить, смогут ли мальки омуля и других байкальских рыб жить в подсоленной воде. В крепко соленой они первоначально цепенели и падали на дно, но минут через десять приходили в себя и начинали плавать. А выживали не больше суток. Но в солоноватой воде в течение двух месяцев чувствовали себя не хуже, чем их контрольные собратья в пресной воде. После этих опытов Кузьма Иванович писал: «Не делая сейчас каких-либо выводов, можно сказать: постановка такого рода экспериментов могла бы пролить свет на происхождение некоторых байкальских животных». Выходит, в то время его тоже увлекла проблема происхождения байкальской фауны. Не тратя лишних слов, он приступил к решению одного из важных вопросов ее, впервые поставив такие своеобразные опыты.

Через несколько лет Кузьма Иванович с еще большим размахом продолжил свои исследования биологии размножения омуля. После наблюдений на Кичере в 1946 году работал в районе Посольского сора, около Селенги. Здесь в течение шести лет им была проделана огромная работа. С помощью студентов ежегодно производились массовые измерения самцов и самок для установления соотношения полов в стадах. Было обработано семь тысяч проб чешуи для выявления возрастного состава омулей. Проводилось массовое кольцевание этих рыб. По кольцам, прикреплен-

ным к плавникам, потом определялись в местах отлова помеченных омулей районы распространения посольской расы. Кстати, эту расу открыл и описал К. И. Мишарин.

До него первые три: чивыркуйскую, селенгинскую и северобайкальскую изучил в сороковых годах Ф. Б. Мухоме-диаров.

Посольский омуль интересовал Кузьму Ивановича неспроста: от него ежегодно брали икру для Большере-ченского завода. Потому особо тщательно изучалось им изменение численности этой расы, ее распространение по озе-ру и отлов; оплодотворение и, само собой, — инкубация ик-ры; выход и скат мальков в Байкал.

Постепенно накапливая наблюдения, он в 1953 году, как итог их, опубликовал большую сводную работу «Естествен-ное размножение и искусственное разведение посольского омуля в Байкале». Она заняла солидный том «Известий Биолого-Географического научно-исследовательского инсти-тута при Иркутском университете».

Автор ее к тому времени успел изучить размножение омуля на всех нерестилищах озера, кроме верхнеангарско-го, и пришел к печальному выводу. В природных условиях из двадцати тысяч икринок вырастает всего десяток-полто-ра рыб, достигающих зрелости. Потому опять ратовал за искусственное рыборазведение, описывая все преимущества его перед естественным.

Искусственное разведение рыб... Любопытна его история на Байкале. Энтузиаст К. Пантелеев в 1919 году провел первые опыты по оплодотворению икры омуля. В сле-дующем — он в селе Жилино в простой крестьянской избе оборудовал первый рыборазводный пункт. Садки для икры делали из ивовых прутьев. Но и с такой «техникой» из семидесяти тысяч икринок получили пятьдесят тысяч мальков.

Несколько лет спустя под руководством Пантелеева за-работала опытная рыборазводная станция в Улан-Удэ. А с 1927 года началось повальное увлечение искусственным

разведением омуля на Селенге, на реках Чивыркуйского залива, на Кичере. Внезаводским способом икру оплодотворяли и закладывали в траншеи и в канавы, на одной Кичере — до ста пятидесяти миллионов икринок.

В тридцатых годах построили Большереченский завод. С ним Кузьма Иванович связал свою судьбу на всю жизнь, был постоянным консультантом. Завод со временем стал главным «инкубатором». Из него омуль расселялся не только по Байкалу, но и по «всему свету». Его завезли в Братское водохранилище, откуда он перекочевал к верховьям Ангары, проник в реку Белую, Иркут. Несколько миллионов его личинок в пятидесятых годах поселили в Забайкалье, в Гусином озере, десять миллионов в Ангарском водохранилище, двадцать пять миллионов в Норильском озере, около тридцати миллионов в Ладожском и Онежском озерах. Послали миллион икринок на Украину, пятнадцать миллионов в Монголию, в озеро Хубсугул (Косогол). А в июне 1973 года десять миллионов личинок омуля самолетом доставили в Красноярское водохранилище. Кузьму Ивановича такой «разворот» искусственного разведения не мог не радовать. Его исследования были нацелены на то.

Еще в давние годы увлекла его и проблема акклиматизации рыб. Заманчивая идея!.. Переселить бы в Байкал, столь богатый кормовыми запасами, пелядь, тугуна, чудского сига, ангарскую стерлядь, амурского сазана. Последнего можно бы и в реки: Иркут, Белую, Бирюсу, Оку, Лену. «Условия обитания сазана в притоках Амура, Шилке, Онеге мало чем отличаются от гидрологических условий в реках Иркутской области и БМАССР», — писал он, призывая не ждать милостей от природы.

Амурского сазана в 1944—1945 годах завезли в Посольский сор. Он там хорошо прижился и к 1970 году дал около двадцати поколений. Рыба эта не только вкусна, но и крупна — до десяти килограммов весом. Изучением ее занялся ученик Кузьмы Ивановича М. Г. Асхаев и написал научную работу.

Научные работы К. И. Мишарина печатались на протяжении многих лет. Одни названия их дают представление, каков был круг интересов автора. Изучение биологии размножения байкальских рыб, их промысла, акклиматизации новых видов, но особенно — искусственное рыбозаведение — вот главные проблемы, которые занимали его всю жизнь. Омулю он всегда отдавал особое предпочтение, исследованию его посвятил многие годы.

После Северо-Байкальской экспедиции я встретила с ним четверть века спустя на научной конференции биофака Иркутского университета. Он председательствовал на ней «Постарел!..» — подумалось невольно. Да и не мудрено: он уже отпраздновал свой семидесятипятилетний юбилей. Хотя на лице его залегли глубокие морщины, а поредевшие волосы изрядно поседел, но еще ничуть не сутулился. Был энергичным, бодрым. По-прежнему шагал размашисто. Мне хотелось расспросить его кое о чем, и на завтра мы встретились. Беседовали часа три. Вот когда он разговорился!.. Хотя не однажды спохватывался:

— Некогда, некогда!.. Отчет еще не закончил. Тут в Москву на днях — на совещание. В экспедицию собираться надо.

Шел ему тогда семьдесят восьмой год. Я слушала и не замечала ни его морщин, ни седины. За рабочим столом в своем небольшом кабинете сидел мой прежний учитель, давно носивший звание профессора, «прицеливающийся» или добродушно-насмешливый. Ново было для меня и то, что в речи его царила шутка и что он стал таким общительным.

Впервые узнала от него: родился он на Лене, в захолустной деревушке Жигаловского района, километрах в трех от Тутуры. Рос в семье захудалой — бедняцкой, без отца. Непросто ему было овладевать начальной-то грамотой, а тем более пробиваться через рабфак в университет.

Когда я призналась, что собираюсь писать о нем и о Северо-Байкальской экспедиции 1943—1945 годов, он недовольно спросил:

— О чем тут писать? Какие такие открытия мы с вами делали? Просто работали.

Ну, конечно, «таких открытий» у нас не было. Да выпадали-то они на долю очень немногих и, может быть, раз в десятилетие, а то и в несколько. Но в промежутках между ними столько людей просто работало на Байкале годами, а некоторые и всю жизнь, как сам Кузьма Иванович. Их стараниям «Славное море» немало обязано тем, что стало одним из самых изученных пресных водоемов мира. Но эта когорта байкаловедов совершенно неизвестна массовому читателю. И захотелось рассказать хотя бы об одном из них, притом далеко не заурядном.

В последнюю встречу с ним летом 1972 года опять услышала от него шутку: «Вот не успел оформиться на пенсию, когда исполнилось шестьдесят, теперь придется уж работать до последних дней...» Сам усмехается. Этого-то и хотелось ему. Но... не сбылось. Уже тогда он был смертельно болен, хотя, видимо, и сам не сознавал того. В следующем году вынужден был оставить университет.

Незадолго до смерти, после приезда младшего сына Владимира с Дальнего Востока, Кузьме Ивановичу вдруг стало легче. Он поехал повидаться с братом в Усолье. Потом отправился на Байкал, на Большереченский завод, с которым был связан всю жизнь. А вскоре ушел из жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Базикалова А. Я. Амфипода озера Байкал.—Тр. Байкальской лимнол. ст. АН СССР, М; Л.: Изд-во АН СССР, 1945, т. 2.
- Базикалова А. Я. К систематике байкальских Амфипода.—Тр. Байкальской лимнол. ст. АН СССР, М; Л.: Изд-во АН СССР, 1935, т. 6.
- Базикалова А. Я. Новые данные о глубинной фауне Амфипода Байкала.—М.: Изв. АН СССР. Биология, 1941, № 3.
- Верещагин Г. Ю. Происхождение и история Байкала, его фауны и флоры.—Тр. Байкальской лимнол. ст. АН СССР, М; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, т. 10.
- Верещагин Г. Ю. Отчет о работах, проведенных на Байкале во время командировки от Императорской Академии наук летом 1916 года.—Тр. комиссии по изуч. оз. Байкала, Петроград: Изд-во Рос. Ан, 1918, т. 1.
- Верещагин Г. Ю. Характеристика озер мира (к работам по Кладоцера).—Иркутск: Рукопись. Арх. СО АН СССР, ф. 11, ед. хр.
- Верещагин Г. Ю. Основные пути разработки и корни разногласий в вопросе о происхождении фауны и флоры Байкала.—Иркутск: Рукопись. Арх. СО АН СССР, ф. 11, ед. хр. 79.
- Дневник доктора Бенедикта Дыбовского от 1862 по 1878 год. (Рукописный перевод отдельных глав М. Я. Бушман).—Львов, 1930.
- Дыбовский Б. И. и Годлевский В. А. Об измерении озера Байкал.—Иркутск: Изв. СОРГО, 1871, вып. 5, т. 2.
- Дыбовский Б. И. и Годлевский В. А. Этюды юго-западной оконечности Байкала.—Иркутск: Изв. СОРГО. 1870, вып. 2—3, 1870, т. 1.
- Дыбовский Б. И. Рыбы системы вод Байкала.—Иркутск: Изв. СОРГО, 1876, т. 7, № 1.
- Дыбовский Б. И. Автобиография — Юбилейный сб. ВСОГО — Иркутск: 1901.
- Дыбовский Б. И. Гаммариды озера Байкал.—Иркутск: Изв. СОРГО, 1875, т. 6, № 1.
- Дело главного управления Восточной Сибири, отд. 1, стол 3, о политических преступниках: Бенедикте Дыбовском, Викторе Годлевском,

Алекса́ндре Чека́новском, Бро́нском, Миха́иле Я́нковском и других... на 148 листах.—Иркутск: ОГА, 1883—1917, ф. 25, оп. 6, к. 222.

Дорогостайский В. Ч. Озера Прибайкалья, их природа и экономическое значение (с картой озера Фролихи)—Иркутск: Изв. ВСОРГО, 1924.

Дорогостайский В. Ч. Вертикальное и горизонтальное распределение фауны озера Байкал.—Тр. Ирк. ун-та, 1923, вып. 4, т. 1.

Дорогостайский В. Ч. Краткий отчет о работах Байкальской экспедиции Академии наук в 1916 г.—Труды комиссии по изучению озера Байкал, Петроград, Изд-во Рос. АН, 1922, вып. 2, т. 1.

Дорогостайский В. Ч. Материалы для альгологии Байкала и его бассейна.—Иркутск: Изв. ВСОРГО, 1906, вып. 3, т. 35.

Кожов М. М. Моллюски озера Байкал.—Тр. Байкальской лимнол. ст. АН СССР, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Кожов М. М. Биология озера Байкал.—М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Кожов М. М. Животный мир Байкала.—Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1947.

Мишарин К. И. Промысел и воспроизводство рыбы на Байкале.—Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1949.

Мишарин К. И. К биологии икры и молоди некоторых промысловых рыб оз. Байкал и реки Ангары.—Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1942.

Талиев Д. Н. Опыты применения реакции преципитации к познанию происхождения и истории байкальской фауны.—Тр. Байкальской лимнол. ст. АН СССР, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, т. 10.

Сварчевский Б. А. Краткий очерк спонгиофауны Байкала.—Юбилейный сборник.—Киев: 1901.

Сварчевский Б. А. Материалы по фауне губок Байкальского озера.—Записки Киев. общ. естествоиспытателей, 1901.

Сварчевский Б. А. Материалы фауны губок Черного моря (монаксонида)—Записки Киев. общ-ва естествоиспытателей, 1905, вып. 1, т. 20.

Сварчевский Б. А. Материалы для фауны губок Белого моря и отчасти Мурманского побережья.—Записки Киев. общ-ва естествоиспытателей, 1906, вып. 2, т. 20.

Сварчевский Б. А. Очерки по Гидрария.—Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1923.

Сварчевский В. А. Спонгиологические очерки.—Тр. Ирк. общ-ва естествоиспытателей, 1923, т. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Бенедикт Дыбовский	3
Виталий Дорогостайский	58
Борис Сварчевский	87
Глеб Верещагин	127
Дмитрий Талиев и Александра Базикалова	163
Михаил Кожов	191
Кузьма Мишарин	204
Литература	221

Голенкова Александра Ивановна

СЛЕДОПЫТЫ БАЙКАЛА

Очерки

Корректор С. Г. Калмыкова
Художник Ю. Б. Софронов
Художественный редактор А. Г. Маклыгин
Технический редактор Л. А. Жернова
Редактор С. Н. Асламова

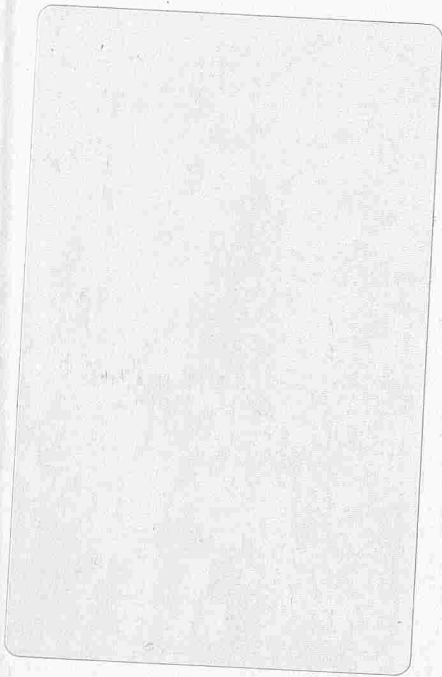
ИБ № 1104

Сдано в набор 9.11.85. Подписано в печать 12.02.86. НЕ 01268. Формат 70×108¹/₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,46. Усл. кр.-отт. 9,89. Тираж 15 000 экз. Заказ 1777. Изд. № 6018. Цена 45 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.

Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

2017

45 коп.

